ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВЗГЛЯД ВРАГА

Винценц Мюллер

Я НАШЕЛ ПОДЛИННУЮ РОДИНУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Летом 1944 года генерал-лейтенант вермахта Винценц Мюллер, командовавший 4-й полевой армией, был вынужден капитулировать перед окружившими ее частями Красной Армии. В плену он вступил в Национальный Комитет «Свободная Германия», а после образования ГДР стал генерал-лейтенантом Национальной Народной Армии. В 1961 году Мюллер покончил жизнь самоубийством, оставив после себя незавершенные интереснейшие мемуары, в которых подробно рассказана история зарождения вермахта.

- Винценц Мюллер
  - На войне
  - Путь к офицерской профессии
  - На востоке
  - Военное поражение 1918 года
  - В Пограничной страже «Восток»
  - Высшая военная подготовка и первое знакомство с нацистами
  - Кризисный 1923 год. Офицер канцелярии Шлейхера
  - Нормальные времена на Бендлерштрассе
  - Поддержание «боевых традиций»
  - Рейхсвер и военные союзы
  - «Чрезвычайные происшествия» в рейхсвере
  - Шлейхер-политик
  - Завершение высшей военной подготовки и работа в имперском архиве
  - Снова в Министерстве рейхсвера. Референт по вопросам территориальных частей и Пограничной стражи
  - Свержение социал-демократического правительства Пруссии
  - Разработка инструкции «Об использовании рейхсвера внутри рейха»
  - Последняя беседа со Шлейхером
  - Мюнхен 30 июня 1934 года
  - Встречи с военным министром фон Бломбергом
  - О заговоре против Гитлера
  - Нападение на Советский Союз
  - На новый путь
  - Фотографии

Винценц Мюллер
Я нашел подлинную родину
Записки немецкого генерала

Чтобы найти истину, каждый должен хоть раз в своей жизни освободиться от усвоенных им представлений и совершенно заново построить систему своих взглядов.

Декарт

На войне

В последние дни июля 1914 года, повредив во время спортивных занятий колено, я лежал в гарнизонном лазарете в Касселе. Родом из Баварии, я в чине фенриха 13-го вюртембергского саперного батальона в Ульме с мая 1914 года находился в Прусском военном училище в Касселе. Заведовавший хирургическим отделением лазарета майор медицинской службы огорошил меня:

— Фенрих, вы повредили себе колено уже второй раз. Эта травма неизлечима. Поэтому едва ли удастся избежать того, что мы возбудим ходатайство о вашем увольнении из армии по непригодности к военной службе.

Однако события помешали моему увольнению. Кассель, как и другие крупные немецкие города, являл собой картину бурного восторга по случаю войны. Теперь ни один человек, обладающий разумом, совестью и любящий жизнь, не мог бы представить себе, что тогда происходило. Некоторые из моих товарищей по военному училищу ежедневно навещали меня и подробно рассказывали о патриотических демонстрациях в городе. Газеты то сообщали о мобилизационных мероприятиях в России, Англии и Франции, то отрицали их, то снова подтверждали прежние сообщения. Взбудораженные событиями, мои товарищи с нетерпением ждали, что их отзовут в войсковые части, к которым они были приписаны. А меня судьба обрекла лежать в постели с ногой в лубке! Я был сильно огорчен этим, злился на себя и на свою болезнь.

Мобилизация, объявленная 31 августа 1914 года, побудила меня покинуть лазарет, несмотря на то что я еле передвигался. Мне повезло: лазарет перестраивался на военный лад, и это облегчило мою задачу. В соответствии с правилами я сдал свою лазаретную одежду, а также принесенную мне библиотекарем две недели назад по его собственной инициативе книгу пангерманиста, генерала в отставке фон Бернгарди «О будущей войне», в которой утверждалось, что Германия может удержать свое место в мире только при помощи оружия.

Я направился в свою войсковую часть — 13-й саперный батальон в Ульме — в скором поезде, переполненном офицерами и резервистами. Наряду с людьми, которые радовались войне, в городах, которые мы проезжали, можно было видеть множество плачущих женщин. В Ульме меня ждало большое разочарование: моя 4-я рота еще 31 июля была отправлена в район Верхнего Рейна. Приписанные к ней по мобилизационному плану офицеры

и солдаты уже отбыли туда же. Таким образом, мне пришлось остаться в запасном батальоне, назначенном для дооборудования крепости Ульм. Травмированное колено уже почти не болело. Главной моей заботой было поскорее попасть на фронт.

Между тем кайзер по случаю утверждения первых военных кредитов 4 августа 1914 года произнес в Берлине, в рейхстаге, речь.

«Нами движет не страсть к захватам, — заявил он, — нас вдохновляет несгибаемая воля сохранить место, указанное нам Богом, для себя и для будущих поколений… В навязанной нам обороне, с чистой совестью и не чувствуя за собой никакой вины, мы берем меч в руки… Я больше не знаю партий, я знаю только немцев».

В этих словах я усматривал идею национального сплочения. После пережитых перед войной острых внутренних противоречий это действовало возвышающе и ободряюще, повсюду царила уверенность в победе. Она укрепилась еще больше, когда кайзер заявил одному из вновь сформированных полков перед его отправкой на фронт: «К Рождеству вы будете дома».

Об ужасах войны, от которой должны были пострадать не только солдаты, но и мирное население, я не думал, хотя они были известны мне по литературе, например из «Разгрома» Эмиля Золя и «Севастопольских рассказов» Льва Толстого. Сейчас речь шла, как мне казалось, о судьбе Германии. Во всех казармах толпились добровольцы. Вскоре пришли первые сообщения о победах — взятии бельгийского города Льежа и падении Брюсселя. На русском фронте дела шли, по-видимому, не так успешно.

Наш запасный батальон строил плотину, чтобы подготовить в долине реки Блау, западнее Ульма, район для затопления. Солдаты, большей частью старые ландверовцы, были довольны своими тыловыми обязанностями. Но я, как обер-фенрих и молодой офицер, считал позорным сидеть в тылу и боялся, что попаду на войну к шапочному разбору.

В конце августа из моего батальона были затребованы в качестве пополнения семь офицеров и около трехсот унтер-офицеров и солдат. Меня затребовали персонально, так как я просил своего прежнего командира роты капитана Нейнингера забрать меня на фронт. Фронт требовал людей, и туда надо было отправить почти половину строевого состава батальона. Командир запасного батальона заметил, что, если так пойдет дальше, мы истечем кровью. Его слова показались мне весьма сомнительными, почти пораженческими.

28 августа под звуки песни «Я же должен, я же должен в

городок, ты останешься здесь, дорогая…» мы отправились из Ульма. Путь лежал через Биллинген, Страсбург, через Брейшталь к приграничной станции Залес в Вогезах. Жители Вюртемберга и Бадена всюду радушно приветствовали нас. Что же касается эльзасцев, то сначала они держались сдержанно и безразлично, а затем, чем ближе мы подъезжали к франко-германской границе, все откровеннее враждебно.

— Не удивительно, — заметил пожилой офицер резерва. — Большинство эльзасцев не желают знать нас, немцев, они еще помнят инцидент в Цаберне.

После двадцати-двадцатипятикилометрового марша мы прибыли в маленький французский город Сен-Дьена-Меруте, только накануне занятый немецкими войсками. Наконец я оказался в своей старой роте, у капитана Нейнингера, которого очень ценил. Многих своих знакомых я уже не застал: одни были убиты, другие ранены. Как новичка, Нейнингер взял меня в первую же ночь в дозор, чтобы показать, что такое война. Мы привели двух пленных французских альпийских стрелков и потеряли своего унтер-офицера. Доставалось нам порядком: мы строили мосты и дороги, а кроме того, в любое время дня нас использовали как пехоту.

6 сентября рано утром наша рота сосредоточивалась для атаки на опушке леса. Перед нами была французская деревня, дома ее уже пылали, гремел набат. Наша артиллерия в условиях Вогезских гор могла вести только ограниченный огонь. Французы, замаскировав свои позиции, притаились. Началась атака. Едва я пробежал несколько шагов впереди своего взвода, как что-то ударило мне в лицо. Двое моих вестовых потащили меня в укрытие. Кровь хлестала у меня изо рта, я выплевывал зубы. Одна из первых мыслей, пришедших тогда мне в голову, была далеко не «геройской»: «Слава богу, теперь можно будет отоспаться». Однако роту я покидал с тяжелым сердцем. В тылу врач констатировал: слепое огнестрельное ранение в шею, нижняя челюсть разбита и вывихнута.

В Залесе, куда восемь дней назад я прибыл с воинским эшелоном, меня погрузили в товарный вагон, в котором уже лежали примерно полтора десятка тяжело раненных офицеров. Мой сосед, обер-лейтенант, пехотинец с ампутированной ногой, умер по пути в Германию.

На одной из остановок рано утром к поезду прибыли санитары Красного Креста, и до меня донесся простонародный швабский акцент: «Там еще один хрипит, скоро кончится». Двое санитаров вошли в вагон и положили меня на носилки. Я чувствовал, что шея у меня все больше распухает, дышать стало

трудновато. Через час я уже лежал на операционном столе городской больницы в Пфорцхейме. Мне посчастливилось попасть в руки хорошего врача. Кормили меня с помощью серебряной трубочки, вставленной в горло. Несколько недель я не мог ни жевать, ни говорить, но производство в лейтенанты скрасило постигшее меня несчастье. Ранение не погасило моего воодушевления войной и уверенности в победе.

Из рассказов раненых стало ясно, что в Северной Франции фронт стабилизовался. Надежды на быструю победу не оправдались.

11 ноября 1914 года, когда я уже снова был в запасном батальоне в Ульме, но еще считался непригодным к несению службы в полевых условиях, сообщение Ставки Верховного главнокомандующего гласило:

«На Изерском участке [в районе Ипра в Бельгийской Фландрии, близ побережья Канала. — В. М.] вчера мы добились значительных успехов… Западнее Лангемарка молодежные полки с пением "Германия, Германия превыше всего…" атаковали первую линию вражеских окопов и заняли их».

В самых широких кругах немецкого населения, особенно у школьной молодежи, эта оперативная сводка произвела сенсацию, вызвала восторг и гордость геройством и боевыми делами молодежных полков, укомплектованных главным образом добровольцами, преимущественно студентами. В нашем же Офицерском собрании в Ульме один старый капитан ландвера сказал так: «Это сообщение из Лангемарка — это же обман. Пусть-ка кто-нибудь попробует с оружием и полной выкладкой идти на штурм под вражеским огнем, да еще при этом петь!» Мы, молодые офицеры, были возмущены этим «нытиком», хотя он был совершенно прав.

В последующие месяцы, особенно когда я снова попал на Западный фронт, из бесед, которые офицеры вели между собой, выявились подробности того, что произошло в Лангемарке в действительности. Молодежные полки и впрямь часто пели «Германия, Германия превыше всего…», но до начала боевых действий. Что же касается боев, то при всем самопожертвовании молодежных полков, большинство офицеров и унтер-офицеров которых не имело боевого опыта, результаты были ужасающими. Полки понесли огромные потери. Весной 1915 года я слышал от одного старшего по званию офицера, что среди этих полков, недостаточно подготовленных для штурма мощных укреплений противника, даже возникла паника. Этот офицер назвал Лангемарк «вифлеемским избиением младенцев». Оценка была направлена главным образом против командования, которое в

тяжелейшей боевой обстановке бросило на убой весьма слабо подготовленные части, а затем пыталось скрыть свою личную ответственность за огромные потери в людях с помощью лживых сводок. Я упоминаю об этом случае потому, что после войны о Лангемарке была сочинена целая легенда с целью сагитировать студенческую молодежь в пользу идеи вооруженной защиты государства, то есть в пользу укрепления военной мощи Германии и реванша.

В районе Ипра, где 11 ноября при Лангемарке были уничтожены огнем молодежные полки, немецкие атаки прекратились уже на следующий день. Весь Западный фронт застыл в позиционной войне.

Незадолго до моего ранения капитан Нейнингер, вернувшись из штаба дивизии, высказал мысль, что кампания в Северной Франции протекает не так, как было запланировано. Речь шла о битве на Марне в начале сентября, которая явилась концом решающего немецкого наступления во Франции. Чтобы в случае войны на два фронта — против Востока, то есть России, и против Запада, то есть Франции, а в данном случае еще и против Англии — нам не оказаться раздавленными перевесом вражеских сил, германский стратегический план 1914 года предусматривал, что в результате быстрого массированного наступления немецких войск с севера, через нейтральную Бельгию, и с запада французская армия будет окружена и разгромлена прежде, чем медленно подойдет «русский паровой каток», как тогда говорили. После победы над Францией или по крайней мере после уничтожения большей части французской армии предполагалось разбить русские войска на Восточном фронте. Временно с целью выигрыша времени до подхода основных сил немецких войск там должны были сражаться слабые немецкие силы и австро-венгерская армия.

Германский Генеральный штаб считал возможным одержать победу в войне на два фронта лишь при условии быстрой победы на Западе, так как иначе перевес сил противников сказывался бы в ущерб Германии все сильнее. Здесь нет надобности заниматься подробным разбором военных действий, в частности, тем, что могло произойти, если бы та или иная политическая или военная ошибка не была допущена. Решающим практически оказался тот факт, что добиться быстрой победы на Западе не удалось. Тем самым были уничтожены все предпосылки, которые, по мнению германского Генерального штаба, были необходимы для благоприятного исхода войны. Тем более что и на Востоке борьба против русских протекала иначе, чем ожидалось. Русских, не жалея средств, поддерживали их западные союзники. Победа,

одержанная генералами Гинденбургом и Людендорфом под Танненбергом, не принесла ожидавшегося эффекта. Причиной неуспеха генштабисты считали в первую очередь то, что союзная австро-венгерская армия не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

Однако война продолжалась, хотя это совершенно противоречило прежней установке Генерального штаба, который считал, что Германия, главным образом ввиду своего экономического положения, не может вести длительную войну. К тому же ситуация на Западе ухудшилась для Германии с самого начала войны, так как под предлогом нарушения Германией бельгийского нейтралитета в войну вступила Англия. И если воевавший на территории Франции британский экспедиционный корпус, летом 1914 года насчитывавший всего 120 тысяч человек, не имел решающего значения, то превосходство английского флота проявилось вскоре самым чувствительным образом в блокаде германского побережья Северного моря. Первые же последствия этого факта глубоко взволновали умы и сердца в Германии, которая на первых норах молила всевышнего: «Боже, покарай Англию!»

С середины декабря 1914 года я снова находился на Западном фронте, в 13-м резервном саперном батальоне XIV резервного армейского корпуса в районе Боном, в Северной Франции. Я снова добился, чтобы на меня пришел запрос, так как стремился на фронт. К сожалению, меня назначили уже не в мою старую роту, где я служил в мирное время, а командиром взвода в 1-ю резервную роту Баденской 28-й резервной дивизии.

Командиром моей роты был капитан ландвера д-р Шехтерле, занимавший до войны крупный пост инженера на железной дороге в Штутгарте. Шехтерле одинаково хорошо знал тактику и военно-инженерное дело, но весьма критически оценивал ход войны. Благодаря Шехтерле я познакомился с либерально-буржуазной газетой «Франкфуртер цейтунг», которую позднее стал выписывать на фронт.

Как только наступила позиционная война, саперы начали цениться на вес золота. Пехота была плохо обучена оборудованию позиций, а главное, она еще не умела пользоваться средствами ближнего боя, например, ручными гранатами, которые изготовлялись тогда саперами и ими же, как правило, использовались. Новые формы боя, например, захват окопов с фланга с помощью ручных гранат, еще только начинали развиваться. Жизнь в окопах была необычайно тяжелой: обстрел противника, грязь по колено, перед которой пасовали все ухищрения саперов. К тому же нас все время угнетала нехватка

артиллерийских боеприпасов, использование которых было ограничено тридцатью-пятьюдесятью выстрелами в день на дивизию, за исключением особых случаев, да и наши чугунные артиллерийские снаряды были очень плохими. Позднее я узнал, почему нам поставляли чугунные снаряды. «Патриотически» настроенные немецкие промышленники в ходе войны поставляли через нейтральные страны высококачественную гранатную сталь противникам Германии, чтобы заработать побольше, хотя каждая тонна гранатной стали, которую они поставляли своей армии, приносила им более ста марок прибыли. Французы, не страдавшие от недостатка боеприпасов, почти ежедневно вели сильный артиллерийский огонь по отдельным позициям, путям подхода и по местам расположения полевых кухонь и транспорта. Особенно неприятным считалось сооружение проволочных заграждений, так как вызывало наибольшие потери. Это объяснялось тем, что первые линии окопов противника находились в среднем в пятидесяти-двухстах метрах от нашего переднего края. Очень не любили у нас и поисков мелкими подразделениями, в которых я много раз участвовал. Нередко задача заключалась в том, чтобы захватить пленных с целью получить данные о противнике, и это было понятно. Совершенно ненавистны были, однако, крупные поиски, которые, как говорили, служили «поддержанию наступательного духа» и целью которых было занять вражеские окопы. Большей частью такие поиски заканчивались неудачей и приводили лишь к тому, что на передовых позициях создавались постоянные очаги беспокойства, а в результате нехватки боеприпасов мы почти всегда несли большие, чем противник, потери. Солдаты старших возрастов — резервисты и ландверовцы — иногда относились к добровольцам военного времени насмешливо-отрицательно. «Ну-ка, давайте, — говорили они, когда для поиска или какой-либо другой неприятной и опасной задачи требовались солдаты, — докажите, что вы добровольцы».

В общем же, настроение в дивизии было тогда еще вполне хорошее, хотя известное разочарование уже наступило. Оно вызывалось тем, что войне не видно было конца. В рождественские дни 1914 года на участках дивизии и на многих других отрезках Западного фронта отмечалось братание с французскими солдатами. На высоте 110 около Фрикура немецкие и французские солдаты обменивались продовольствием. Французские солдаты предложили, чтобы во время выноса раненых с ничейной полосы между позициями прекращалась стрельба. Настроение улучшилось, когда в феврале 1915 года против Англии началась подводная война. Все с

нетерпением ждали ежедневных сводок о потопленных кораблях, надеясь, что новое оружие приблизит развязку.

В течение февраля 1915 года 1-я резервная рота вместе со специально приданной баварской саперной ротой получила новую задачу. В районе расположения 109-го резервного гренадерского полка, вблизи дороги Боном — Альбер, французы начали рыть подземную галерею, рассчитывая добраться до важного участка нашей позиции и взорвать его. Необходимы были срочные контрмеры.

С чисто технической точки зрения подземная минная война была похожа на работу в шахтах. Под землей прокладывались штольни и шахты по возможности с наименьшим профилем, около 60 сантиметров шириной, а высотой — со стоящего на коленях человека, с деревянными креплениями. Работа велась на глубине от 10 до 30 метров. Кроме проходки возможно большего числа забоев, надо было прокладывать и поперечные ходы. Иногда работали как бы на нескольких ярусах сразу. Нашей задачей было внимательно следить путем прослушивания за прокладкой минных галерей противником, разрушать с помощью взрывов участки вражеской минной системы и, наконец, самим подкапываться под вражеские позиции и взрывать исходные пункты работ противника по минированию. Подземная минная война велась еще во время Крымской войны под Севастополем и в Русско-японской войне под Порт-Артуром

Техническая сторона дела была известна, однако тактического опыта не было ни у нас, ни у баварских саперов. В качестве руководства служили две статьи об опыте минной войны из журнала германского Генерального штаба за 1908 год. Дальнейшие знания и опыт мы должны были черпать из практики, которая приносила нам попеременно успехи и поражения. Однажды, например, моя рота из-за французского подкопа потеряла пять саперов. Когда я говорил об этом с командиром 109-го резервного гренадерского полка полковником фон Баумбахом, который сделался для меня как бы вторым отцом, подошел офицер Генерального штаба 28-й резервной дивизии, капитан Бухруккер (после войны Бухруккер стал руководителем «черного рейхсвера»). По поводу трагического случая Бухруккер небрежно обронил: «Что же вы хотите? Лес рубят — щепки летят!» Я разозлился, но был удовлетворен тем, что Баумбах в моем присутствии как следует отчитал капитана.

В конце апреля 1915 года я вместе с тогдашним начальником инженерной службы штаба дивизии, уже упоминавшимся мною капитаном ландвера д-ром Шехтерле, и офицерами саперных подразделений из других дивизий был командирован в Перонь

для обмена опытом минной войны. Руководил совещанием полковник инженерной службы из главного командования сухопутных сил. Вопреки моему желанию Шехтерле потребовал, чтобы я рассказал о своем опыте. Это и решило вскоре вопрос о моей дальнейшей службе.

С середины апреля в десяти-тридцати километрах перед позициями 28-й резервной дивизии (район Арраса) благодаря усилению вражеского артиллерийского огня явно обозначались заметные даже нам признаки подготовки французами крупного наступления, одной из тех «материальных битв» на истощение, которые были характерны для позиционной войны на Западе в продолжение почти трех лет. Благодаря этим «материальным битвам» война на Западном фронте все более превращалась в решение чисто арифметических задач. Я имею в виду трату сил обеими сторонами и объем материальных затрат — оружия и боеприпасов. Германская армия отставала по обоим показателям.

Несмотря на то что военная ситуация коренным образом изменилась в худшую сторону, что стало ясно уже в 1914–1915 годах, определенные круги в Германии открыто требовали аннексии чужих территорий. «Франкфуртер цейтунг», которую я читал регулярно, в качестве главного обсуждала вопрос о том, как «Германия может наилучшим образом обеспечить себе путь к решению стоящих перед ней международных задач». Газета считала, что «присоединение чужих территорий является необходимым, чтобы обеспечить нас в военном отношении либо приблизиться к иным нашим целям. Нельзя открещиваться от этих проблем», — констатировала газета. Вслед за тем газета поместила отрывок о немецкой колониальной политике из только что вышедшей книги профессора истории Ганса Дельбрюка «Наследство Бисмарка» с примечанием, что высказывания Дельбрюка по этому вопросу «в настоящее время интересуют всех поголовно». В этом отрывке Дельбрюк называл «первым и важнейшим из всех национальных требований» создание «весьма большой колониальной империи», «германской Индии», под чем он подразумевал принадлежавшие Англии, Франции и Бельгии территории Центральной Африки. Заслуживающим внимания объектом для германского проникновения он считал и Турцию и говорил, что от Северного и Балтийского морей до Персидского залива и Красного моря должен простираться будущий «район приложения немецких экономических сил».

Это отвечало содержанию «Памятной записки о германских целях войны», которая, как я слышал в последующие годы, была тогда же составлена в промышленных кругах и в которой выдвигались требования создания колониальной империи,

аннексии территорий во Франции и в Прибалтике, а также фактического присоединения Бельгии. Некоторое число именитых профессоров поддерживали изложенные в «Памятной записке» цели.

В первую очередь речь шла, следовательно, о требованиях, которые обосновывались необходимостью укрепить немецкую экономику. С 1915 года в требованиях увеличить территорию Германии или сферу ее влияния все большую роль стали играть такие аргументы, как необходимость укрепить военную безопасность страны путем исправления ее границ и создания широкого предполья.

Я был тогда очень молод и не имел твердых убеждений. Но во время пребывания в лазаретах я слышал о вещах подобного рода значительно больше, чем многие мои товарищи и сверстники на фронте. Из разговоров между ранеными я убедился, что фронтовые унтер-офицеры и солдаты ничего не знали о такой цели войны, как «расширение территории Германии». Им внушали, будто противник хочет уничтожить всех немцев, и они добросовестно, из последних сил оказывали ему сопротивление.

Примечательно, что позднее в дискуссиях о поражении 1918 года, которые велись внутри страны, вопрос о немецких захватнических целях как важной причине поражения замалчивался правыми кругами. Единственным известным мне исключением является Людендорф, который в своей изданной в 1919 году книге «Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.» подробно обосновывает политику захвата и аннексии чужих территорий, которой он и придерживался. Даже 19 сентября 1918 года, всего за несколько дней до того, как Людендорф вместе с Гинденбургом неожиданно потребовал, чтобы имперское правительство ввиду безнадежного военного положения немедленно начало переговоры о перемирии, он предложил статс-секретарю по иностранным делам фон Гинтце — что было совершенно нереально — исправить намечавшиеся послевоенные границы, а именно — включить Виленскую область в будущее Герцогство Литовское, образовав его милостью Германии.

4 августа 1914 года кайзер (это было время, когда он сам, имперское правительство и главное командование еще верили в быструю победу) заявил: «Нами движет не страсть к захватам». Теперь же, когда на быструю победу не было никаких шансов и когда военное положение Германии ухудшилось, стали выдвигать такие требования, как будто победа Германии уже была в кармане. Тяжелые внешнеполитические и внутриполитические последствия этой политики должны были сказаться в ближайшие

годы.

Ожидавшееся большое сражение при Аррасе началось 9 мая 1915 года после пятидневного ураганного огня. Непосредственно под этот удар попала правая половина фронта нашего соседа справа — 26-й Вюртембергской пехотной дивизии. Главный удар французы наносили севернее Арраса. Бои затянулись до лета. Такие названия, как «Высота Лоретто», «Сахарный завод Сушэ» и другие очаги боев, упоминались в оперативных сводках на протяжении многих недель… В середине мая 1915 года 28-я резервная дивизия сформировала несколько групп офицеров. В одну из них был включен и я. Мы должны были на поле боя севернее Арраса изучить опыт ведения боевых действий крупными силами. Кроме того, предполагалось, что 28-я резервная дивизия в недалеком будущем сменит одну из потрепанных в битве при Аррасе дивизий. Задача была поставлена, по-видимому, вышестоящим командованием. Но она могла исходить и от нашего командира дивизии, генерал-лейтенанта фон Павела, который до войны использовался «для поручений». Фон Павел был чрезвычайно грубым и необузданным солдатом. На возвышенности севернее Арраса, за которую шли бои, мы провели три тяжелых дня.

На четвертый день я отпросился у командира группы, чтобы посетить моего старшего брата Эугена, который, как я знал, находился в районе Сушэ в 3-м Баварском пехотном полку. Как католический священник, он подлежал освобождению от строевой службы, но сам добился отправки в действующую армию. Встреча с братом не состоялась, этому помешали условия тяжелой битвы. И я, конечно, не нашел какого-то унтер-офицера Мюллера.

Как-то, когда я после благополучного возвращения в свою роту сидел в блиндаже у Баумбаха, адъютант XIV резервного армейского корпуса, с которым я давно был знаком, позвонил мне и спросил, не желаю ли я отправиться в Турцию. Для военных действий на Дарданеллах подбираются несколько молодых офицеров-саперов, имеющих опыт минной войны. Я согласился. Потом мне стало жаль расстаться с ротой, но согласие было уже дано. Если мне не изменяет память, дня через два солдат с полевой кухни принес копию телеграммы, в которой указывалось: «Лейтенант Мюллер, 13-й резервный саперный батальон, с получением сего переводится в запасный батальон 2-го гренадерского пешего полка в Берлин для направления в германскую военную миссию в Константинополь». Полковник фон Баумбах, который до войны некоторое время был немецким военным атташе в Персии, а также знал Турцию, дал мне немало советов относительно тамошних порядков.

Кроме указанного в телеграмме запасного батальона, в Берлине я должен был явиться за получением инструкций в военно-инженерный отдел военного министерства. Его начальник майор Августин сердечно принял меня и прежде всего осведомился о здоровье моего отца. Я запнулся на мгновение и подумал: «Какие все же любезные люди эти пруссаки: он не знает моего отца, а спрашивает о его здоровье!» Майор Августин, от которого, по-видимому, не ускользнуло мое замешательство, спросил:

— Вы ведь сын генерала Мюллера?

— Нет, господин майор, — ответил я. — Я родом из Баварии, мой отец — владелец кожевенного завода и депутат ландтага. Должен ли я вернуться в свою роту?

Майор Августин заметил:

— Но ведь у вас есть опыт в минной войне?

На мой утвердительный ответ последовало решение:

— Тогда, разумеется, вы отправитесь в Турцию.

Путь к офицерской профессии

Таким образом, я был откомандирован в Османскую империю только благодаря тому, что меня спутали с сыном генерала. Мой отец Фердинанд Мюллер был кожевенных дел мастером, председателем Баварского союза кожевников, а также депутатом баварского ландтага от партии Центра, и по моему происхождению и воспитанию нельзя было и предполагать, что я сделаюсь профессиональным офицером. Мои предки уже с 1630 года жили на своем, все увеличивавшемся с ходом времени фабричном участке в Айхахе — небольшом городке в Верхней Баварии. Моя мать Виктория, урожденная Дойрингер, происходила из старинной и когда-то очень зажиточной семьи пивоваров, имевшей также довольно большое поместье. В начале восьмидесятых годов ее отец обанкротился в результате введения немецких покровительственных пошлин. Мои родители обвенчались уже после этого несчастья. Они были строгими католиками и (особенно моя мать) любили помогать бедным, старым и больным людям. Когда я учился в начальной школе, мне часто приходилось относить больным еду в небольшой корзинке, а зимой и вязанку дров.

Семья наша была большая. Трое детей умерли в раннем возрасте, выжили две дочери и два сына: старшая сестра Тереза, брат Эуген, на пять лет старше меня, младшая сестра Мария, которая, будучи врачом, умерла в 1945 году от профессиональной болезни, и я. Всем нам отец хотел дать образование, так как считал, что в результате развития крупной кожевенной промышленности его кожевенный завод не имеет перспектив. Семья наша жила замкнуто. О причинах этого я раньше не думал. Во всяком случае, здесь не было и тени высокомерия; причиной такой необщительности было, скорее всего, разорение семьи моей матери, сильно сказывавшееся в условиях нашего маленького города. Моя мать была недовольна даже тем, что отец позволил вовлечь себя в политическую жизнь. В ней она видела повод лишь к огорчениям и ссорам.

Первые классы начальной школы Эуген и я прошли в Айхахе. Затем родители послали нас в гуманитарную гимназию в Меттен (Нижняя Бавария). Жили мы в интернате при школе. Считалось, что нам не пристало учиться вместе с другими ребятами из нашего родного города. Выбор пал на Меттен, так как учебным заведением, о котором идет речь, руководили монахи бенедиктинского ордена. Монастырь Меттен был основан Карлом Великим. Он находится у южной оконечности Баварского Леса,

вблизи Деггендорфа, и отрезан от всего света. Гимназия считалась очень хорошей, зато и учителя были очень строги. В первые шесть лет в гимназии и в интернате со мной было немало хлопот из-за отсутствия прилежания и плохого поведения. Когда же я начал все больше интересоваться военным делом, то стал исправляться. В июле 1913 года я окончил гимназию, причем был освобожден от устных экзаменов.

Многим обязан я этой школе. Оттуда я вынес основы знаний, которые пригодились мне в дальнейшей жизни. Разумеется, преподавание определялось католическим миросозерцанием. Принципы католицизма считались мерилом для оценки всех явлений и событий. Вначале обучение и воспитание ориентировались на педагогические идеалы классической древности. В старших классах (начиная с шестого) преподавание велось значительно более широко, особенно это касалось истории, литературы и истории искусств. Изучение религии в старших классах не ограничивалось заучиванием наизусть и комментированием догматических положений, как это было раньше в большинстве средних школ. С вопросами философии, особенно греческой, и современными проблемами социального характера, излагавшимися в духе примирения между бедными и богатыми, мы знакомились наряду с актуальными политическими вопросами.

На занятиях по иностранным языкам (английский и французский) мы не только упражнялись в обычных переводах, но и читали наиболее значительные произведения английской и французской литературы, что являлось как бы дополнением к урокам общей истории и истории культуры. Да и вообще из-за оторванного расположения гимназии и строгости интернатской жизни у нас оставалось много времени для чтения. Мы имели возможность познакомиться с важнейшими произведениями мировой литературы. Так, например, в программе обязательного и необязательного чтения были названы «Война и мир» Льва Толстого, «Ткачи» Гергарта Гауптмана, «Пер Гюнт» Генрика Ибсена.

Теперь кое-кто, быть может, улыбнется, прочитав о подобных методах преподавания в школе. Но тогда, до Первой мировой войны, учебное заведение, подобное нашему, было редкостью, в чем позднее я не раз имел случай убедиться. Короче говоря, большим преимуществом моей гимназии было то, что отдельные предметы изучались не изолированно, а все преподавание велось по хорошо продуманному единому плану. В Меттене я пристрастился к искусству, литературе и особенно к истории, курс которой там в отличие от большинства других тогдашних

учебных заведений включал события вплоть до наших дней.

Своими знаниями по первым двум предметам я обязан прежде всего весьма уважаемому мною учителю патеру Бонифацу Рауху, который в восьмом классе, хотя и с оговорками критического характера, познакомил нас с «Философией искусства» французского историка Ипполита Тэна.

Тогдашнее учение о сущности, обусловленности и явлениях искусства и литературы было догматическим. Оно исходило из определенных норм, например, из греческого идеала красоты, и этот критерий применялся при оценке художественных произведений. Тэн же, напротив, учил, что все явления в области искусства могут быть объяснены историческим развитием, что сценка содержания и формы произведений изобразительного искусства и литературы должна не следовать раз и навсегда установленным канонам, а обосновываться в зависимости от обстоятельств всей совокупностью причин и взаимосвязей, определенными процессами развития. Учение Тэна называют также «теорией среды», потому что оно гласит, что данная общественная среда обусловливает суть и отличительные черты творческих достижений. В этом было нечто правильное. Только оставался открытым вопрос, чем же обусловливается сама «среда».

Знакомство с произведениями Тэна имело для меня большое значение: они стали исходным пунктом для преодоления, так сказать, ортодоксальной католической точки зрения, к которой, несмотря на разностороннее обучение, нас приучали бенедиктинские монахи, а также потому, что теория Тэна выходила за пределы религиозно обусловленных узких гимназических представлений. «Философия искусства» Тэна стала для меня руководящей нитью при изучении литературы и искусств. Много лет спустя она сделалась важной исходной точкой, для того чтобы я заново продумал и пересмотрел не только вопросы искусства, но и вопросы общественного развития в целом.

Примерно с 1911 года (я был тогда в седьмом классе) во мне пробудилась склонность к военному делу; мне хотелось после окончания гимназии стать офицером. Времена тогда были неспокойные. Из-за спора с Францией по поводу Марокко в Германии разгорелись националистические страсти. По сути дела, речь шла о конкуренции между немецкими и французскими промышленниками, которые эксплуатировали марокканские сырьевые ресурсы. Германский кайзер, напористо защищая германские интересы, послал канонерку «Пантера» в марокканский порт Агадир. Казалось, что предстоит война с

Францией. В конце концов дело было решено «коммерческим» способом: Марокко было объявлено французским протекторатом, Германия за отказ от территориальных приобретений в Марокко увеличила свою колонию Камерун за счет Французской Экваториальной Африки.

В связи с посылкой «Пантеры» в Агадир в Германии возникли острые политические дискуссии по вопросу о деспотизме кайзера. Главным образом социал-демократы да и некоторая часть буржуазии открыто бранили Вильгельма II. Круги, называвшие себя национальными, были недовольны франко-германским соглашением и сердились по поводу того, что немецкие политики отступили. Гимназист седьмого класса Винценц Мюллер вместе с ними считал, что у других есть все, а у нас, немцев, ничего.

Моему увлечению офицерской профессией способствовало чтение воспоминаний об освободительной войне против Наполеона, столетие которой праздновалось в 1913 году. Уже за несколько лет до этою стали много писать и говорить о прусских реформаторах — бароне фон Штейне, Шарнгорсте, Шейзенау, Бойене и других вождях национального сопротивления. Примерно с 1910 года я стал читать все книги по этому вопросу, в том числе и те, в которых резко критиковались порядки в Германии и Пруссии.

Когда я откровенно высказал родителям желание сделаться офицером, они заколебались и даже отнеслись к этому отрицательно. Отец сразу же заявил, что это не д ля меня. Офицерский корпус состоит из дворян и сыновей офицеров и чиновников. Кроме того, у нас нет никаких связей с военными кругами, а без протекции меня едва ли примут в армию, да если и примут, то выше звания майора я не дослужусь. В нашей семье не было никаких военных традиций. Мой прадедушка, который в 1811 году, перед походом на Россию, вытянул жребий, нанял вместо себя другого человека. Дед в 1848 году участвовал в гражданской обороне. Моя мать считала, что я должен изучать медицину. Было бы так хорошо, говорила она, если мой брат, уже студент-теолог, станет священником, а я врачом. Эта профессия позволит мне делать так много добра больным и бедным, а если я буду стараться, то и жить в достатке.

Мой отец аргументировал преимущественно политическими контрдоводами. Он, можно сказать, затаил гнев против германского императора и все время говорил о «личном режиме». Особенно возмущался он фразой, произнесенной Вильгельмом II во время одной из его ранних речей: «Кто не за меня, тот против меня, а кто против меня, того я уничтожу». Мой отец вовсе не был настроен, скажем, на бело-голубой лад, то есть по-баварски. Это

было видно уже из того, что в праздники наш дом в числе немногих других домов украшался не только бело-голубым, но и черно-красным флагом. Мой отец не то чтобы не переваривал пруссаков, как многие баварцы, но он часто критиковал прусскую отсталость, которая, например, была видна из сопоставления прусского избирательного права с избирательным правом в южногерманских землях, то есть проявлялась в прусской трехстепенной избирательной системе. Остэльбцам, прусским юнкерам, он приписывал главную вину за вызвавшую столько волнений политику кайзера, а ведь именно они имеют решающее влияние в армии. Возмущенный, он все время вспоминал слова консервативного депутата рейхстага, восточнопрусского юнкера фон Ольденбурга-Янушау, что кайзер может разогнать рейхстаг с помощью одного лейтенанта и десятка солдат. Отец категорически отказался использовать свое влияние как депутат баварского ландтага, чтобы меня зачислили в армию фанен-юнкером (кандидатом в офицеры). После долгих уговоров мои родители согласились наконец, чтобы я сделался офицером.

1 октября 1913 года я поступил в 1-й (баварский) саперный батальон в Мюнхене в качестве добровольца-одногодичника. Мои многочисленные прошения о зачислении фанен-юнкером, с которыми я обращался в различные войсковые часта, несмотря на увеличение численности армии, отклоняли под предлогом отсутствия вакансий. Правда, прошения я подал поздно, в конце 1912 — начале 1913 годов. Быть может, были и другие причины отказа, например, мое социальное происхождение.

Под командой унтер-офицеров началась настоящая муштровка: «Ложись! Встать! Ложись! Встать!» — и тому подобные практические занятия. Иной раз, когда я плохо или якобы плохо выполнял упражнения, меня заставляли пробежать сто метров, крича при этом: «Эти добровольцы-одногодичники — величайшие в истории идиоты!» Иногда, проштрафившись, я должен был влезть на дерево, росшее на казарменном дворе, и до хрипоты кричать: «Я сижу там, где обитали мои предки!»

Очень не любил я и мои товарищи бега с препятствиями, а на гимнастике — прыжков через гимнастический плинт. При выполнении этого упражнения я из-за сильной усталости и повредил себе колено. Однако ни дурное настроение, ни чувство досады, иногда переходившее в злость, не отвратили меня от офицерской профессии.

В декабре 1913 года мой отец еще раз решительно ополчился против избранной мною профессии. Поводом для этого был уже упоминавшийся инцидент в Цаберне, который вызвал тогда как в Германии, так и за границей, особенно во Франции, бурные атаки

против германского милитаризма.

Что же там произошло? В небольшом эльзасском городе Цаберне обострились отношения между населением и военнослужащими располагавшегося там 99-го пехотного полка, укомплектованного из эльзасцев и жителей Северной Германии. На занятиях с новобранцами лейтенант барон фон Форстнер заявил, что каждому солдату, который прикончит жителя-эльзасца, он даст десять марок. Это заявление стало достоянием гласности и, естественно, взволновало население. Несколько раз дело доходило до скоплений на улицах, главным образом молодежи. Командир полка полковник фон Рейтер ввел в дело — хотя этим должна была бы заниматься полиция — небольшое войсковое подразделение, которое самовольно произвело аресты, в том числе совершенно не причастных лиц. Бургомистр Цаберна обратился за помощью в рейхстаг, тогда как командующий Страсбургским военным округом генерал фон Деймлинг угрожал объявить в Цаберне осадное положение.

В рейхстаге состоялись бурные дебаты, причем президент рейхстага Ференбах заявил: «Если так пойдет дальше, то "finis Germaniae"». Рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег считал, что в Цаберне хотели только защитить армию от эксцессов, хотя принятые меры вышли за рамки законности. Прусский военный министр решительно встал на защиту молодых офицеров, заявив, что армии необходимы именно решительные молодые офицеры.

По настоянию рейхстага против командира полка было возбуждено уголовное дело, которое окончилось оправдательным приговором. Лейтенант фон Форстнер сначала был приговорен военным судом к сорока трем дням тюремного заключения, однако высшая судебная инстанция оправдала его. Новобранцы, рассказавшие о «предложении» лейтенанта фон Форстнера, были подвергнуты длительному аресту за нарушение присяги, так как разгласили то, что происходило на военных занятиях.

В ходе этих событий кронпринц направил командиру полка телеграмму: «Держись на своем!» Кайзер, находившийся в это время у своего друга князя Фюрстенберга в Донауэшингене, как обладающий неограниченной командной властью, минуя гражданские органы, поддерживал непосредственную связь с командующим Страсбургским военным округом. Правые круги объявили критические выступления в рейхстаге посягательством на верховную власть кайзера.

Я возражал отцу, который был очень взбудоражен, что этот случай не типичен. В Баварии и в других германских землях что-либо подобное было бы невозможно да, пожалуй, и в Пруссии в целом. Мой отец считал, что инцидент в Эльзас-Лотарингии

показывает, что политикой, которая осуществлялась до сих пор, не удалось завоевать тамошнее население на сторону Германии. Решающим является опять-таки «личный режим», который из-за неограниченной верховной власти кайзера сильнее всего дает себя знать именно в армии. Я тоже осуждал этот инцидент, однако настоял на том, чтобы стать офицером.

Благодаря знакомству с одним офицером мне удалось в январе 1914 года перейти в качестве фанен-юнкера в 13-й (вюртембергский) саперный батальон в Ульме, где как раз освободилось место. Мне посчастливилось попасть в роту, которой командовал очень строгий и волевой, но зато весьма справедливый офицер — капитан Нейнингер, который вскоре стал пользоваться моим глубоким уважением. Случилось, что один унтер-офицер дважды напрасно придрался ко мне, и оба раза капитан незамедлительно отправил его под арест. Так поступал он не только по отношению ко мне, фанен-юнкеру, но и по отношению к рядовым солдатам, и даже при незначительных происшествиях. Из этой роты в мае 1914 года я в звании унтер-офицера, чрезвычайно довольный военной службой и убежденный, что избрал правильный путь, был командирован в Королевское прусское военное училище в Касселе, где меня и застало начало войны.

На востоке

Преодолев многие трудности, я стал наконец лейтенантом. Мне было чуть больше двадцати лет, а я уже побывал в боях на Западном фронте и по недоразумению был включен в немецкий саперный отряд, который в июне 1915 года отправили из Берлина в распоряжение германской военной миссии в Турции. В действительности этот саперный отряд был целой ротой, насчитывавшей 250 человек. Вопреки интересам дела он был сформирован в Берлине из военнослужащих многих саперных батальонов,

В середине июня 1915 года я выехал из Берлина в Константинополь, чтобы — на этот раз в Турции — бросить на чашу весов и «свой вес» в борьбе против врага. Путь шел через Вену, Будапешт и через тогда еще нейтральные Румынию и Болгарию. Поэтому все офицеры саперного отряда (унтер-офицеры и солдаты отбывали небольшими группами — по 15–20 человек) получили гражданские документы. В моем паспорте было указано, что я банковский служащий. В купе поезда я разговорился с пассажиром, который тоже направлялся в Константинополь. Сначала я, сам того не желая, оскорбил его тем, что ничего не знал об издательстве Августа Шерля в Берлине, военным корреспондентом которого он был, а посему считал его единственным патриотическим издательством. Он сказал мне, что уже побывал и на Западном и на Восточном фронтах.

— Просто хватает за сердце, когда подумаешь, как храбро дерутся наши солдаты и как они горят желанием победить! — заявил корреспондент. Затем он стал распространяться о Лангемарке, о воодушевлении добровольцев, особенно студенческой молодежи.

Корреспондент поведал мне много разных героических историй. На основании фронтового опыта я в большинстве случаев понимал, что эти небылицы либо были рассказаны ему кем-нибудь, либо он сам выдумал их. Мой спутник полагал, что предстоящие военные успехи Турции будут иметь для Германии большое значение. После того как султан провозгласил «священную войну» всего магометанского мира, восстание магометан против Англии является только вопросом времени. Больше всего его интересовало, почему такой молодой человек, как я, не пошел добровольно в солдаты. Желая сохранить тайну, я заявил, что болен.

В конце концов за три дня путешествия мы хорошо поняли

друг друга. Он подарил мне на память книгу Пауля Рорбаха «Немецкая идея в мире». Эта книга и сейчас у меня. Тогда я подчеркнул в ней многие места, в том числе и такие строчки: «Является ли вечный мир, как считал Мольтке, некрасивой мечтой или все же красивой, будет ли он осуществлен в ближайшем или далеком будущем, — пока дела в мире обстоят так, что каждая большая и сильная нация обладает инстинктом самосохранения в форме национального стремления к экспансии, причем предел ее будет там, где выступят другие национально-политические встречные влияния достаточной силы». Еще больше понравилась мне фраза, относившаяся к Турции: «Мы стремимся не к политической, или экономической, или колонизаторской германизации Турции или же какой-либо ее части, а к внедрению германского духа в большой национальный процесс обновления, охвативший этот восточный народ, которому принадлежит или будет принадлежать будущее и политическое господство между Персидским заливом и Средиземным морем».

Впоследствии я узнал, что Рорбах принадлежал к пангерманцам, но вопреки обычным для этих кругов нравам излагал свои взгляды более «тонким» образом.

Каждый немецкий офицер, поступая на службу в турецкую армию, получал повышение. На время, пока я носил турецкую форму, я превратился в кайзеровско-османского обер-лейтенанта. Первые сведения о положении в Турции я получил в Константинополе, который немцы большей частью называли на греческий лад — Господи, от прибывшего сюда раньше капитана нашего отряда Гильдемана. Гильдеман сообщил нам, что положение в городе из-за оперативной обстановки на Дарданеллах, где ожидались сильные английские и французские атаки, было очень напряженным. Армяне, греки и вообще левантийцы уже подготовили тайно флаги союзнических цветов, чтобы украсить дома при вступлении в город английских и французских войск. В остальном турки — хорошие люди, однако в верхах наблюдается сильная коррупция. Турецкое командование стремится как можно скорее сделать немецкий саперный отряд вполне боеспособным для Дарданелльского фронта.

Однако, на наш взгляд, события развертывались крайне медленно. Всюду утешались словами «Иншаллах» или «Машаллах» («Да поможет аллах»). Наконец в конце июня первые сто человек из нашего отряда после короткого переезда по железной дороге в западном направлении выступили в поход к Галлиполийскому полуострову — западному берегу Дарданелльского пролива. Главнокомандующим Дарданелльским фронтом был начальник германской военной миссии в Турции

немецкий генерал от кавалерии и кайзеровско-османский маршал Лиман фон дер Сандерспаша. Когда я представлялся ему, он даже не подал мне руки, что меня обозлило.

Бои на полуострове Галлиполи велись на два фронта: на юге, где турецкая Южная группа войск, занимая по фронту около десяти километров, находилась примерно в восьми километрах от южной оконечности полуострова, и на севере, где Северная группа войск оперировала в центре полуострова фронтом на запад. Турецким войскам противостояли англичане, а на южной оконечности находились слабые французские силы. Саперный отряд был придан Южной группе.

На Галлиполи, как и на Западном фронте, шла позиционная война, однако с той разницей, что противник поддерживался артиллерией своего флота, а турецкие войска были буквально нищенски вооружены, не имели боеприпасов и подсобных технических средств, особенно механизмов для оборудования оборонительных позиций, в результате чего несли большие потери.

Преимущество турок заключалось в том, что все господствующие высоты они держали в своих руках. Немецким саперам выпала задача оборудовать позиции, используя опыт Западного фронта. В двух местах противник начал подземную минную войну против важных узлов турецкой обороны. При этом английские саперы держали себя как «джентльмены»: в качестве рабочей силы они использовали главным образом греческих крестьян с близлежащих островов, а сами только осуществляли надзор за ними. 13 и 14 июля началось последнее крупное англо-французское наступление против турецкой Южной группы войск. Туркам пришлось плохо, так как их артиллерия не была достаточно сильной, у них не было скорострельных орудий и, главное, не хватало боеприпасов. В конце концов наступление было отбито турками с большими потерями с обеих сторон. В нашем немецком саперном отряде появились первые убитые и раненые.

Шла обычная позиционная война. Задачи саперной команды оставались прежними. Главной задачей была подземная минная война. Добродушные турецкие солдаты, большей частью анатолийские крестьяне, сначала побаивались этого вида боевых действий. Однако они оказались очень смышлеными. Вообще можно было только удивляться равнодушию, с каким эти простые турецкие солдаты воспринимали сопутствующие войне явления, и их почти невероятной нетребовательности. Ежедневный рацион турок чаще всего состоял из грубого кукурузного хлеба и горсти маслин. Иногда вместо питательных маслин им выдавали мелкую

вонючую рыбу, хранившуюся в ящиках или бочках с мокрым песком.

Немецкие военные корреспонденты иногда объясняли стойкость турок в обороне и их спокойно-терпеливое отношение к бедствиям и тяготам войны «кисметом» магометан. «Кисмет» — это счастье или судьба. Это слово означает также покорность судьбе и непоколебимую веру в то, что аллах щедро наградит всех хороших людей, а тем более храбрых воинов. Эта покорность простых турецких солдат судьбе, вероятно, основывалась на определенных доктринах магометанской религии. Властители Турции — султаны и паши всегда использовали набожность своих подданных и воинов как весьма действенное средство, чтобы держать их в повиновении во имя захватнических целей господствующей верхушки.

С тех пор как турки пришли в Переднюю Азию и в Европу, они проявили себя как исключительно воинственный народ, который пренебрегал производительным трудом. Они считали труд уделом покоренных народов и племен, развивавшихся поэтому быстрее, чем их османские повелители. «Младотурецкая революция» 1908 года, целью которой было вывести страну на путь европейского развития, практически ничего не изменила. На высших правительственных постах появились лишь новые люди. Масса турок — даже если бы у новых властителей было стремление изменить положение — не могла бы в столь короткое время преодолеть экономическую отсталость страны, явившуюся итогом многовековых захватнических походов. Этим объясняются и острые внутренние противоречия между отсталым в своей массе турецким народом и другими, порабощенными Турцией народами, прежде всего греками, армянами, сирийцами и арабами.

Подлинной причиной живучести идеи покорности судьбе была экономическая, социальная и культурная отсталость. Она проявлялась в том, что анатолийские крестьяне обрабатывали скудную землю примитивными средствами. Они не имели даже того, что у отсталых народов считается прожиточным минимумом. Культурная жизнь в стране отсутствовала, если не считать того, что предлагалось туркам духовенством на основе Корана. Большая часть турок не умели ни читать, ни писать. Эти турецкие крестьяне должны были выносить на себе всю тяжесть войны на главном в ту пору театре военных действий в Турции — войны из-за Проливов. Никто из них не понимал, в чем было дело. Большей частью они относились к немногим, находившимся на фронте немцам дружелюбно, как к людям, оказывающим им помощь. Турецкие офицеры, особенно старшие, относились к

немецкой помощи по-разному.

В первой половине августа 1915 года англичане предприняли еще одну попытку высадить десант в районе Северной группы, то есть на западной стороне полуострова Галлиполи. Десант был высажен при поддержке крупных военно-морских сил с целью расширить фронт при Арибурну. При этом англичане не слишком напрягали силы. Несмотря на это, положение становилось критическим. Хотя большая часть турецких резервов находилась на расстоянии нескольких суточных переходов, туркам удалось ценой больших жертв стабилизировать фронт и окончательно остановить наступавших англичан примерно в шести-восьми километрах от побережья.

С целью укрепления турецких оборонительных позиций на этом участке фронта был создан временный штаб под руководством немецкого майора инженерной службы Эфферта, который прибыл в Турцию в 1913 году с германской военной миссией. В него вошли много турецких офицеров, несколько немецких офицеров-артиллеристов и от немецкого саперного отряда — обер-лейтенант Кёнинг и я, а также несколько немецких унтер-офицеров. Мне представился случай познакомиться с турецким командиром дивизии полковником Мустафой Кемаль-беем, которого как раз назначили командующим новым участком фронта. Молодой по возрасту, он уже имел за плечами боевой опыт и несколько раз был ранен. В 1917 году я встретил его уже в звании генерала, как его превосходительство Мустафу-пашу, в Госполи, на большом Галатском мосту. Я приветствовал его, и он, несколько помедлив, узнал меня. В беседе он вспомнил тяжелые дни на полуострове Галлиполи и подарил мне на память свой серебряный портсигар, который я храню до сих пор. Позднее этот генерал прославился на весь мир под именем Кемаля Ататюрка — «отца турок». Будучи первым президентом страны, он старался сделать ее экономически независимой и осуществлял политику нейтралитета и дружественных отношений со всеми государствами, особенно с соседними.

С августа 1915 года англичане прекратили всякие активные действия на Дарданелльском фронте и продолжали обычную позиционную войну, причем их материальное превосходство (главным образом в артиллерии и боеприпасах), а иногда и огонь их корабельных орудий, естественно, весьма беспокоили турок.

В Южной группе, куда я возвратился, можно было видеть, как британские солдаты за линией фронта играют в футбол. Однако турецкая артиллерия стрелять не могла, так как ей приходилось беречь то небольшое количество снарядов, которое имелось в наличии. Потери немецкого саперного отряда из-за болезней, а

также убитыми медленно, но неуклонно росли. Я сам в начале ноября 1915 года был ранен английской гранатой и пролежал четыре недели в турецком лазарете, так как не хотел возвращаться в Госполи.

В ночь с 19 на 20 декабря 1915 года англичане оттянули свои войска перед Северной группой, а в ночь с 8 на 9 января 1916 года — перед Южной группой, чтобы укрепить возникший в ходе кампании в Сербии важный участок фронта в районе Салоник. Немецкие офицеры на полуострове Галлиполи утверждали, что англичане подвели русских, так как весь смысл Дарданелльской кампании заключался в том, чтобы обеспечить морские коммуникации, с помощью которых можно было бы оказывать материальную поддержку военным усилиям России.

Мы обрадовались, когда 9 января 1916 года англичане исчезли из Галлиполи и война, хотя и на небольшом театре военных действий, окончилась. Некоторыми овладела мысль: хоть бы поскорее настал тот прекрасный день, когда война окончится вообще!

Между тем в Месопотамии, будущем Ираке, создалась опасная военная ситуация. Английские части, состоявшие главным образом из индийцев, продвинулись от Персидского залива вверх вдоль Тигра, в направлении на Багдад. Около Кут-эль-Амары, примерно в двухстах километрах южнее Багдада, были окружены около 12 тысяч турецких солдат. Приходилось считаться с еще большей концентрацией британских сил и, следовательно, с тем, что вновь возникнет угроза Багдаду. Поэтому в конце февраля 1916 года немецкому саперному отряду было приказано выступить в направлении на Багдад.

Однако до нашего прибытия в этот город прошло несколько месяцев. Еще в Госполи понадобилась серьезная подготовка для действий в субтропической Месопотамии. Если в Галлиполи мы были посланы без большой подготовки к тамошним условиям, то для действий в Ираке была проведена военно-географическая подготовка, материалы для которой разработал картографический отдел заместителя начальника штаба действующей армии. В них содержалась информация о границах и территории Месопотамии, о климатических условиях, геологическом строении и полезных ископаемых страны, особенно о залежах нефти (с учетом того, что надо считаться с огромным значением этого крупного нефтяного района в будущем), о пестром национальном составе населения, в массе арабского, о плотности населения (3 человека на квадратный километр, тогда как в Германии — в среднем 120 человек на квадратный километр), иностранном влиянии, особенно

английском и французском, о миссиях, концернах и консульствах, о распространенных там болезнях — чуме, холере, тифе, малярии, гнойных язвах и других, о состоянии дорог и транспорта.

Переброска отряда на расстояние две тысячи километров затянулась, так как Багдадская железная дорога была готова не на всем протяжении. Первые большие задержки возникли при преодолении походным порядком горных хребтов Тавра и Амануса, ибо дороги там еще не были достроены. Зато нам удалось увидеть много известных исторических мест и памятников. Тавр мы перевалили через Киликийские Ворота, где в древности и в Средние века проходили разные армии, а в раннем Средневековье даже крестоносцы. Мы видели небольшое, хорошо просматриваемое поле битвы под Иссой, где Александр Македонский в 333 году до нашей эры разгромил намного превосходящие силы персидского царя Дария. Мы пересекли реку Салеф, в которой во время 3-го Крестового похода утонул кайзер Фридрих I Барбаросса. В целом же наш путь в Ирак был очень трудным.

Мы, конечно, не понимали, что воюем в Турции ради интересов Немецкого банка в Багдадской железной дороге, а полагали, что делаем это для блага Германии. Мы не задумывались и над огромным значением этого крупного нефтяного района в будущем. Скорее, мы надеялись, что Германия получит барыш от этого будущего. О правах и чаяниях местного населения мы не думали — мы отмечали только его отсталость. Позднее я понял, что и немецкий саперный отряд был инструментом, хотя и очень маленьким, германской экспансионистской политики, представители которой, не разбираясь в реальной обстановке, решили добиться своих целей при помощи войны.

В первой половине мая 1916 года мы наконец по отрезку Багдадской железной дороги добрались из Алеппо в Джераблуз на Евфрате и на импровизированных деревянных плотах отправились вниз по реке к югу, в район Багдада. Эта операция была организована морским отрядом под командованием известного тогда морского офицера, капитан-лейтенанта фон Мюкке. Он служил на германском крейсере «Эмден», который в течение нескольких месяцев вел боевые действия против английского флота в Тихом океане. Когда англичане в конце концов вывели крейсер из строя, фон Мюкке с небольшим отрядом матросов пробился в Аравию и присоединился к немецкому морскому отряду в Турции. Через много лет — в 1950–1951 годах — я встретил его в Берлине. Он, тогда уже в летах,

принимал участие в движении за мир в качестве представителя западногерманского населения.

Прежде чем немецкий саперный отряд начал свое плавание на плотах по Евфрату, в Джераблузе у нас было неприятное переживание: мы наблюдали, как в Турции преследуют армян. Под конвоем турецких жандармов мимо нас проследовали четыре или пять партий, по тысяче армян в каждой. Это были большей частью пожилые люди, женщины и дети. Они являли собой картину нищеты и отчаяния. Они происходили главным образом из населенного почти одними армянами района Тарсус, то есть местности западнее и южнее горных цепей Тавра и Аманyса. У турецкого коменданта тылового района в Джераблузе мы узнали, что армяне «переселяются» с берегов Средиземного моря в глубь страны, в гористые и пустынные районы. По всей вероятности, их ждала гибель.

Плавание на плотах по Евфрату длилось около четырех недель. Оно было в одно и то же время и скучным и интересным. Мы проплывали мимо древних руин персидского или римского периода, а также средневековых турецких укреплений. Когда мы преодолели примерно две трети пути, близ Аны началась пальмовая зона. Возле Хита мы впервые увидели, как нефть бьет из-под земли наподобие источников. Отсюда по обеим сторонам реки пошли многочисленные старинные оросительные устройства, некоторые еще времен древнего Вавилона и Багдадской империи халифов. Эти устройства могли орошать землю на протяжении 50–200 метров. Вода поднималась из реки с помощью примитивных черпаков, приводившихся в движение лошадьми или ослами, а то и женщинами и детьми. Это свидетельствовало об исключительной бедности Месопотамии и вместе с тем указывало на большие возможности развития страны, если применить современную технику для орошения этих богатейших земель. Все государства, которые до тех пор вели споры из-за Месопотамии — Англия, Россия и Германия, — думали, конечно, не об улучшении жизни местного населения, а только о том, чтобы как можно больше выжать из страны. Большинство арабов вели тогда кочевой образ жизни. Со своими лошадьми, верблюдами и овцами они странствовали по широким просторам и враждовали друг с другом из-за пастбищ и воды.

В середине июня после напряженного, почти пятидесятикилометрового ночного марша от Евфрата к Тигру мы достигли Багдада.

Конечно, мы не увидели тех красочных картин, какие рисуют старые сказки «Тысячи и одной ночи». Да мы этого и не ожидали. Зато леса финиковых пальм, окаймлявшие большую часть города,

выглядели красиво.

В городе мы увидели главную улицу с ее правительственными зданиями, иностранными консульствами и лавками. На других улицах лепились главным образом бедные домишки из кирпича-сырца, обмазанные глиной. На окраинах города было множество убогих глинобитных хижин.

Население в Багдаде было смешанное — арабы, сирийцы, евреи, армяне, халдеи и другие небольшие, главным образом христианские, этнические группы. Турки составляли преимущественно верхушечный слой в гражданских органах управления и в армии. Повсюду бросались в глаза картины величайшей бедности, хотя на улицах шла оживленная торговля водой, хлебом, фруктами и мелкими предметами обихода, вроде зеркал, стеклянных бус, пуговиц и т. п.

Первое время перед немецким саперным отрядом не были поставлены какие-либо задачи. Еще в конце апреля 1916 года под Кут-эль-Амарой сдалась в плен окруженная лишь слабыми турецкими силами британская ударная группа численностью около 12 тысяч человек под командованием английского генерала. Таунсенда. Относительно дальнейших боевых действий между турецким главнокомандующим Халилем-пашой и немецкими офицерами Генерального штаба были принципиальные разногласия. Немецкая точка зрения сводилась к тому, чтобы всеми имеющимися силами преследовать противника по пятам и развивать наступление на юг, в сторону Персидского залива. Турецкая точка зрения, в конце концов возобладавшая, предусматривала прорыв в Персию с целью взять под свой контроль Западную Персию и одновременно отбросить русских, кавалерия которых еще раньше вышла на турецко-персидскую границу. Несмотря на расхождения по военным вопросам, Германия была заинтересована и в Персии. Как я впоследствии узнал, германские транспорты с золотом шли в Персию, персидскому маршалу Низаму-эс-Султану, который обещал сформировать для борьбы с русскими персидские войска.

Все эти интересные факты я почерпнул в Немецком (бывшем Английском!) клубе в Багдаде, куда захаживали в свободное время офицеры немецкого саперного отряда. Там бывали ведущие инженеры Багдадской железной дороги, и не только немцы и швейцарцы, а и чиновники германского консульства в Багдаде, шведские офицеры, прибывшие сюда еще до войны, чтобы реорганизовать персидскую жандармерию, но после начала военных действий отозванные в Багдад. Бывали в клубе и немецкие офицеры, находившиеся в Багдаде, как и мы, по делам службы. Иногда клуб посещали гости, например, немецкие

геологи, искавшие нефть в Месопотамии. Здесь я познакомился с известным шведским исследователем Тибета Свеном Гедином. Рассказывали также, что в клуб захаживал герцог Адольф Фридрих Мекленбургский, бывший губернатор германской колонии Того в Центральной Африке, который во время войны направил в Афганистан небольшую немецкую миссию, состоявшую из дипломатов, офицеров и других сотрудников, имевших опыт работы в Азии. Цель миссии состояла в том, чтобы склонить эмира, правившего страной, к нападению на Британскую Индию. Эта попытка, впрочем, не удалась.

Из Багдада четыре офицера немецкого саперного отряда, в том числе и я, предприняли на турецких почтовых лошадях поездку к развалинам Вавилона, находящимся примерно в шестидесяти километрах к юго-западу от города. Там нас любезно встретили руководитель раскопок немецкий профессор Колдевей и его сотрудник д-р Будензиг. На раскопках мы провели два дня. Впечатление от развалин этого, некогда славившегося на весь мир города с его еще сохранившимися круговыми валами было огромным. Раскопки под руководством немецких ученых производились с целью изучить период от 2500 года до нашей эры и до эпохи Александра Македонского, который после своего похода в Индию в 323 году до нашей эры умер в Вавилоне, избранном им столицей своей мировой империи. В ходе работ под руководством профессора Колдевея, длившихся не одно десятилетие, были раскопаны руины храмов и дворцов, а также украшенная глазурованными кирпичами и стилизованными изображениями быков и драконов великолепная Дорога процессий, часть которой в настоящее время выставлена в Пергамонском музее в Берлине. От ворот Иштар, которые вели в храм древневавилонской богини Иштар, и от знаменитой Вавилонской башни сохранились только остатки фундаментов. После гибели Вавилона строения были разобраны на кирпичи. Кроме раскопок самого города, нам показали множество предметов, относящихся к разным периодам развития города: инструменты ремесленников, украшения, предметы культа и домашнего обихода.

Руководство подготовкой выступления турецкого XIII армейского корпуса в Персию велось из Багдада. В походе участвовали также два турецких саперных батальона под командованием немецких офицеров. Наш саперный отряд временно оставался в Багдаде. Поэтому я попросил, чтобы меня прикомандировали к 15-му турецкому саперному батальону, где я принял роту. Мой командир батальона капитан Эрвин Мак, с которым я позднее сдружился, был в отличие от меня

величайшим оптимистом. В 1942 году, будучи генералом и командиром танковой дивизии, он погиб на Северном Кавказе. В самом запутанном и даже в самом нелепом деле он старался найти что-то позитивное.

В середине июня мы выступили из Багдада через пограничное местечко Ханекин, через Касре-Ширин на Керманшах. Оттуда основная часть турецкого корпуса проследовала на Хамадан. Турецкий 15-й саперный батальон вместе со сводным турецким отрядом отклонился на север с задачей взять занятый русскими Биджар (примерно на половине пути Керманшах — Тебриз), чтобы обеспечивать фланг главных сил корпуса. Мы дошли только до Синнаха, примерно в ста километрах южнее Биджара, где вступили в соприкосновение с русской кавалерией.

Во время этого необычного путешествия, на которое я сам напросился, было много интересных приключений. Сразу же в пограничном турецком местечке Ханекин мой батальон два дня занимался поисками банды разбойников, которые ограбили шедший под усиленной охраной транспорт с немецким золотом для уже упоминавшегося персидского маршала Низамаэс-Султана. Наши попытки разыскать бандитов были в этой не просматривавшейся горной местности напрасными. Многие признаки указывали на то, что турецкий комендант тылового района в Ханекине был весьма заинтересован в нападении на транспорт с золотом и косвенно участвовал в нем. Мы, саперы, конечно, не могли распутать этот клубок.

Походная колонна нашего батальона на марше очень растянулась, ибо все необходимое — свежие продукты, запас продовольствия, боеприпасы, шанцевый инструмент — приходилось везти на вьючных животных (лошадях, ослах, верблюдах), так как предстоявший наступательный марш можно было осуществить только по узким горным дорогам на высоте 1500–2000 метров. Хотя мы были регулярной войсковой частью, ночью нас часто обстреливали персы, которых мы называли бандитами.

В Керманшахе мне представился случай увидать часть войска, которое формировал персидский маршал Низам. Нас предупредили, что в городе размещена дивизия. В действительности же это были триста-четыреста жалких, оборванных фигур, которые расположились бивуаком и как раз варили пищу в медных котлах и кастрюлях. По-видимому, персы были не слишком воодушевлены тем, чтобы «добровольно» воевать против русских на стороне немцев и турок. Некоторые из нас считали, что персидский маршал Низам — мошенник, который охотно кладет деньги в карман, но не принимает

серьезных мер для сформирования войсковых частей. Правильны были, вероятно, оба предположения: персы не желали воевать, а персидский маршал жульничал.

В районе Синнаха однажды возникла чреватая опасностью ситуация: появились русские части. Однако через несколько дней после небольшой взаимной перестрелки они отошли, так как русская кавалерия не могла успешно действовать в гористой местности. У нас даже сложилось впечатление, что они были удивлены нашим появлением здесь, как и мы удивились при виде их.

В Синнахе я посетил епископа группы христиан арамейской национальности. Мы разговаривали по-латыни. Он учился в Риме и выражал надежду, что немцы освободят местных христиан, в том числе и его самого. Вероятно, то же он говорил русским. Я откровенно заметил, что едва ли он может рассчитывать на то, что его освободят немцы, так как этот гористый район нисколько нас не интересует.

Самым неприятным за время военной экспедиции в Персию было для меня то, что я сильно страдал от лихорадки. Заболеванию, вероятно, способствовала тяжелая форма дизентерии, которой я болел в Турции. Лечившие меня немецкие врачи предупреждали, что от последствий этой болезни я буду страдать всю жизнь. Теперь я оказался без медицинской помощи, ибо во всем армейском корпусе не было ни одного врача.

В середине октября я получил от командира немецкого саперного отряда приказ немедленно возвратиться в Багдад. Около трех недель я добирался верхом до места. Из-за того, что немецкий саперный отряд не находил должного применения в Малой Азии, ему было приказано возвратиться в Германию. Во время моего похода в Персию я потерял связь с родиной и ничего не знал о положении на Западном и Восточном фронтах. Писем я не получал. Зато теперь, в Багдаде, меня засыпали новостями. Немецкое наступление на Верден после многомесячных изнурительных боев переросло в затяжное сражение. На Сомме с июля бушевала небывалая по размаху оборонительная битва и противник впервые ввел в бой большое количество танков. Летом русские предприняли успешное наступление, главным образом против австро-венгерской армии. В связи с этим Румыния выступила против Германии. Единственным светлым пятном казался тот факт, что в августе 1916 года Гинденбург и Людендорф возглавили Главное командование сухопутных сил.

Их считали победителями в битве под Танненбергом, и за два года немецкая пропаганда создала вокруг этой победы ореол легенд. Танненберг, принесший победу в битве преходящего

значения, был превращен в символ победы и конечного успеха.

В связи с провалом плана молниеносной победы осенью 1914 года немецкая стратегия по-прежнему стояла перед непреодолимой трудностью рокового значения — войной на два фронта. Германский Генеральный штаб не мог не знать, что в такой войне как в силу военных, так и особенно в силу экономических причин одержать победу невозможно. Да и по сравнению с осенью 1914 года положение изменилось далеко не в пользу Германии, что обусловливалось вступлением в войну Италии и Румынии на стороне противника, ростом враждебного отношения к Германии — главным образом в США, развертыванием людских и материальных ресурсов английской колониальной империи. Германия была отрезана от океанских путей и лишена почти всякого подвоза; ее население было измотано огромными потерями, лишениями и разочарованиями. И вот теперь правящие круги Германии в качестве противовеса бросили на чашу весов нимб победителей под Танненбергом и их уверенность в победе.

Таково было положение Германии в конце 1916 года. Разумеется, старшие немецкие офицеры, с которыми я встречался в Багдаде, обсуждая положение, не приходили к столь печальным умозаключениям. Кампания против Румынии началась успешно, и можно было надеяться, что этой стране будет нанесено поражение. Однако уже можно было услышать скептические замечания: «Они еще напобеждаются до смерти» или «Они выигрывают сражения и кампании и все же могут проиграть войну». Такого рода высказывания я не раз слышал и по возвращении на родину. И все же, несмотря на эти полные скепсиса замечания, немцы продолжали верить, что Гинденбург и Людендорф не подведут.

Чтобы возвратиться в Германию, нам, офицерам немецкого саперного отряда, пришлось проехать на лошадях от Багдада до Алеппо, 800–900 километров. Небольшая группа унтер-офицеров и солдаты передвигались в легких повозках. В середине ноября 1916 года мы добрались до Госполи. Я прибыл туда тяжело больным, теряя последние силы. Болезнь моя была загадочной: все время держалась высокая температура и мучили острые боли в низу живота. Чтобы быстрее попасть в Германию, я не стал лечиться, а воспользовался первым же балканским экспрессом и отправился дальше. То, что у меня была высокая температура, побудило проводника вагона высадить меня. Совершенно случайно это произошло в моем старом гарнизонном городе Ульме. На всякий случай меня сразу же доставили в созданный во время войны в новых бараках госпиталь для заразных больных на

учебном плацу Фридрихсау, где в свое время я пролил немало пота. Врачи определили, что у меня тиф и малярия. Мне пришлось провести в этом госпитале почти шесть месяцев. От тифа и его непосредственных последствий меня вылечили сравнительно быстро, но приступы малярии все время повторялись.

Однако больше, чем тяжелое заболевание, меня волновали глубокие изменения, происшедшие в Германии после моего отъезда в Турцию, то есть с лета 1915 года. Затянувшаяся война, неописуемые страдания населения, скорбь из-за больших потерь на фронте и, что имело большое значение, обострение социальных противоречий: на одной стороне — спекулянты, наживавшиеся на войне и поэтому жившие в роскоши, на другой — масса населения, которая, тяжело работая, покорно несла на себе бремя войны. Все это погасило воодушевление, царившее в начале войны. Все слои населения, более или менее равно страдавшие от нужды и лишений, относились к войне одинаково: они хотели мира. Рабочие, нередко проявлявшие свое недовольство в крупных стачках, все настойчивее выдвигали требование устранить причину всяких бедствий — кончить войну. Однако в слоях среднего сословия многие полагались на верховное политическое и прежде всего военное руководство и еще верили в конечную победу. Все надежды они возлагали на «нашу славную храбрую армию», особенно на «героев Танненберга» — Гинденбурга и Людендорфа.

Моя мать, навещавшая меня в госпитале, казалась очень озабоченной. Она осторожно намекала на все усиливающееся недовольство баварского сельского населения и на рост нуждаемости в городах. Когда мне стало лучше, пришел и отец. Он был откровеннее. Переносить войну становилось все труднее. В Баварии, особенно в его избирательном округе, были деревни, насчитывавшие 300–400 жителей, из числа которых уже погибли до двадцати и более человек. В деревнях не хватало рабочей силы, чтобы вовремя убрать урожай. В результате недостаток продовольствия усугублялся еще больше. Между баварцами и пруссаками возникли серьезные расхождения, так как баварцам приходилось отдавать слишком много продовольствия для Северной Германии. Кроме того, баварцы и пруссаки спорили между собой из-за дележа Эльзас-Лотарингии. Причиной этих трений являлась будто бы баварская королева, по происхождению австрийская эрцгерцогиня, страдавшая, видимо, манией величия. Правительству следовало бы также сделать заявление о будущем Бельгии, так как иначе, как показывают ответы наших противников на мирное предложение Германии и ее союзников в

начале декабря 1916 года, не дождешься мира. И уж совершенно непонятно, зачем понадобилось осенью 1916 года провозглашение Польского королевства, скроенного из захваченных русских территорий. Сильно волнуясь, отец еще долго говорил о несправедливом распределении продуктов и предоставлении отпусков солдатам, о неправильных отсрочках от призыва в армию и о разных других явлениях, которые раздражают людей и на которые ему часто жалуются как депутату ландтага. Главной темой всех разговоров, которые я вел в госпитале с офицерами, солдатами и посетителями, были нужда и лишения населения.

Напряженность внутренней жизни Германии усилилась еще более после пасхального манифеста кайзера от 7 апреля 1917 года. В нем кайзер обещал отменить после войны трехклассное избирательное право в Пруссии, основывавшееся на размерах обложения налогом и потому предоставлявшее преимущества тем прусским гражданам, которые платили более высокие налоги, то есть имели больше имущества и доходов, что обеспечивало их преимущество в прусском ландтаге. В то же время Пруссия благодаря своему экономическому и государственно-правовому положению, а также благодаря личной унии прусского короля и германского кайзера занимала в Германии ведущее место. Это сказывалось главным образом в военной области, так как прусский военный министр, не ответственный перед рейхстагом, вершил все военные дела рейха. Отчасти именно поэтому вся Германия проявляла интерес к прусскому избирательному праву. Главное заключалось не в обещании ввести в Пруссии после войны всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право, а в том факте, что до сих пор в Пруссии действовало столь реакционное избирательное право.

В Германии возникло сильное возмущение. На одной стороне были широкие круги населения, выступавшие за демократическое избирательное право, на другой стороне — те, кто защищал старое избирательное право, недвусмысленно отдававшее предпочтение их интересам. Последние утверждали, что поднимать во время войны вопрос о прусском избирательном праве — это значит нарушить слова кайзера «Я не знаю больше партий, я знаю только немцев», что решение всех спорных внутриполитических вопросов надо отложить до окончания войны. Противники реформы прусского избирательного права принадлежали, в основном, к тем же кругам, которые выступали за войну «до победного конца» и за бесцеремонную захватническую политику. Они гордо именовали себя «имущими и образованными людьми». Одно из их главных возражений

против реформы избирательного права заключалось в том, будто бы она привнесет в армию политику. Такой точки зрения придерживались очень многие, в частности, вышестоящие офицеры, хотя, казалось, они должны были понимать, что именно отсталые отношения в Пруссии мешали сплочению немецкого народа в войне. Те, кто выступал за новое, демократическое избирательное право в Пруссии, вспоминали о том, что прусский король Фридрих Вильгельм III во время освободительной войны против Наполеона, в начале 1815 года, пообещал прусскому народу конституцию — обещание, которого он под влиянием тогдашних прусских реакционеров, особенно юнкеров, не сдержал. Я придерживался тогда относительно прусского избирательного права простой точки зрения: «На войне все одинаково хороши, чтобы быть убитыми, поэтому все должны иметь одинаковые права».

Тогда, в 1917 году, я регулярно читал либеральную «Франкфуртер цейтунг», фронтовое издание которой попадало ко мне в Турцию нерегулярно, а в 1916 году почти совсем не приходило.

В общем умеренная политическая линия этой газеты производила на меня сильное впечатление, равно как и все мое отношение к войне ввиду моей молодости сильно зависело от тех или иных впечатлений. Когда я встречался с суровыми и закаленными, бывалыми солдатами-фронтовиками, то был не меньше тронут их твердостью, чем их тяжелыми переживаниями, хотя нередко и они задавали вопрос: «Когда же кончится это надувательство?» Что касается политических событий и противоречий, то я, естественно, благодаря длительному пребыванию в тыловом госпитале знал значительно больше, чем они, хотя мои впечатления не сложились в систему взглядов.

Ввиду такого, по моим представлениям, совершенно запутанного положения я, малозаметный молодой офицер, предпочитал верить Гинденбургу и Людендорфу. Правда, одно высказывание, будто бы сделанное тогда Людендорфом, сильно возмутило меня: «Когда льется кровь, чернильницы надо закрыть». Вариант этого высказывания Людендорфа я прочитал в одной газете правого направления, поставившей его в связь с часто цитировавшимся тогда положением Клаузевица, что война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами. О Клаузевице я тогда почти ничего не знал, кроме его имени и нескольких кратких положений из его книги «О войне»; знал только, что до тех пор он считался крупнейшим немецким военным теоретиком, известным не только в Германии, но и за границей. Он был, так сказать, духовным отцом военной

теории, которая привела к победам в 1866 и 1870–1871 годах. Упомянутая газетная статья связывала, следовательно, высказывание Людендорфа с высказыванием Клаузевица и излагала его в том смысле, что во время войны всем должны распоряжаться не политики, а военные.

В конце 1916 года, находясь в госпитале, я прочитал роман Анри Барбюса, который произвел на меня своеобразное впечатление. Читать по-французски мне было очень трудно, так как многие страницы книги были написаны грубым, но зачастую метким языком фронтовиков. Думаю, ни одному немецкому писателю не удалось описать во время войны жизнь пехотного полувзвода в позиционной войне на тихом участке фронта и в бою так, как это сделал Барбюс. Он весьма образно показал тяготы, бедствия, разорение и смерть, которыми определялась жизнь на фронте да и в тылу. Роман глубоко взволновал меня. Из прочитанного я сделал вывод: если у французов дела так плохи, то, быть может, мы все-таки выиграем войну.

В июне 1917 года меня в качестве «годного к гарнизонной службе» наконец выписали из госпиталя с ослабленной сердечной деятельностью — результат долго державшейся высокой температуры из-за приступов малярии. Я поддерживал переписку с одним немецким майором инженерной службы, который был старшим преподавателем офицерского военно-инженерного училища близ Госполи. По его инициативе был сделан официальный запрос, могу ли я по состоянию здоровья занять место преподавателя в этом турецком военно-инженерном училище. Я согласился, ибо не хотел оставаться в запасном батальоне.

Под руководством майора Гофмана мне как преподавателю офицерского военно-инженерного училища работалось неплохо. С турками, как и раньше, я ладил хорошо. Большинство из них были рады, что занятия в училище спасают их от фронта. Они говорили «Иншаллах» («Все от аллаха») как в ответ на советы, так и в ответ на замечания о необходимости приложить все силы, чтобы сообща добиться победы.

Военная обстановка в Турции угрожающим образом изменилась к худшему. В начале лета 1917 года британские войска взяли Багдад и продвинулись в направлении Мосула. В конце года англичане, крупными силами наступавшие со стороны Суэцкого канала, заняли портовый город Яффу и Иерусалим. Лучше для нас сложилась обстановка на Кавказском фронте, ибо русские еще летом 1917 года оттянули оттуда свои войска. После Октябрьской революции русский Кавказский фронт сначала вообще распался. В январе 1918 года поговаривали о том, что

турки, несмотря на свое отчаянное положение, подготавливают наступление на Кавказ, то есть на Южную Россию. В этой связи назывались и имена ведущих немецких офицеров, например, германского военного атташе в Госполи баварского генерала фон Лоссова и баварского полковника (турецкого генерал-майора) Кресса фон Крессенштейна-паши. Последний был членом старой германской военной миссии в Турции и в начале войны играл видную роль на так называемом Суэцком, а затем на Палестинском фронте. В Веймарской республике он, будучи генералом рейхсвера, играл неприглядную роль — главным образом в афере с поддельными червонцами. Наступление на Кавказ имело целью прежде всего заполучить в свои руки Баку, богатый нефтью, столь необходимой, чтобы Германия могла продолжать войну. В этом же году я слышал, что туда были посланы немецкие войска, главным образом кавалерия.

Офицеры, приезжавшие в Госполи с разных фронтов, рассказывали, что боеспособность турецкой армии упала до труднопредставимого минимума. Иные дивизии насчитывали по 600–1000 человек, но даже и для этого небольшого состава не хватало продовольствия. И прежде недостаточное, по нашим представлениям, продовольственное снабжение армии настолько ухудшилось, что солдаты по нескольку дней не получали хлеба и варили себе «овощной суп» из древесных листьев и трав. Рассказывали, что сотни тысяч дезертировавших турецких солдат бродят по стране, перебиваясь подаянием или занимаясь грабежом. В такой ситуации это было, собственно говоря, не удивительно.

Население в своей массе (я могу говорить в данном случае только о Госполи) нуждалось, если сравнивать с Германией, в неизмеримо большей степени, так как в Турции снабжение населения не регулировалось и потребление не нормировалось. Спекуляция продовольствием, главным образом в столице Госполи, привела к тому, что для большинства населения цены стали недоступными. В то же время немецкие офицеры и солдаты, турецкие офицеры и чиновники, а также те, у кого были деньги, не нуждались ни в чем.

В это время немецкие офицеры встречались друг с другом большей частью на жилом корабле «Корковадо», который стоял на якоре в бухте Золотой Рог. Это был большой океанский пароход, принадлежавший «Гамбургско-Южноамериканской линии». Разумеется, разговоры между офицерами велись преимущественно о военном положении Турции и Германии. Там же, на «Корковадо», 27 января 1918 года праздновался день рождения кайзера. Празднование проходило под

непосредственным впечатлением от попытки двух турецких военных кораблей с немецкими экипажами провести, как тогда говорили, «по случаю тезоименитства кайзера» крейсерские операции Тяжелый крейсер «Султан Джавус Селим» (прежде «Гебен») и крейсер «Мидиллих» (прежде легкий крейсер «Бреслау») вышли через Дарданелльский пролив в Эгейское море и возвратились с тяжелыми повреждениями. Новый германский посол граф Бернсторф (до этого он был послом в США, где безуспешно пытался предотвратить вступление Соединенных Штатов в войну) произнес торжественную речь, в которой коротко упомянул о необходимости «соглашательского мира». Нетрудно было заметить, что у большинства присутствовавших офицеров это вызвало негодование и осуждение. После официальной части среди офицеров возник острый спор об этой речи, о политическом положении в Германии и о военном положении вообще.

Я сидел за одним столом с другими офицерами-саперами. К нам подсел бывший немецкий полковник, а тогда кайзеровско-османский генерал-майор и инспектор инженерных войск Лангенштрас-паша, которого я знал раньше, так как перед началом войны он был последним командиром части, в которой я начал службу в армии, то есть 13-го саперного батальона в Ульме. Он хвастливо говорил, что мы наверняка победим, всячески ругал реформу прусского избирательного права, сторонников которой он называл предателями, исключая, разумеется, из их числа кайзера, которого будто бы принудили согласиться с реформой против его воли. Я повторил уже известное мнение по этому вопросу: раз все одинаково хороши, чтобы быть убитыми на войне, то все должны иметь равные права. Некоторые из сидевших за нашим столом офицеров согласились со мной. Лангенштрас, напротив, полагал, что было бы безобразно и прямо-таки опасно, если всякий «неизвестно откуда взявшийся тип» заполучит такое же право голоса, как и «имущие и образованные люди». Потому-то Германия и испытывает сейчас большие трудности, что избранный по таким правилам рейхстаг все время вмешивается в военную политику и в военные дела. Германский кайзер еще доиграется, если и дальше будет слушать плохих советчиков. Дело ведь не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы после войны Германия осталась могущественной монархией.

Отнюдь не руководствуясь твердыми политическими убеждениями, а погорячившись, из духа противоречия я возразил:

— Германский кайзер сам по себе не персона, которой принадлежит весь немецкий народ. Он только высший представитель Германии.

В ответ на это возмущенный Лангенштрас-паша покинул нашу компанию.

— С подобными взглядами, — сказал он, — вы не можете оставаться офицером после войны. Я уж позабочусь об этом!

После войны Лангенштрас где-то, кажется, в Саксонии, подвизался в Национальной народной партии Германии. Я же был принят в рейхсвер Веймарской республики, хотя, конечно, не потому, что когда-то высказался против германского кайзера.

После этого я осуществил свое намерение вернуться в Германию, чтобы быть там во время предстоявших решающих боев на Западном фронте, о которых говорили почти все. Я подал прошение по начальству, и вскоре мою просьбу удовлетворили.

Военное поражение 1918 года

Прибыв в Германию, я явился в свой 13-й запасный саперный батальон в Ульме. Главной темой разговоров и здесь было предстоящее наступление во Франции, которое должно было решить исход войны. Фронтовые части, обслуживавшиеся запасным батальоном, не требовали у нас пополнения.

Настроение в Германии ухудшилось еще больше. Только что закончилась крупная забастовка. Стачки были также в Англии и Франции. Об этом я узнавал главным образом из швейцарских газет, поступавших в Музейное общество в Ульме, членами которого были все офицеры саперного батальона. Кроме того, в здании общества размещалось наше офицерское собрание. Казалось, однако, что имеется немало шансов на успех германского наступления на Западе. Осенью 1917 года сравнительно небольшое число немецких дивизий опрокинули итальянский фронт на Изонцо. У Камбрэ, в Северной Франции, была отбита английская танковая атака. Главное же заключалось в том, что война с Россией, казалось, вот-вот окончится и благодаря этому высвободится больше сил для военных действий на Западе.

Новое, большевистское правительство в России обратилось к германскому правительству с предложением начать мирные переговоры, которые и велись теперь в Брест-Литовске. С представителями богатой зерном и ископаемыми Украины, враждовавшей с большевиками, уже был заключен весьма важный для немецкого командования договор с целью, как писали газеты, подавить большевизм и получить оттуда хлеб и сырье. Поэтому уже в марте началось наступление немецких войск на Украину. Операции развивались вдоль железных дорог, и продвижение в глубь Украины было очень быстрым. Руководил этой акцией сначала генерал-фельдмаршал фон Эйхгорн, а затем его начальник штаба генерал-лейтенант Тренер. В начале марта 1918 года в Брест-Литовске был заключен мир с Россией, которая оказалась вынужденной подчиниться германскому диктату. Этим диктатом от России в пользу Германии отрезались обширные территории.

После разногласий 1917 года в среде буржуазии снова воцарилось почти полное согласие, что явилось результатом страха перед «большевистской опасностью», о которой писали почти все газеты. Особенно страшной считалась она для Германии, и без того изнуренной затянувшейся войной. Я сам России не знал. Газеты писали, что большевики все перевернули

вверх дном, что они экспроприировали имущество у буржуазии и хотят осуществить в том же духе мировую революцию. Я был против этого.

Однако улучшения военного положения Германии в начале 1918 года в связи с предполагавшимся высвобождением войск на Востоке так и не произошло. Там были скованы крупные силы, главным образом солдаты ландвера. Хотя большей частью они не были пригодны для использования в боях на Западе, все же их можно было бы в широких масштабах привлечь к строительству укреплений или уволить из армии, поскольку недостаток рабочей силы в промышленности и тем более в сельском хозяйстве вызывал серьезную тревогу. Не оправдались и надежды на крупные поставки из Украины зерна и стратегического сырья.

Людендорф в своей уже упоминавшейся книге «Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.» подтверждает беспросветное экономическое положение Германии и ее союзников. Уже несколько лет как физические, так и духовные силы немецкого народа подтачивались изнутри. Это противоречило мечтам о конечной победе на Западе. Однако стратегия генерала Людендорфа, его друзей и сторонников шла значительно дальше решения стоявшей на очереди трудной задачи на Западе. В своих воспоминаниях Людендорф пишет, что захватом Украины он преследовал также цель свергнуть новый политический строй в России и создать там другой порядок. Мировая война была еще в полном разгаре, победа на Западе, о которой так много говорили, была еще далека, а правящие круги Германии уже собрались идти войной на нового противника. Но далеко идущие планы — это еще не реальная политика, хотя твердая воля и уверенные действия могли создать обманчивое впечатление.

Разрыв между внешнеполитическими и военными целями Германии, с одной стороны, и ее возможностями осуществить эти цели вопреки все усиливавшемуся количественному перевесу сил противника — с другой, был неустраним. Наоборот, это противоречие чрезвычайно обострилось именно благодаря немецким мероприятиям и требованиям, и прежде всего германским целям войны, характер которых ярко проявился в Брест-Литовском мирном договоре, который мог считаться как бы образчиком германских мирных условий и для всех других стран. Как же могло случиться, что Германия, несмотря на свое совершенно очевидное безнадежное военное положение, продолжала ставить перед собой так далеко идущие цели и даже расширяла их за счет новых претензий на Востоке?

Наиболее яркими выразителями этих экспансионистских

устремлений были Гинденбург и Людендорф — типичные представители немецкой военной касты, считавшие, что решать все спорные международные вопросы можно только силой оружия. Не обращая внимания на соотношение сил и без реальной оценки политических, экономических и военных возможностей Германии, они взялись за оружие ради захватнических устремлений немецкой тяжелой промышленности, ради крупных немецких банков, мечтавших о новых капиталовложениях за границей, и ради интересов помещиков, которые господствовали тогда в прусском государстве в результате трехстепенного избирательного права. Пангерманцы, пропагандисты этих кругов, осенью

1917 года образовали Отечественную партию, чтобы под этим безобидным названием преследовать старые цели. Тогда же для соответствующей обработки войск и противодействия все возраставшей военной усталости в армии было введено «патриотическое преподавание».

Такой экскурс в прошлое важен для понимания исхода Первой мировой войны. Он тем более полезен, что поражение Германии в Первой мировой войне явилось одной из причин Второй мировой войны. Этот вывод относится, правда, скорее к внешней стороне дела. Но, в конце концов, Вторая мировая война могла возникнуть только потому, что после 1918 года одержали верх сторонники войны до победного конца в 1914–1918 годах, то есть те же круги, которые вызвали Первую мировую войну.

В июне 1918 года мне присвоили звание обер-лейтенанта. Еще с конца февраля того же года я дожидался победы в вюртембергском запасном саперном батальоне в Ульме. За это время я снова несколько недель проболел малярией. И вот 21 марта 1918 года на Западе началось большое немецкое наступление. 23 марта я был в Придворном театре в Мюнхене и слушал оперу «Кармен», как вдруг в антракте на просцениуме появился человек и зачитал оперативную сводку главного командования: «Под водительством его величества кайзера и короля уже два дня идет наступательное сражение против фронта англичан в районе Арраса, Камбрэ и Сен-Кантена». Почти никто не аплодировал, если не считать присутствовавших примерно ста офицеров. Разумеется, аплодировал и я. Публика же, видимо, не слишком верила в победу.

К таким неверующим принадлежал и мой отец, как это показали мои неоднократные беседы с ним. Он рассказывал о забастовке в Баварии, о недовольстве рабочих, которые хоть и зарабатывали больше прежнего, но на свою высокую зарплату ничего не могли купить. Особенно большое недовольство

проявляли крестьяне. Долго на «бабском хозяйстве» деревня не продержится, указывал отец, хотя теперь в качестве рабочей силы пригнали военнопленных. Прошлой зимой отца вместе с другими депутатами дважды посылали в Ингольштадт вести работу среди солдат пополнения, отказавшихся отправиться на фронт. Война ведется просто через силу. Люди больше не хотят воевать. Особенно возмущает солдат то, что некоторые газеты пишут о целях войны. Самое печальное, что офицеры баварского военного министерства, к которым отец часто вынужден обращаться по поводу жалоб, совершенно не понимают настроения народа. Один из них сказал отцу: «Все эти неприятности уладятся сами собой, как только мы одержим на Западе большую победу». Но ведь на Западе уже была одержана крупная победа: немецкие войска продвинулись в районе Амьена, хотя им и не удалось прорвать фронт.

С фронта все еще не поступали в мой запасный батальон в Ульме заявки на командиров рот. Фронтовые войсковые части чаще всего предпочитали сами выбирать командиров рот из зарекомендовавших себя командиров взводов. Кроме того, саперов теперь старались беречь для специальных заданий.

В новом наступлении в конце мая 1918 года немецким войскам не удалось добиться решающего успеха, хотя они и продвинулись через Эну до Марны. Оперативная сводка главного командования упоминала теперь всякий раз, что Париж находится под обстрелом. Однако для этого имелось одно-единственное орудие! Вскоре я подал рапорт о переводе в качестве командира роты в пехоту, и меня переместили во 2-й гвардейский запасный саперный батальон в Берлине, который обеспечивал пополнением находившийся на Западном фронте гвардейский резервный инженерно-саперный полк, единственный огнеметный полк германской армии. Мне объяснили мой перевод тем, что в будущей, послевоенной армии предусмотрены огнеметные части. Поэтому кадровых офицеров для приобретения боевого опыта переводят со всего рейха в огнеметный полк. Кроме того, учитывая поставленные перед инженерными войсками большие задачи, кадровые офицеры-саперы должны во время войны быть сконцентрированы в одном месте.

Прибыв в новый полк, я сначала был оставлен при штабе, размещавшемся далеко позади линии фронта, в районе Шарлевиля. Штабы батальонов и отдельные роты были распределены по важнейшим участкам Западного фронта. Их задача состояла в поддержке пехоты во время наступления или обороны. Из некоторых доступных мне донесений штабов батальонов я вскоре убедился, что огнеметы оказались довольно

бесполезным оружием. Это было типичное порождение позиционной войны. Для маневренных боевых действий аппаратура была слишком тяжелой. Однако унтер-офицеры и саперы-огнеметчики оказались на привилегированном положении, ибо их было мало.

Служба в тыловом штабе полка меня не удовлетворяла. Впрочем, она имела свое преимущество, ибо я получил более широкое представление об общей оперативной обстановке на Западе, поскольку командир полка майор резерва Реттеман имел хорошие связи со штабом Войсковой группы германского кронпринца в Шарлевиле.

Немецкое наступление в июле 1918 года на Марне и в районе Реймса сразу же провалилось. Ответом на него были сильные французские контратаки из района северо-восточнее Парижа. Наступило 8 августа 1918 года, этот, как позднее назвал его Людендорф, «самый черный день германской армии». Успешное англо-французское наступление принесло нам большие потери и ущерб и свело на нет все, что было достигнуто мартовским немецким наступлением. С этого дня англичане и французы продвигались на различных участках Западного фронта частично со значительным успехом. В апреле 1917 года США объявили войну Германии. Несмотря на подводную войну, американские войска были переброшены через океан и уже ранней осенью 1917 года введены в действие сначала на сравнительно тихих участках фронта, чтобы высвободить испытанные в боях войска.

Неудачи на фронте, тяжелое положение на родине привели к тому, что надежды на победу над Францией растаяли. Настроение армии резко ухудшилось. В результате проведенных наступательных операций и последовавших затем контрударов противника боевой состав дивизий сильно поредел. Существенного пополнения не поступало. Тяжело сказалась танкобоязнь, оттого что англичане и французы, а затем и американцы вводили в бой большое число танков, тогда как германская армия располагала лишь минимальным количество этих машин, да к тому же ограниченно годных для боевого применения. В войсках Западного фронта стали заметны признаки разложения. В тыловых районах появилось много солдат, отбившихся от своих частей. Они бродили поодиночке и группами, иногда передвигались на военных автомашинах. Это были солдаты из дивизий и полков, разбитых или сильно потрепанных в тяжелых боях на фронте.

В середине сентября 1918 года в итоге моих настойчивых просьб мне поручили командование 9-й ротой. Ее прежний командир заболел. Рота находилась в составе 7-й армии на

фронте близ Эны и дислоцировалась в местечке, где был большой красивый замок князя Монакского. В этом замке размещался штаб немецкого корпуса. Изредка моя рота несла караульную службу и выполняла другие второстепенные задания. По специальности нас не использовали. Когда в начале октября штаб корпуса отошел дальше на север, мою роту, которая явно только путалась под ногами, отвели далеко назад и оставили в деревне в пятидесяти километрах северо-западнее Шарлевиля. Здесь все выглядело иначе. Казалось, пушки на западе гремели очень близко, хотя до фронта было сорок-пятьдесят километров. Все время повозки везли главным образом легкораненых, а иногда передвигались транспортные колонны, сопровождаемые небольшой охраной. Это были, как я выяснил, остатки дивизий и полков, к которым нередко присоединялись солдаты, отбившиеся от своих частей, и солдаты с передвижными средствами.

Как-то я сидел возле крестьянского домика, в котором жил вместе с тремя офицерами, и искал в кителе вшей. Вдруг перед палисадником остановилась машина, и кто-то крикнул: «Подойдите-ка сюда, молодой человек!»

Я надел китель и хотя обиделся, но подошел к автомобилю. Из машины вышел полковник инженерной службы Биндернагель, которого я знал раньше. Полковник очень тепло поздоровался со мной. Сидевший в автомобиле подполковник Генерального штаба, не поздоровавшись, спросил у меня, где здесь находится оборудованная позиция. Я ответил, что знаю местность, но никакой позиции не видел и вообще не думаю, чтобы кому-нибудь пришло в голову оборудовать здесь такую позицию, когда вокруг лишь одни обозы и прочие тыловые части армии. Подполковник Генерального штаба ответил: «Я вас не спрашиваю, кто мог оборудовать здесь позицию!» Полковник инженерной службы на прощание пожелал мне всего доброго, а офицер Генерального штаба даже не взглянул в мою сторону Я рассказал об этом эпизоде офицерам, и с этого времени мы стали называть людей с красными галунами «затягивателями войны». Это выражение на Западном фронте было весьма распространено — так называли офицеров из вышестоящих штабов. Для нас же, фронтовиков, употребление этого прозвища было горькой шуткой. Оно, конечно, не свидетельствовало о том, что мы не хотим больше воевать.

Я продолжал изредка получать фронтовое издание «Франкфуртер цейтунг». Нам стало известно, что в начале октября в Берлине образовано новое, парламентское правительство во главе с принцем Максом Баденским, которого считали либералом. Правительство должно было предпринять

шаги для прекращения войны. Нам стало известно и то, что в конце сентября Верховное командование потребовало, чтобы противнику было сделано предложение о перемирии. До фронта докатились слухи, что Болгария порвала с Германией, а Турция находится накануне разгрома. На австрийском фронте в Италии появились явственные признаки разложения. В связи с такой ситуацией мы острили: «Мы будем стоять здесь, на Западе, до тех пор, пока противник не огреет нас с тыла».

В те дни одна сильно потрепанная на фронте дивизия расположилась на окраине нашей деревни. Я связался с начальником штаба дивизии неким майором Хазе и добился того, чтобы мою роту передали в его распоряжение.

Теперь мы не были одинокими в этом неспокойном районе. Майор Хазе был полной противоположностью офицеру Генерального штаба — надутому подполковнику, который так разозлил меня. Хазе основательно заботился о своей дивизии, а также о моей роте. Из уважения к нему я не посылал туда связного-велосипедиста, а отправлялся за распоряжениями сам. Хазе очень удручало положение на фронте. Он был по меньшей мере на пятнадцать лет старше меня, обладал обширными военными познаниями и опытом. Меня глубоко взволновал тот факт, что Хазе считал положение значительно более серьезным и чреватым тяжелыми последствиями, чем я себе это представлял.

Когда в конце октября стало известно об отставке Людендорфа, Хазе сказал мне наедине: «Теперь конец». Правда, ему было известно, что предстоит попытка образовать на Западе новый фронт — от Антверпена вдоль Шельды до Мааса. Однако вскоре он рассказал мне, что сомнительно, удастся ли удерживать позиции от Антверпена до Мааса. К тому же и дальше к югу, в районе юго-восточнее Шарлевиля, дела плохи. Когда в начале ноября узнали о возможном отречении германского кайзера, майор Генерального штаба Хазе совсем пал духом.

Дивизия, или, лучше сказать, ее остатки, была между тем перемещена дальше на северо-запад, в Арденны — сильно лесистую бельгийскую возвышенность. Там мы получили серию сообщений, что германский флот отказался действовать против английского флота. Майор Хазе считал, что такое использование флота было бы все равно бесполезным. При благоприятных условиях флот нарушил бы на один-два дня коммуникации между Англией и континентом, однако сомнительно, чтобы он, учитывая значительное превосходство английских военно-морских сил, смог уцелеть. Затем пришло сообщение, что король Людвиг III Баварский изгнан из Мюнхена. Потом я узнал от майора Хазе, что кайзер бежал в Голландию и что комиссия по перемирию выехала

для переговоров с французским маршалом Фошем. На обратном марше через Маас мы узнали, что перемирие вступило в силу 11 ноября 1918 года и немецкая армия должна немедленно сдать большое количество оружия и в короткий срок очистить территорию западнее Рейна. На многих войсковых повозках и автомобилях появились первые красные флаги. Советы солдатских депутатов уже создались во многих местах, и Верховное командование ничего не могло с этим поделать. В моей роте в Совет были избраны фельдфебель, унтер-офицер и солдат — ремесленник из Шлезвиг-Гольштейна.

В 1914 году я был воодушевлен идеей войны до победы и нисколько в ней не сомневался. Война неожиданно затянулась, и все надежды на победу рухнули. Сначала я решил: это было просто выше наших сил. Ведь, в конце концов, вся огромная тяжесть войны лежала на плечах германской армии и немецкого народа. Надо сказать, что я гордился этим даже теперь, после такого исхода войны. Многие офицеры, с которыми я разговаривал на марше или на стоянках во время отхода, считали, что печальный конец войны объясняется отречением кайзера и революцией в Берлине и других крупных городах Германии. Реже утверждали — и я тоже придерживался этого мнения, — что сопротивление немецкого народа было попросту сломлено в результате затяжной войны и неслыханных жертв, лишений и тягот.

Иные офицеры полагали даже, что революция — это лишь внешнее проявление того, что немецкий народ в своей массе хочет покончить с войной, после того как в конце сентября 1918 года Верховное командование заявило о своем банкротстве. Так думали большинство пожилых офицеров резерва и ландвера. Весь комплекс вопросов они рассматривали, в основном, с гражданской точки зрения. Я был согласен с майором Хазе, который признавал, что мы проиграли войну из-за превосходства сил противника, но полагал, что революция ухудшила условия перемирия.

По пути к Рейну я разговорился как-то с командиром одного гвардейского полка, майором с окладистой бородой. Он гордился тем, что его еще достаточно хорошо укомплектованный полк пел песню: «Вот гвардия, что любит кайзера…» Когда же я сказал, что на многих повозках его полкового обоза видны красные флаги, майор, разозлившись, ответил, что это вклинились чужие повозки. Мы поскакали назад, и он удостоверился, что повозки принадлежали его полку. Позднее, в начале января 1918 года, я слышал в Берлине, что и старая кайзеровская гвардия, которую собирались использовать в Берлине для борьбы с революцией, к

рождеству «разошлась по домам».

Моя рота (я гордился тем, что ее численность все еще достигала ста человек) перешла через Рейн по новому, построенному саперами мосту близ Мелема. Вскоре мы получили приказ отправиться маршем в деревню Хольцхаузен, в район Хомберг, округ Кассель, — места, известные мне еще по тактическим занятиям во время учебы в Касселе перед войной. Рота была подчинена непосредственно кассельской комендатуре, куда я часто приходил за получением распоряжений.

Благодаря связи с комендатурой я был теперь лучше осведомлен о положении. Находящееся в Касселе Верховное командование поддерживало постоянную связь с председателем Совета народных уполномоченных, социал-демократом Эбертом, чтобы совместно подавить революционных спартаковцев и независимых социал-демократов. Я узнал также подробности относительно соглашения о перемирии. Германский военно-морской флот должен быть сдан. Блокада продолжится. Мы должны были немедленно отпустить домой всех военнопленных, тогда как державы-победительницы задержат всех военнопленных у себя. Речь шла о том, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

Примерно 17–18 декабря 1918 года я, как обычно, прибыл в кассельскую комендатуру за получением распоряжений. Майор, фамилию которого я забыл, сообщил, что моя рота должна отправиться в Берлин, в запасный гвардейский саперный батальон. О цели нашей отправки он ничего не знал, но полагал, что мы будем использованы в боях в Берлине. Рота должна сдать все вооружение, кроме винтовок и легких пулеметов, и 20 или 21 декабря в двух вагонах, которые ожидают на станции, будет отправлена скорым поездом из Касселя в Берлин.

22 декабря вечером мы прибыли в Берлин, на Ангальтский вокзал и строем на глазах у изумленных жителей направились в Кёпеник, в казарму. В отдалении со стороны улиц Унтер-ден-Линден то и дело слышалась винтовочная и пулеметная стрельба. В запасном саперном батальоне нас приветствовал член Совета солдатских депутатов. С его помощью рота была размещена и накормлена. На следующее утро, то есть 23 декабря, меня разбудил ротный фельдфебель.

— Господин обер-лейтенант, рота исчезла, — сообщил он.

Берлинцы разбежались по домам, а остальные тоже уехали на родину; остались только пять или шесть кадровых унтер-офицеров.

Я не удивился происшедшему, так как в роте уже давно только и было разговоров о том, что к Рождеству все хотят быть

дома. О случившемся я сообщил уполномоченному Совета солдатских депутатов запасного гвардейского саперного батальона. Он немедленно связался с кем-то по телефону, а затем сказал мне, что я должен явиться в военно-инженерный отдел прусского военного министерства. Он дал мне штатское кожаное пальто и кепку, так как в офицерской форме да еще со всеми знаками различия появляться в городе было опасно.

Этот отдел был мне знаком. В июне 1915 года я встречался с его бывшим начальником майором Августином. Именно ему я обязан был переводом в германскую военную миссию в Турции. Произошло это потому, что меня спутали с сыном генерала. Теперь в отделе сидел другой майор, из восточногерманской саперной части. Сначала он расспросил меня о положении на фронте, затем рассказал о боях в Берлине против спартаковцев и, наконец, предложил добровольно вступить в Пограничную стражу «Восток».

— Какое мне дело до Востока? — ответил я вначале. — Я родом из Баварии и вюртембергский офицер. Предпочитаю вернуться в Южную Германию.

Тогда майор напомнил мне об офицерской чести. Он сказал, что не так уж сложно было служить кадровым офицером, пока на войне дела шли хорошо. Но теперь, после поражения, учитывая революцию и угрожающее положение на восточной границе Германии, офицеры должны стоять друг за друга и выполнять свой долг.

О положении на Востоке майор сообщил весьма скупо: поляки захватили значительную часть провинции Познань. В ноябре распался фронт против большевиков в Прибалтике. Восточной Пруссии грозит опасность.

В итоге этой беседы я согласился после рождественского отпуска поступить на службу в Пограничную стражу «Восток». Договорились, что утром 3 января я прибуду за назначением.

В Пограничной страже «Восток»

В январе 1919 года в «Сборнике военных распоряжений» появилось воззвание имперского правительства о создании Пограничной стражи и территориальных войск, в котором, между прочим, говорилось:

«Германия в большой опасности!.. Вступайте добровольно в Пограничную стражу… До сих пор каждая революция, как французская, так и русская, вызывала к жизни добровольческие армии под знаменем своих новых идеалов. Следуйте призыву германской революции. Без вашей помощи она не может достичь своих целей. Покажите, что революция уничтожила милитаризм, но не добровольную готовность ее свободных граждан к самообороне. Республика зовет вас; она заботится о вас, но она и нуждается в вас! Добровольцы, вперед!»

К этому времени я уже находился при расформированном штабе 10-й армии в Лётцене (Восточная Пруссия) в качестве адъютанта генерала инженерных войск Кана. 10-я армия, в ноябре-декабре 1918 года отведенная из Литвы в Лётцен, весной 1918 года, после заключения Брестского мира с Советской Россией, продвинулась далеко в глубь Белоруссии, до линии Могилев — Орша. Затем, после перемирия в ноябре 1918 года, этот фронт постепенно распался. Солдаты возвратились на родину. Для охраны границы остались в добровольном порядке только потрепанные войсковые части. Такое же положение сложилось и в Прибалтике, где после Брестского мира немецкие войска наступали из Литвы через Латвию и Лифляндию до Эстонии и вышли к Финскому заливу близ Нарвы. Этот фронт также распался в ноябре 1918 года. Довольно крупные немецкие части, оставшиеся добровольно, так называемые балтийцы, все еще стояли значительно дальше северной границы Восточной Пруссии — в Литве и Курляндии.

С такими «балтийцами», офицерами, унтер-офицерами и солдатами, я познакомился еще 4 или 5 января 1919 года, во время переезда по железной дороге из Берлина в Кёнигсберг. Я ехал тогда в штаб 10-й армии, «балтийцы» направлялись в Тильзит и дальше. В моем купе сидели несколько фельдфебелей. Почти всю дорогу они рассказывали друг другу о случаях, якобы приключившихся с ними в боях с большевиками. Часто слышалось: «Рублики звенят!» Имелись в виду сделки, совершенные ими в еще оккупированной Курляндии и во время отпуска в Германии, например, продажа гусей, масла, сала и т. д. Они говорили, что собираются остаться в Прибалтике и

поселиться там. Это были современные ландскнехты, которые воевали ради добычи. Хотя я почти не чувствовал себя солдатом германской революции, о котором говорилось в «Сборнике военных распоряжений», я все же считал, что не имею ничего общего с подобными бродягами-ландскнехтами. Я не понимал тогда, насколько непоследовательной была моя позиция. К счастью, я находился в штабе армии и не соприкасался с таким сбродом.

В Лётцене 19 января состоялись выборы в Национальное собрание. Я очень серьезно отнесся к выборам, в которых тогда могли участвовать и военные, и долго размышлял, за какую партию голосовать. Социал-демократов и членов Немецкой национальной партии я сразу же отверг. Первые были слишком далеки мне, вторые являлись наследниками бывших прусских консерваторов, а от отца мне передалось отрицательное отношение к ним. Кроме того, во время войны они выступали против введения всеобщего и равного избирательного права. Я отказался от своего первоначального намерения голосовать за партию Центра, ибо неоднократно слышал, что голосовать в Восточной Пруссии за Центр — это все равно что голосовать за Польшу. Поэтому я решил голосовать за демократов, тем более что кёнигсбергская «Хартунгше цейтунг» нравилась мне больше других газет. И вдруг эта газета перед самыми выборами помещает большую статью какого-то пацифиста! Так в конце концов я отдал свой голос Немецкой народной партии — бывшим национал-либералам.

В феврале 1919 года штаб в Лётцене был распущен. Офицеры, не желавшие отправиться по домам, в том числе и я, были переведены в штаб командования Пограничной стражи «Север».

Новое командование было сформировано в небольшом восточнопрусском городке Бартенштейне. Командующим был генерал от инфантерии фон Кваст, начальником штаба — генерал-майор фон Сект. Командование подчинялось бывшему Верховному командованию во главе с Гинденбургом и Тренером, которое называлось теперь «Штаб в Кольберге», где и было его местопребывание. В штабе я встретился с двумя моими товарищами по службе в немецком саперном отряде в Турции. Это были командир батальона майор Циппер, которого я высоко ценил, и мой приятель капитан Хильдеман. По нашей военно-инженерной специальности работы было немного. Фронт хотя и существовал, но это была «неорганизованная война» — большей частью самовольные боевые действия локального значения.

Как я узнал, наша задача заключалась в охране временной западнопрусской границы, возникшей в результате польского

восстания в ноябре-декабре в Познаньской провинции, а также южной, восточной и северной границ Восточной Пруссии — на бывшей русской территории, в Западной Литве и Курляндии.

Однако нам приходилось выполнять и другие задачи. В начале марта в штаб Пограничной стражи «Север» в Бартенштейне пришло приказание выделить молодых офицеров для операции против остатков революционной народной морской дивизии в Кёнигсберге. Операцией руководил командующий войсками в Кёнигсберге, действовавший в тесном сотрудничестве с обер-президентом Восточной Пруссии социал-демократом Августом Виннигом. По моей просьбе меня послали в один из фортов крепости в северо-западной части города, которым командовал полковник фон Лукк, как мне впоследствии стало известно — друг балтийского генерала графа фон дер Гольца. Там я нашел боевую группу численностью двести человек, причем офицеры составляли треть группы. 3 марта на рассвете началось концентрированное наступление на город. Мы двигались беспрепятственно через большое дачное предместье Марауненгоф и кварталы, в которых рабочие не жили. Войскам же, входившим в город с юга и юго-востока, пришлось вести серьезные, хотя и короткие бои. До полудня остатки Кёнигсбергской народной морской дивизии прекратили сопротивление.

Более крупные бои, благодаря которым отличился социал-демократ Носке, шли на территории рейха. Начиная с января, мы получали многочисленные сообщения о боях в Берлине, в Рурской области и Бремене. Эйснер, премьер-министр моей родины Баварии, принадлежавший к независимым социал-демократам, был застрелен в конце февраля лейтенантом графом Арко-Вайлейпом. Из письма матери я узнал, что отец просидел два дня под арестом в полицейской тюрьме в Мюнхене. Разумеется, он не имел ни малейшего отношения к убийству Эйснера и был арестован только потому, что случайно сидел в читальном зале баварского ландтага, когда здание очищалось революционными матросами и солдатами. Затем начались бои за Советскую республику в Мюнхене, город был занят фрейкором, созданным за пределами Баварии. Мои товарищи по Пограничной страже часто подшучивали надо мной как уроженцем Баварии, утверждая, что понадобились прусские войска, чтобы навести в Баварии «порядок».

В апреле 1919 года генерал фон Сект, начальник штаба Пограничной стражи «Север», был переведен в создававшееся министерство рейхсвера. Уход Секта повлек за собой некоторые изменения в персональном составе штаба командования, так как Сект взял с собой некоторых, хорошо известных ему офицеров. В

результате я был переведен на службу к начальнику оперативного отдела штаба, тогда майору, барону фон Фричу в качестве офицера «для поручений». Благодаря этому я мог знакомиться со всеми важными документами и имел полное представление об обстановке в районе действий Пограничной стражи. На нашем участке границы, в основном, все было спокойно.

По-иному, однако, складывалось положение в Прибалтике. Там оставалось значительное количество бывших немецких оккупационных войск в виде отрядов фрейкора, а иногда и крупных соединений, например, Железной дивизии под командованием майора Бишофа, бригады Шаулен и других. Существовали сотни малых и больших отрядов общей численностью около 30 тысяч человек. Я знаю это точно, так как, будучи офицером «для поручений» при начальнике оперативного отдела штаба, принимал участие в организации войск и в составлении списка полевых почт.

Некоторые отряды фрейкора прибыли даже из Германии. В основном же, в качестве пополнения прибывали солдаты, которые в составе фрейкора некоторое время участвовали в гражданской войне в Германии. Вербовщики «балтийцев» проникали даже в Южную Германию.

Балтийский ландвер под командованием майора Флетшера и фрейкор Медема состояли почти исключительно из немцев, еще в царское время поселившихся в Прибалтике и являвшихся русскими подданными. Это были главным образом помещики, а также представители буржуазных слоев. Хотя обе эти группы относились к национальному меньшинству, однако на этой бывшей русской территории они из-за своего экономического положения пользовались большим влиянием. Они защищали свою собственность и свое влияние, опираясь на немецкую Пограничную стражу. Расчет был на то, что после будущего заселения Прибалтики немецкими фрейкоровцами их положение в стране упрочится. Реакционные фрейкоровцы боролись против «окраинных народов», но особенно враждебно были настроены к Советской России.

В начале марта 1919 года генерал-майор граф фон дер Гольц принял под свое командование «балтийцев» из Либау. Он был весьма энергичным человеком и — как можно было заключить из разговоров и служебной переписки — заклятым врагом большевиков. Поскольку это было возможно, учитывая характер этих отрядов ландскнехтов, Гольц установил в них твердый порядок. Когда в апреле прибыла вновь сформированная в Германии гвардейская резервная дивизия, началась подготовка к наступлению на Ригу, чтобы вернуть этот занятый Красной

Армией город и его окрестности. Наступление было осуществлено в конце мая — начале июня 1919 года. На короткое время Рига была взята.

Через три недели город опять был сдан. Неудача под Ригой привела к серьезному временному кризису среди «балтийцев», тем более что это были дни принятия Версальского договора: западные державы требовали отвода немецких войск из Прибалтики.

Летом 1919 года в занятой немецким фрейкором Латвии появился авантюрист, называвший себя князем Аваловым-Бермонтом и сформировавший из русских контрреволюционеров крупные воинские соединения. Когда западные державы потребовали отвода немецких войск из Прибалтики, несколько тысяч «балтийцев» перешли под командование Авалова-Бермонта, так что германское правительство как будто лишилось всякого влияния на них. Граф фон дер Гольц и не думал об отводе войск. У него были далеко идущие планы. В своих докладных записках он нередко говорил о «будущей России», которая возникнет после свержения советского режима. Разумеется, он понимал, что одним «балтийцам» решить такую задачу не под силу, но полагал, что они могут создать предпосылки для этого, пусть даже весьма ограниченные. После новых поражений немецкие отряды в ноябре 1919 года перешли под немецкое командование и были вынуждены начать отход в Германию.

Однако они отказывались отойти на территорию Восточной Пруссии, пока им не будет выдано все, что положено, а главное — продовольствие. Чтобы переправить через границу один или два поезда с грузом, надо было «подмазать» нескольких таможенных чиновников. Поэтому обер-лейтенант Винценц Мюллер, теперь офицер «для поручений» начальника штаба командования Пограничной стражи «Север» полковника фон Тэра, был послан в Тильзит, чтобы передать некоему железнодорожному чиновнику небольшой чемодан, набитый пачками бумажных денег. Если мне память не изменяет, там было 100 тысяч марок в тогдашней валюте.

В декабре последние «балтийцы» перешли восточно-прусскую границу. Одни из них были размещены в померанских и мекленбургских помещичьих имениях и позднее составили часть вооруженных сил, участвовавших в путче Каппа. Другие присоединились к фрейкору в рейхе, в основном, к верхнесилезскому.

По условиям перемирия, подписанным 11 ноября 1918 года, западные державы заставили Германию отказаться от Брестского мирного договора, по которому Советская Россия была

вынуждена отдать Германии большие территории. В то время как Франция и Англия оказывали сильнейший нажим с целью заставить Германию выполнить все другие условия перемирия, государства-победители более или менее терпимо относились к тому, что немецкая Пограничная стража находилась за пределами Германии — в Прибалтике. Немецкие войска обеспечивали западным державам выигрыш времени, пока прежде всего Англия, начав интервенцию против Советской России со стороны Баренцева моря и Финского залива, не нашла, что пришло время путем открытого вмешательства распространить свое влияние и на прибалтийские районы бывшей царской империи. Таким образом, немецкая Пограничная стража служила главным образом интересам держав-победительниц, пока они подготавливали Версальский мирный договор. Естественно, преследовались и германские интересы. Имелось в виду, что Прибалтика будет аннексирована Германией, большевизм разбит и будет создана хорошая исходная позиция для военных действий против Советской России. Именно в силу последней причины немецкие войска оставались так долго в Прибалтике. Ведь Тренер даже считался с возможностью крупных операций против Советской России в союзе с Антантой.

Замешательство, уныние, чувство безнадежности и возмущение — такова была первая реакция офицеров штаба, когда я начале мая 1919 года из газет стали известны некоторые положения Версальского мирного договора, а затем и все его четыреста сорок статей. Трудно было представить себе его последствия, какой бы области ни коснуться: занятие левого берега Рейна государствами-победителями, создание пятидесятикилометровой демилитаризованной зоны восточнее Рейна, экономические определения, особенно репарации, полное разоружение, сокращение германской армии до 100 тысяч человек и военно-морского флота до 15 тысяч человек с небольшим количеством старых кораблей, а главное — признание вины Германии за развязывание войны, требование предать германского кайзера и ведущих политических деятелей международному суду, территориальные уступки и прочее. К тому же для принятия мирного договора был дан ультимативно короткий срок, по истечении которого державы-победительницы в случае неподписания германским правительством договора угрожали двинуть свои войска в Германию.

Очевидная связь между стремлением установить в Европе господство Германии, что являлось подлинной целью войны, и Версальским мирным диктатом держав-победительниц не освещалась или почти не освещалась в немецкой прессе и,

разумеется, не обсуждалась в известных мне офицерских кругах. Однако под влиянием немецкой печати у нас было высказано мнение, что Версальский договор — это величайший обман. Он противоречит «Четырнадцати пунктам», которые американский президент Вильсон прокламировал как основу для мира и важнейшими из которых были: мир без аннексий, самоопределение всех наций и свобода морей.

Мы, офицеры штаба Пограничной стражи, узнали, что Верховное командование, то есть Гинденбург и Тренер, а также прусский военный министр генерал Рейнгардт и генерал фон Сект, вмешалось в спор относительно того, принять или отклонить мирный договор. В мае серьезно взвешивалась даже возможность наступления с флангов Пограничной стражи «Север» через Варту и Нетце и Пограничной стражи «Юг» из района севернее Бреслау, чтобы снова занять Познаньскую провинцию и, таким образом, еще до окончательной передачи указанного района Польше поставить ее перед свершившимся фактом. Мы слышали, что в Верховном командовании и в правительстве одно время обсуждался вопрос, удастся ли организовать сопротивление войскам государств-победителей, если они начнут наступление через Рейн. Было известно, что Верховное командование, то есть генерал Тренер, а под его влиянием и Гинденбург, высказалось в конце концов за принятие мирного договора из-за военного бессилия Германии.

До этого Верховное командование разослало секретную анкету с целью выяснить мнение некоторых командующих, старших начальников и офицеров Генерального штаба, может ли Германия отклонить договор и продолжать сражаться или же по военным причинам она должна принять его, и особенно, может ли Германия хотя бы на Востоке воевать за свои старые границы. В штабе командования Пограничной стражи «Север» по инициативе тогдашнего начальника штаба полковника Хейе всем офицерам также была роздана краткая анкета, ответ на которую не был обязательным. На основе бесед со старшими товарищами и собственных размышлений я ответил приблизительно следующее.

Вопрос. Думаете ли вы, что в случае отклонения мирного договора немецкий народ снова прибегнет к оружию и будет продолжать сопротивление?

Ответ. Немецкий народ в своей массе не желает больше воевать. Это показал быстрый самороспуск армии в конце войны.

Вопрос. Какие перспективы независимо от ответа на первый вопрос имеются, с вашей точки зрения, для продолжения войны?

Ответ. Никаких перспектив. Во всяком случае, армии

государств-победителей обладают многократным превосходством, даже если бы весь немецкий народ был готов сражаться. Кроме того, нам не хватает оружия, боеприпасов и продовольствия.

Вопрос. Будет ли население на Востоке сражаться и дальше, чтобы отвоевать бывшие германские территории, оказавшиеся в польских руках?

Ответ. Я не могу правильно оценить настроение населения немецкого Востока, так как мало знаю Восточную Пруссию. Однако с военной точки зрения в этом не было бы смысла, так как государства-победители через сравнительно короткое время могут напасть на нас с Запада, ударив нам в тыл. (При этом я помнил о днях в конце октября — начале ноября 1918 года, когда войска на Западе еще вели бои, а Южный фронт на Балканах и в Италии уже распался и противник начал там наступление.)

Я слышал, что подавляющее большинство офицеров штаба командования Пограничной стражи «Север» в ответах на анкетные вопросы отрицали возможность дальнейшей борьбы, хотя все мы страшно ругали и мирный договор, и правительство, которое его приняло. С согласия Национального собрания в Веймаре мирный договор был подписан представителями германского правительства 28 июня 1919 года.

25 июня 1919 года Гинденбург вышел в отставку. У нас говорили, что одним из его последних официальных высказываний было следующее: Гинденбург заявил, что хотя он не видит возможности оказывать вооруженное сопротивление, но, как солдат, он предпочел бы славную смерть позорному миру. Вскоре его снова начали выдвигать и чествовать как победителя в битве под Танненбергом. 30 июня 1919 года в отставку вышел и генерал Тренер. В это же время ушел с военной службы командующий Пограничной стражей «Север» генерал от инфантерии фон Кваст. При расставании он заявил собравшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам штаба, что он слишком стар, чтобы переварить все последствия войны и мирного договора.

В конце сентября 1919 года штаб командования Пограничной стражи «Север» был переведен в Кольберг и занял там часть здания, в котором располагалось бывшее Верховное командование. Большинство офицеров штаба Верховного командования были приняты на службу в министерство рейхсвера. Неотвратимо приближалось 10 января 1920 года — день, когда Версальский договор должен был вступить в силу. Этим затрагивался и район действия нашей Пограничной стражи, особенно в связи с уступкой Западной Пруссии, созданием Польского коридора к Балтийскому морю и образованием

вольного города Данцига. Понятно, что нас, офицеров, не меньше затрагивали военные определения Версальского договора. Численность рейхсвера составляла пока что 400 тысяч человек. Этот контингент сокращался до 200 тысяч, а чтобы выполнить Версальские определения, надо было уволить еще 100 тысяч человек. Что будут делать тысячи уволенных солдат, унтер-офицеров и офицеров, особенно кадровые унтер-офицеры и офицеры?

Уже с лета 1919 года до штаба командования Пограничной стражи «Север» разными путями доходили сведения, что в Берлине командующий войсками I военного округа генерал от инфантерии фон Лютвиц намерен помешать дальнейшему сокращению армии, выступает вообще против политики выполнения Версальского договора и требует образования «национального правительства». Лютвиц знал, что его поддержат некоторое количество генералов и командиров частей, которые уже сыграли определенную роль в гражданской войне. В печати велась оживленная дискуссия по этим вопросам. Правые газеты более или менее открыто поддерживали точку зрения Лютвица. Левая печать, напротив, крайне резко выступала против угрозы республике, против попыток установить военную диктатуру, а также писала об опасности вмешательства держав-победительниц.

Министр рейхсвера социал-демократ Носке, который пользовался в офицерском корпусе большим авторитетом, поскольку хорошо защищал интересы рейхсвера и проявил «решительность» во время гражданской войны, прусский военный министр Рейнгардт, а также генерал фон Сект, сделавшийся тем временем начальником войскового управления (что соответствовало прежней должности начальника Генерального штаба), — все они наблюдали за домогательствами Лютвица, но не принимали каких-либо мер.

В феврале 1920 года штаб командования Пограничной стражи «Север» был расформирован. Некоторое время в Кольберге оставалась еще ликвидационная группа под началом капитана Генерального штаба Финка фон Финкенштейна, в составе около 25 офицеров, в числе которых был и я, а также 50–60 унтер-офицеров и солдат.

10 или 11 марта из телефонного разговора Финкенштейна с каким-то учреждением в Берлине мы узнали, что в связи с штанами генерала фон Лютвица ситуация там обострилась. 13 марта из Кольберга к нам дошли слухи о военном путче в Берлине. По телефону связаться со столицей не удалось. Поэтому мы обратились в штаб II военного округа в Штеттине, откуда одно за другим пришли следующие сообщения: «Морская бригада

Эрхардта, не встретив сопротивления, вступила в Берлин, чтобы занять правительственный квартал», «Прежнее правительство бежало из Берлина в Дрезден», «В Берлине образовано новое национальное правительство под руководством Каппа. Министром рейхсвера будет Лютвиц», «Генерал фон Сект отсутствует: он болен», «Ожидается всеобщая забастовка». Мы связались также с пехотным полком рейхсвера в Кольберге. Командир его пользовался только слухами. Полк нес нормальную службу. После короткого совещания с офицерами Финкенштейн решил: «Ничего предпринимать не будем. Подождем, ведь мы только маленькая ликвидационная группа без войск». 15 марта забастовка началась и в Кольберге.

После того как в результате всеобщей забастовки рабочих, проведенной по всей Германии, капповский путч провалился и железные дороги снова начали работать, ликвидационная группа штаба командования Пограничной стражи «Север» прекратила свое существование. Мы, переодевшись в штатское, направились в свои войсковые части, и во второй половине марта 1920 года я прибыл в тогдашний 13-й саперный батальон рейхсвера в Ульме. Его командир подполковник Дейле сказал мне:

— Ну, Мюллер, хоть вы и служили в вышестоящем штабе, теперь вам придется стать командиром взвода саперной роты. Все это время мы высоко держали знамя. Имперское правительство искало защиты именно у нас, швабов.

Дейле имел в виду, что президент и имперское правительство бежали 13 марта из Берлина через Дрезден в Штутгарт.

Внимание офицеров рейхсвера еще с мая было приковано к конференции, которая была назначена на июль в городе Спа. Генерал фон Сект, ставший тем временем начальником Пивного управления сухопутных войск, сделал в Спа еще одну, впрочем, напрасную попытку добиться согласия на оставление в рейхсвере 200 тысяч человек. Удалось лишь отсрочить сокращение рейхсвера до 100 тысяч человек до 1 января 1921 года.

Во время отпуска, который продолжался с конца марта до середины апреля 1920 года, я узнал, что в Баварии в связи с путчем Каппа Баварская народная партия (бывший Центр) образовала было новое правительство. Об этом мне рассказал отец. Большую роль играл в этом командующий войсками Баварского военного округа генерал Риттер фон Мель, оказавший известное давление на прежнее социал-демократическое правительство и вынудивший его уйти в отставку. Мнения по поводу действий генерала фон Меля разделились. Многие партийные друзья моего отца да и он сам считали, что такое грубое вмешательство военных в политику внушает серьезные

опасения. Я сам как военный не был связан с Баварией и хотя был баварцем, но служил как вюртембергский офицер. За исключением первых трех месяцев военной службы в качестве добровольца-одногодичника, я никогда не служил в баварской воинской части.

Вскоре из Баварии начали доноситься громкие голоса националистов. Часто можно было слышать выражения вроде следующего: «Бавария — ячейка порядка». Все большую роль там начинали играть «национальные союзы», особенно организация Эшериха («Оргэш»), названная так по имени своего руководителя советника Эшериха. Очевидно, эти организации поддерживались баварским правительством. Главные политические цели «ячейки порядка Баварии» были следующие: борьба против Версальского договора, резкая критика уступчивости имперского правительства по отношению к державам-победительницам и в качестве отправного пункта — легенда «об ударе кинжалом в спину», то есть утверждение, будто бы причиной национального бедствия является революция 1918 года, нанесшая из тыла удар по армии, которая вела бои, и вызвавшая этим военное поражение Германии. Националистические круги настойчиво утверждали, будто армия осталась «не побежденной в бою» — выражение, которое тогдашний президент Эберт употребил еще в декабре 1918 года при вступлении одной из дивизий в Берлин.

«Удар кинжалом в спину» и «не побежденная в бою» — это были, так сказать, две стороны одной и той же медали. Так как Веймарской республике пришлось принять наследие кайзеровской империи и проигранной войны в форме Версальского договора, ненависть тех, кто считал себя «националами» не только в Мюнхене, но и во всем рейхе, еще с начала 1919 года обратилась против республики. Не всякий мог предвидеть тогда, какие тяжелые последствия будут иметь легенда «об ударе кинжалом в спину» и утверждение, будто армия осталась «не побежденной в бою». Распространители этой лжи, сознательно искажавшие факты, поддались самообману и были далеки от объективной действительности. И то и другое было обращением к субъективизму, сентиментальным с точки зрения чувства подходом к поражению 1918 года и поэтому сознательным введением в заблуждение широких слоев немецкого народа, отправным пунктом для реванша и призывов поправить дело новой войной. Легенды об «ударе кинжалом в спину» и о «не побежденной в бою» армии позднее взяли на вооружение нацисты. С ними и после них действовали те же силы, захватническая политика которых окончилась в 1918 году неудачей.

Своеобразным свидетелем, помимо своей воли разоблачавшим лживость легенды «об ударе кинжалом в спину», был генерал от инфантерии в отставке Людендорф, написавший книгу «Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.». Однако читать эту книгу надо критически и не рассматривать ее — как это хотелось бы автору — как реабилитацию его собственной деятельности и как обвинение против немецкого народа. Во многих местах книги Людендорф убедительно рассказывает о лежавшем на немецком народе и армии неслыханном бремени, вызванном затяжной войной и стремлением сравняться с противником, имевшим численное и материальное превосходство. Одновременно Людендорф показывает, как глубоко он в качестве ближайшего сотрудника Гинденбурга вмешивался в политику, в частности, ради осуществления захватнических целей на Западе и Востоке, сторонником которых он был. Говоря о Брестском мире, Людендорф признает, что фронт ждал мира не меньше, чем тыл. Он забывает, конечно, упомянуть о том решающем факте, что воздействие Брестского мира на заграницу состояло в раскрытии существа германской военной политики, а это усилило сопротивление целям немецких правящих кругов. Людендорфу приходится в конце концов признать провал немецкого наступления 1918 года и успех контрнаступления западных держав, а тем самым явное военное поражение Германии.

Людендорф считался весьма энергичным человеком. Однако на его примере видно, что даже величайшая энергия разбивается о действительность, если отсутствие сдержанности, предубеждение и недостаточная осмотрительность подавляют трезвую оценку известных фактов. Ближайший сотрудник Людендорфа в Верховном командовании полковник Бауэр в выпущенной уже в конце 1918 года издательством «Шерль» брошюре «Можно ли избежать, выиграть или прекратить войну?» писал, что армия «отступила лишь тогда, когда родина нанесла ей смертельный удар». Когда причину выдают за следствие и наоборот, то в жизни это всегда оказывается роковым, особенно если это делается с умыслом. Это одинаково относится к политикам, военным, а также к… врачам. Важно прежде всего не ограничиваться изучением внешней стороны событий, а стараться понять их подлинные причины. Внешняя сторона событий во время Первой мировой войны и при ее завершении, безусловно, свидетельствовала, что под воздействием невероятных жертв и лишений, невыполненных обещаний и разочарований немецкий народ устал от войны. Однако главная причина поражения состояла в том, что тогдашние правящие круги Германии

домогались господства в Европе и во всем мире. Безгранично переоценив собственные силы, они поставили задачу, которая из-за стремления других народов к независимости и самоопределению была невыполнимой, а потому попытка решить ее неминуемо разбилась о сопротивление всего мира.

Ложь «об ударе кинжалом в спину» выдумали те, кто проиграл войну, кто заинтересован в захватах; она была исходным пунктом для их дальнейшей преступной деятельности. В прошлом круги крупных промышленников и военных поддерживали пангерманцев. Теперь они искали широкую базу в «патриотических» союзах и образовавшихся вскоре нацистских организациях, чтобы посредством националистической и реваншистской пропаганды, особенно же посредством «чествования» и «признания заслуг» солдат-фронтовиков, склонить немецкий народ к тому, чтобы вновь начать войну и, избегнув ошибок Первой мировой войны, добиться старых целей при помощи оружия.

Эти мысли пришли мне в голову позднее, при переоценке многих проблем. Но уже тогда мне стало ясно, что война превысила наши возможности. Несмотря на поражение, я не умалял чести германского солдата-фронтовика, того, кто находился на переднем крае, приносил наибольшие жертвы и терпел наибольшие лишения, хотя я и понимал, что, собственно, именно этим солдатом злоупотребили на войне, особенно когда она стала затяжной. Однако я предпочитал не говорить об этом.

Летом 1919 года я прочитал книгу о войне Франца Шаувеккера «В пасти смерти. Германская душа в мировой войне», посвященную немецким пехотинцам. Однако я никак не мог согласиться с тем, как автор расхваливал солдат-фронтовиков. Это было уж слишком! По мнению Шаувеккера, фронтовой солдат якобы живет ради войны, а война является источником всего сущего. Хотя я душой и телом был солдат, однако мне претили подобные взгляды.

Высшая военная подготовка и первое знакомство с нацистами

После того как я был принят в рейхсвер, 2 января 1921 года я был командирован в штаб V военного округа в Штутгарте на первый и второй курс подготовки помощников командиров, как называлась в целях маскировки запрещенная Версальским договором высшая военная подготовка в Военной академии. До этого, в августе 1920 года, я прошел отборочные испытания. Нас было двадцать офицеров — от старослужащего капитана до старослужащего лейтенанта.

Наш преподаватель тактики, майор Генерального штаба Франке с терпеливой настойчивостью учил нас, как он говорил, военному ремеслу: принципам составления приказов и их обработке. Преподавание военной истории являлось введением к оперативной подготовке; на занятиях по истории изучались отдельные эпизоды из истории войн Фридриха I Прусского, Наполеоновских войн и войн 1866 и 1870 годов. Однако на первом плане были кампании, операции и битвы мировой войны, прежде всего битва на Марне в сентябре 1914 года во Франции, с анализа которой, собственно, и началось изучение тактики. На основании мемуаров нескольких видных генералов разбирались ошибки, допущенные в результате отклонения от первоначального плана Шлиффена во время развертывания, а затем и в самом ходе решающих боев. Битва на Марне была главной темой не только в нашей аудитории. Она много лет господствовала в немецкой военной литературе. Именитейшие генералы и военные специалисты занимались ею, преимущественно ошибками этой битвы. Отход от плана прежнего начальника Генерального штаба Шлиффена, по которому предусматривалось сосредоточение крупных сил на правом фланге армии, рассматривался как причина провала расчетов на быстрое окончание войны. Подробно обсуждались и другие ошибочные решения тогдашнего начальника Генерального штаба Мольтке.

Такой метод трактовки военных событий приводил — понимали или не понимали это отдельные преподаватели и военные литераторы — к упрощенчеству в объяснении исхода Первой мировой войны, а также к игнорированию взаимосвязей и имел целью «поправить дело» новой попыткой установить германское мировое господство. Разумеется, детальное рассмотрение ошибок и их причин, тем более стратегических и

оперативных ошибок, с целью извлечения опыта входит, в конце концов, в задачу истории военного искусства. Однако для такой битвы, какой являлась битва на Марне, с которой связывались все надежды на победу, чисто военного анализа было недостаточно. В данном случае исследование должно было бы охватывать общее политическое и экономическое положение Германии. С изучением битвы на Марне и кампании в августе-сентябре 1914 года во Франции, а также дальнейшего хода войны был непосредственно связан вопрос, возможно ли вообще решать судьбу немецкого народа путем войны. Однако эта сторона дела оставлялась без всякого внимания. Правда, тогда, то есть в 1921–1922 годах, материалов о ходе военных действий было еще мало. Но и в позднейших публикациях, по крайней мере в тех, которые мне известны, ни один немецкий военный автор ни разу не поднял этого вопроса.

На занятиях по другим, менее важным предметам разбирались главным образом вопросы вооружения. На обоих курсах был добавлен новый предмет — гражданская подготовка, которую преподавал профессор Бильфингер из Тюбингена. В живой форме он излагал историю германской конституции, начиная с 1848 года, особенно бисмарковскую конституцию 1871 года, веймарскую конституцию, а в связи с этим и закон о вооруженных силах от 23 марта 1921 года. Говоря о вооруженных силах Веймарской республики, он, в частности, указывал на то, что республика была обременена наследием кайзеровского рейха и проигранной мировой войной.

Его лекции произвели на меня глубокое впечатление. Но, к сожалению, на них присутствовали только двадцать слушателей курсов помощников командиров в Штутгарте да, быть может, еще некоторое их число в других округах. Штабные же и строевые офицеры не получали систематической подготовки по столь важным для них и актуальным вопросам.

Курсы помощников командиров были подчинены начальнику штаба V военного округа, полковнику Генерального штаба Вельварту, а затем его преемнику — подполковнику Генерального штаба Бломбергу, будущему военному министру Гитлера. Во время нашего двухгодичного обучения несколько раз на занятиях присутствовал также командующий войсками V военного округа генерал-лейтенант Рейнгардт. Он был последним прусским военным министром. О Рейнгардте говорили, что во время капповского путча он в противоположность генералу фон Секту считал, что рейхсвер может оказаться вынужденным вести огонь по рейхсверу, то есть по вступавшей тогда в Берлин бригаде Эрхардта. Не раз он выступал перед нами, будущими офицерами

Генерального штаба. Рейнгардт говорил нам, как необходимы сплоченность рейхсвера, безоговорочное подчинение приказам начальников и то, чтобы офицеры держались вне политики. Рейхсвер должен быть надежнейшим и сильнейшим инструментом государственной власти хотя бы уже для того, чтобы враги не имели повода его критиковать. Особенно часто говорил он о

Версальском договоре и призывал к трезвой по-военному оценке положения. В отношении деятельности Межсоюзнической военной контрольной комиссии (ИМКК) он предостерегал нас от мальчишеских и глупых выходок, например, от сокрытия сверхкомплектного оружия. Когда Германия снова станет свободной, говорил он, то оружие найдется и без этого. Генерал Рейнгардт пользовался у нас большим уважением.

В апреле 1922 года, во время пасхальных каникул, пришло неожиданное сообщение о том, что в Рапалло заключен договор между Германией и Советским Союзом. Это было тем более неожиданно, что договор был подписан на Генуэзской конференции, где Германия рассчитывала «уточнить» вопрос о репарациях в свою пользу, но ничего не смогла сделать, так как этот вопрос там даже не стали обсуждать. На конференции Германия оказалась изолированной. Поэтому я, в общем, положительно отнесся к заключенному в Рапалло договору с Советским Союзом. Договор этот ликвидировал последствия войны, возобновил дипломатические отношения между Германией и Россией и урегулировал торговые связи на основе принципа наибольшего благоприятствования. Мне было ясно, что Рапалльский договор выгоден Германии. Кроме того, я доверял тогдашнему министру иностранных дел Ратенау, многие работы которого были мне известны — в свое время я зачитывался ими. Когда после отпуска я снова встретился с другими слушателями курсов, то оказалось, что наши взгляды на Рапалльский договор почти совпадают.

Летом 1921 и 1922 годов офицеры, обучавшиеся на штутгартских курсах, в соответствии с общим порядком были направлены на три месяца в войска. В 1921 году я проходил службу в 1-м дивизионе 7-го (баварского) артиллерийского полка в Вюрцбурге. В его составе я участвовал в дивизионных учениях в войсковом учебном лагере Графенвер, где познакомился и подружился со многими слушателями таких же курсов помощников командиров из других военных округов. Служба проходила нормально, отношения офицеров между собой и с солдатами были хорошие.

Тем более удивляло меня то, что я увидел в южнобаварских

войсковых частях. В служебные часы там, казалось, все идет нормально. Но вне службы, в Офицерском собрании, там творилось черт знает что. Центральной фигурой офицерских сборищ был капитан Рем, будущий ближайший сотрудник Гитлера и начальник штаба СА, служивший в штабе начальника пехоты 7-й дивизии, командиром которой был генерал Риттер фон Эпп. Как я слышал, Эпп рассылал так называемые патриотические письма, составленные капитаном в отставке Вейсом, позднее главным редактором нацистской газеты «Фелькишер беобахтер». В этих письмах излагалось требование ликвидировать республиканский строй. В 1933 году Гитлер сделал Эппа имперским наместником Баварии.

В гостиных Офицерского собрания на всех столах стояли маленькие флажки цветов бывшего германского военно-морского флага. Поздно вечером горланили такие песни, как «Францию мы разобьем» или «Свастика на шлеме, черно-бело-красный бант, бригадой Эрхардта называют нас». Приветствовали друг друга возгласами «хайль!». Цвет государственного флага с издевкой называли черно-красно-горчичным. Много говорили о «ноябрьских преступниках». Нередко утверждали, что «лучше быть мертвым, чем рабом». Можно было услышать и антисемитские лозунги, вроде: «Германия, пробудись! Евреи, околейте!» Многие знакомые мне баварские офицеры резко осуждали такое поведение хотя бы с точки зрения военного распорядка и дисциплины и квалифицировали его как «скотское». Сторонниками и друзьями Рема были большей частью молодые офицеры. Однако среди них были и несколько капитанов (при тогдашней системе продвижения это означало, что они были старше тридцати пяти лет), в большинстве из мюнхенского и других южнобаварских гарнизонов.

Летом 1922 года я был направлен на три месяца в 19-й (баварский) пехотный полк в Мюнхене. В основном, служба шла гладко. Только небольшие сигнальные флажки, которые унтер-офицеры во время занятий по тактике носили за голенищем, были черно-бело-красного цвета. Я узнал также, что некоторые офицеры и унтер-офицеры вечерами проводят военную подготовку в «национальных» союзах. Обстановка в других воинских частях была такой же, как в 19-м пехотном полку. Из разговоров со многими офицерами мне стало известно, что Рем и его

Союз имперского военно-морского флага, как и раньше, играют большую роль и что очень многие офицеры связаны с так называемой Национал-социалистской рабочей партией Германии (НСДАП), то есть с нацистами. В полку был и своего рода

«противовес» этому в лице работавшего в штабе подполковника барона фон Венца цу Нидерланштейна. Он представлял монархическую линию, и у него были единомышленники. Ему не нравились нацистские скандалисты нового типа. Аристократические манеры барона сказывались, между прочим, в том, что офицеров-дворян он называл полным титулом и именем, например: «Господин лейтенант фон ле Сюир», тогда как офицеров буржуазного происхождения, как это вообще было принято в офицерском корпусе, только по фамилии, например: Вегнер, Книс, Мюллер. Вообще говоря, подполковник барон фон Венц цу Нидерланштейн считался в офицерском корпусе бестактным дураком.

Впрочем, в таком крупном городе, как Мюнхен, вне службы каждый занимался, чем хотел. Я мало бывал в Офицерском собрании, так как жил у сестры.

В конце августа 1922 года вся 7-я (баварская) дивизия снова собралась в учебном лагере Графенвер. Отдаленность лагеря и учебного поля способствовала тому, что «спасители Германии», среди которых центральной фигурой был капитан Рем, позволяли себе делать все, что хотели. Теперь во время учений уже не только командиры взводов и отделений имели при себе на занятиях черно-бело-красные сигнальные флажки, но и более крупные флаги этих цветов были видны на взводных повозках. Так было не только в южнобаварских воинских частях, но и в севернобаварских, прибывших из Нюрнберга и его окрестностей. Общее настроение было несколько повышенное. Многие офицеры и унтер-офицеры приветствовали друг друга на лагерных линейках словами «Германия, пробудись!», а ответом на это служило: «Евреи, околейте!» В Офицерском собрании маленькие флажки стояли теперь не только в клубных помещениях, но и в большом ресторанном зале. Это видели министр рейхсвера д-р Гесслер и начальник Пивного управления сухопутных войск генерал фон Сект, присутствовавшие на обоих заключительных учениях. Они не могли не заметить и националистического подъема в среде офицеров и унтер-офицеров. Неизвестно, знали ли они что-нибудь о содержании разговоров, которые велись на лагерных линейках и в клубных помещениях. В поздние часы там совершенно открыто говорили о предстоящей «ночи длинных ножей», о необходимости рассчитаться с «ноябрьскими преступниками». Пароль «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца» считался одним из самых безобидных. В последний вечер после торжественного товарищеского ужина с участием старших начальников и командира дивизии перед зданием Офицерского собрания состоялась церемония вечерней зари. Я видел, что на

этой церемонии у некоторых самых громких крикунов на глазах выступили слезы.

В конце сентября 1922 года я участвовал в горных учениях штаба 19-го (баварского) полка с горно-егерским батальоном из Кемптена. Некоторые офицеры этого батальона летом в Графенвере холуйствовали перед Ремом. Но здесь я этого не замечал. Странно, думал я, неужели Рем является главарем этих людей.

Наблюдения и опыт, приобретенные во время службы в баварских частях в 1921 и 1922 годах, подействовали на меня, как и на некоторых других офицеров, как своего рода предохранительная прививка против «национальных» веяний из Мюнхена. В начале октября 1922 года я возвратился в 5-й саперный батальон на должность командира взвода.

Спровоцированное воротилами германской индустрии, главным образом Стиннесом, вступление французских войск в Рурскую область 11 января 1923 года вызвало глубокое возмущение во всех слоях немецкого населения, и без того озлобленного в связи с инфляцией и непрерывным падением уровня жизни. Все это, разумеется, отразилось и на рейхсвере, главным образом на настроении солдат. Но, как я потом узнал, командование рейхсвера приняло ряд предупредительных мер.

Учитывая возмущение широких кругов населения, имперское правительство Куно, состоявшее из представителей правых партий, призывало к «пассивному сопротивлению». Правые круги Баварии и Северной Германии развернули разнузданную националистическую пропаганду. В это время слились крайне правые боевые союзы, прежде всего в Баварии, где СА, Союз имперского военно-морского флага Рема и союз «Оберланд» образовали Союз борьбы. Укрепились их связи с аналогичными группами в Северной Германии. На авансцену снова выступили командир фрейкора обер-лейтенант в отставке Росбах, капитан Эрхард, получивший скандальную известность в результате капповского путча, а также Людендорф. В Северной Германии зашевелились депутаты от Немецко-национальной партии: Грефе, Вулле и другие. В общем же, крайне правые круги стремились использовать французский нажим для того, чтобы поднять внутри страны мощную «национальную волну» и ликвидировать парламентскую демократию. «Все патриотическое движение направлено на насильственное изменение веймарской конституции. Потому что оно [так называемое патриотическое движение. — В. М.] является антимарксистским, антипарламентским, антицентралистским», — так заявил на судебном процессе против Гитлера весной 1924 года д-р Фридрих

Вебер из правления праворадикального союза «Оберланд».

В верхушке рейхсвера, особенно у Секта, были тайные намерения, и ею были даже осуществлены подготовительные мероприятия с целью оказать вооруженное сопротивление французам. Это намечалось на тот случай, если пассивное сопротивление побудит французов оккупировать новые районы Германии. Об этих планах строевые офицеры ничего не знали. После частых совещаний у командующего V военным округом в Штутгарте мой командир батальона говорил: рейхсвер не пойдет на военную авантюру, войска должны сохранять спокойствие; мы не можем позволить, чтобы горячие головы из «национальных» союзов подталкивали нас; из-за нажима извне главной задачей является сохранять сплоченность, гарантировать поддержание внутреннего порядка и повиноваться приказам начальников. Такие наставления из Штутгарта поступали на протяжении всего 1923 года.

Стараться удерживать войска в стороне от националистических и, главное, антиконституционных устремлений — это было только полдела; следует помнить, что в националистических союзах, особенно в «Стальном шлеме» и «Младогерманском ордене», главную роль играли бывшие офицеры, довольно широко связанные с офицерами рейхсвера.

Сразу же после принятия Версальского договора и в последующие годы реваншистские организации изыскивали всяческие методы, чтобы дать «национальной волне» толчок, направление и внутреннюю силу. В поисках пропагандистских приемов они обращались к прошлому Германии.

Подходящим для этого им казался период деятельности прусских реформаторов после поражения 1806 года. В статьях, брошюрах и докладах положение Пруссии под господством Наполеона сравнивалось с положением Германии 1923 года. Нет надобности останавливаться на этом подробно, достаточно подчеркнуть принципиальную ошибку в таком применении сравнительного метода. Деятельность прусских реформаторов в 1807–1813 годах привела в конце концов к успеху потому, что их военные планы и мероприятия подкреплялись упорным стремлением решить неотложные национальные проблемы Германии, прежде всего упразднить французское господство и ликвидировать феодальные тяготы и барьеры, которые столь сильно сдерживали развитие страны. Положение в Германии 1923 года было, однако, несравнимо с 1813 годом. Если прусское освободительное движение 1807–1813 годов как предшественник германского освободительного движения было носителем прогрессивных идей, то в 1923 году с ним хотели сравнить

регрессивные силы. В 1923 году организаторы и покровители «национальной волны» хотели объединить национальные силы не ради новой, демократической Германии, а, наоборот, стремились реставрировать старые порядки, намеревались повторить и «поправить» то, что не удалось в войне 1914–1918 годов.

Объявленное на всей территории рейха 27 сентября 1923 года в силу статьи 48 веймарской конституции чрезвычайное положение и передача исполнительной власти министру рейхсвера д-ру Гесслеру означали для нас, строевых офицеров, что рейхсвер выдвинут на авансцену политической жизни. Однако в гарнизоне Ульма ничего не изменилось. 30 сентября пришло сообщение о разгроме путча Бухруккера в Кюстрине. Сначала нам стало известно лишь то, что сообщили газеты; мы, в частности, узнали, что майор Генерального штаба в отставке Бухруккер с отрядами «черного рейхсвера» попытался захватить крепость Кюстрин. Попытка эта была, однако, отбита комендантом крепости Кюстрин полковником Гудовиусом с помощью частей рейхсвера. Краткая служебная информация об этом была сделана на обычном командирском совещании в штабе V военного округа.

В низовых армейских кругах не придали значения тому факту, что баварское правительство еще 26 сентября 1923 года на основании земельной конституции передало исполнительную власть бывшему премьер-министру Кару и он назначался главным государственным комиссаром по вопросам чрезвычайного положения в Баварии.

Мое отношение к положению в Баварии было с 1922 года совершенно определенным. Я осуждал тамошние порядки или, лучше сказать, непорядки, которые наблюдал как в военной, так и в политической областях. Прежде всего я был против партикулярно-сепаратистских устремлений, которые сделались явно заметными с 1920 года и которые опирались на профранцузские и на габсбургские монархические круги. Любое стремление Баварии к сепаратизму только повредило бы Германии в целом. Именно преодоление последствий войны, столь глубоко затронувших все стороны общественной жизни страны, требовало учета общих интересов германского народа, а не удовлетворения местных сепаратистских требований.

30 октября 1923 года я так сформулировал свои тогдашние политические взгляды:

«Государственную форму определяют не интересы династии или определенных кругов, а только интересы всего немецкого народа. Исходя из этой точки зрения, я безоговорочно стою на платформе республиканской веймарской конституции не потому, что я думаю, что она является лучшей для Германии, а потому,

что благо своего отечества я могу представить себе только в развитии, которое диктуется волей всего германского народа. Правда, я знаю, что республиканская конституция должна еще доказать свою жизнеспособность, однако, во всяком случае на ближайшее будущее, в ней заключена наша судьба. Ее крах вызвал бы не создание монархии в большей части Германии, а распад как Германии, так и Баварии».

Эти, конечно, далеко не полные и гладко сформулированные мысли являлись сознательным признанием республики, к чему я пришел благодаря опыту в первые послевоенные годы. Я приложил эти строки к письму своей невесте. Они были предназначены для моего будущего свекра, адвоката, который через свою дочь осведомлялся о моих политических взглядах.

Последствия сепаратных действий в Баварии сказались уже через три недели. Баварское правительство 22 октября 1923 года привело 7-ю дивизию к «присяге», иначе говоря, правительство земли вмешалось в установленный конституцией и военным законом порядок подчинения вооруженных сил. Оно само решало, какие приказы президента или министра рейхсвера должны выполняться войсковыми частями рейхсвера в Баварии и какие нет. Генерал фон Сект в приказе осудил действия правительства Баварии и потребовал от рейхсвера повиновения и сплоченности.

Из газет и сообщений приезжих стало ясно, что атмосфера в Мюнхене чрезвычайно накалилась. Правые круги требовали похода на Берлин, чтобы провозгласить там «национальную диктатуру». В первые дни ноября командир 5-го саперного батальона принес с командирского совещания в штабе V военного округа в Штутгарте ориентирующие указания. В результате окончания борьбы в Руре и из-за экономических трудностей существует возросшая опасность переворота как левыми силами, так и правыми. Все зависит от того, останется ли рейхсвер надежным инструментом в руках своего командования. Обращается особое внимание на то, чтобы члены правых союзов не могли завладеть оружием рейхсвера. Честь солдата — повиноваться. Военнослужащие рейхсвера предупреждаются, что они не должны позволить втянуть себя в какие-либо партийно-политические распри.

В ночь с 8 на 9 ноября 1923 года войсковые части гарнизона Ульм были подняты по тревоге в связи с гитлеровским путчем и в ожидании дальнейших приказов остались в казармах. Было повторено категорическое указание не допустить того, чтобы оружие попало в чужие руки. 9 ноября рано утром поступило сообщение, что накануне президент в соответствии со статьей 48 имперской конституции наделил исполнительной властью

начальника Главного управления сухопутных войск генерала фон Секта. Таким образом, Сект опередил своего начальника, министра рейхсвера д-ра Гесслера. Этот факт на все лады обсуждался и офицерами гарнизона в Ульме. Лишь через несколько месяцев в Берлине мне объяснили, почему так произошло.

Подробности о гитлеровском путче 9 ноября 1923 года в Мюнхене мы вскоре узнали из газет. Из намечавшегося марша на Берлин ничего не вышло. Провозглашенное 8 ноября в пивной «Бюргербройкеллер» правительство с Гитлером в качестве рейхсканцлера просуществовало всего лишь несколько часов. Поощрявший и покровительствовавший ранее «национальному движению» в Мюнхене баварский главный государственный комиссар фон Кар, командир 7-й дивизии генерал-лейтенант фон Лоссов и начальник баварской земельной полиции полковник Зейссер хотя и участвовали в провозглашении правительства, однако удрали в кусты, как только почуяли, что акция обречена на провал.

Через несколько дней готовность номер один в гарнизоне Ульма была отменена и все снова вошло в свою колею. С точки зрения офицера ульмского гарнизона, с путчем Гйтлера было покончено. Однако многое оставалось неясным. Вскоре, вступив в новую должность, я получил возможность ознакомиться и с закулисной стороной событий. Если мне память не изменяет, 20 ноября 1923 года была получена телеграмма из Управления кадров сухопутных сил Министерства рейхсвера, в которой указывалось:

«Обер-лейтенант Мюллер из 5-го саперного батальона с получением сего откомандировывается в Министерство рейхсвера. Войсковое управление (Т-I–III). Это распоряжение равнозначно переводу».

Кризисный 1923 год. Офицер канцелярии Шлейхера

Через несколько дней я прибыл в Берлин. Я еще не знал, что представляет собой отдел (T-I–III) в Министерстве рейхсвера на Бендлерштрассе. Первые сведения о нем мне сообщил майор фон Эйнем из Управления кадров сухопутных сил.

— Вы назначаетесь на доверительный пост к майору фон Шлейхеру, который в настоящее время ведает военными вопросами чрезвычайного положения, — сказал мне фон Эйнем.

Еще до приема у Шлейхера я узнал, что он является политическим советником начальника Главного управления сухопутных сил генерала фон Секта и референтом министра рейхсвера по политическим вопросам. Отдел T-I–III (ранее группа T-I Войскового управления) теперь стал самостоятельной ячейкой. Его начальник майор фон Шлейхер подчинялся непосредственно начальнику Войскового управления генерал-майору Эрнсту Хассе. В отделе было немного сотрудников: капитаны фон Фитингоф, Маркс, Отт, Винцер, Циглер. Кроме того, в отдел входил офицер связи с имперской канцелярией ротмистр Планк, сын известного физика Макса Планка.

Майор фон Шлейхер принял меня сердечно и непринужденно.

— Мы уже ждем вас, так как канцелярской работы накопилось по горло, — сказал он. — Надеюсь, что вы воспользовались все же несколькими днями отпуска?

— Да, я заезжал к невесте, которая живет в Деггендор, фе, в Баварском Лесу, — ответил я майору.

— Как, вы уже помолвлены? Хорошо ли вы подумали? Ну, ничего. Это, конечно, шутка. Вам придется привыкнуть к замечаниям такого рода. Дел у нас очень много. Это из-за того, что введено чрезвычайное положение. Вы будете работать в моей приемной в качестве офицера канцелярии. Правда, это звучит не слишком вдохновляюще, но и я когда-то занимался тем же. В канцелярии, конечно, должен быть полный порядок, даже если я не буду придирчив. Если канцелярская техника будет в порядке, то не будет и повода для придирок. Вас введут в курс дела. Сотрудники управления помогут вам сориентироваться. Да, кстати, что вы знаете о нас?

— Мне говорили о вас в штабе командования Пограничной стражи «Север» весной 1919 года. Это вы являетесь отцом фрейкора и добровольческих частей, созданных в 1918–1919

годах взамен распадавшихся войсковых частей. Осенью 1922 года в Графенвере один баварский артиллерийский капитан рассказывал, что генерал фон Сект проявляет понимание и интерес к их устремлениям в Баварии, но что в Министерстве рейхсвера есть некий майор фон Шлейхер, который все время сдерживает его. Я знаю также, что распоряжения политического характера всегда шли под шифром T-I–III. Однако я знаю об этих распоряжениях только понаслышке и почта не читал их в подлинниках.

Шлейхер спросил, не удивлен ли я переводом в Министерство рейхсвера.

— Я не думал, что подобное возможно, — ответил я. — В начале лета на полевых учениях мне сказали, что я слишком молод для третьего года обучения на курсах помощников командиров в Берлине и поэтому должен дожидаться своей очереди на повышение в войсках.

— Я приказал дать мне характеристики на трех офицеров вашего возраста, — сказал Шлейхер. — Мне понравилась именно ваша. Кроме того, из документов я узнал, что вы, по-видимому, не имеете здесь, в Берлине, каких-либо связей. Это как раз подходит для нашего отдела.

Я заметил, что мой фронтовой товарищ обер-лейтенант в отставке Вальтер Беймельбург работает в Берлине в секретариате Станнеса под началом бывшего майора Озиуса.

— Ну, — заметил Шлейхер, — Стиннес как раз не наш человек. Но об этом ни слова. Держите язык за зубами! В остальном дружите себе спокойно с товарищами по фронту. Расскажите теперь, как, собственно, обстояли дела в Ульме во время мюнхенских событий.

— Что-либо определенное я могу сказать только о своем 5-м саперном батальоне. Никто особенно не волновался даже после того, когда мы были подняты по тревоге в ночь с 8 на 9 ноября. Присяга 7-й дивизии правительству Баварии была воспринята крайне отрицательно. О настроении офицеров других ульмских частей я ничего не знал, ибо с лета 1923 года редко встречался с ними, поскольку в гарнизонном Офицерском собрании столовая была закрыта из-за экономических затруднений.

Разговор со Шлейхером мне понравился. В течение трех лет, до осени 1926 года, мне пришлось работать офицером канцелярии сначала майора, потом подполковника фон Шлейхера. Он постепенно становился ведущей политической фигурой рейхсвера и перед закатом Веймарской республики стал министром рейхсвера и рейхсканцлером. То, что я наблюдал и чему научился за время работы у Шлейхера, оказало на меня

глубокое влияние.

Мое происхождение и воспитание, а также мой тогдашний опыт привели к тому, что после некоторых колебаний я стал относиться к новой обстановке в Германии с открытой душой. Я чувствовал себя свободным от груза прошлого — «старого доброго времени», как часто говорили, и в противоположность многим другим офицерам не имел связей с монархией ни по военной, ни по какой-либо другой линии. Я не особенно симпатизировал республиканским кругам, и мои взгляды в общем и целом отвечали политическому направлению Немецкой демократической партии. К экстремистским правым силам я относился отрицательно.

Скоро я полюбил свою новую службу. Я охотно работал под руководством Шлейхера, так как мне нравились атмосфера откровенности в его отделе, его решительность и то, как он обращается со своими сотрудниками. Мне казалось, что он в противоположность взглядам и требованиям других офицеров трезво оценивает внутри- и внешнеполитическое положение Германии, а тем самым и возможности рейхсвера. Я полагаю, что Шлейхер стремился провести рейхсвер через смутное время по возможности без потерь и обеспечить его командованию политическое влияние. Он выступал против всех тех, кто внутри и вне рейхсвера затруднял осуществление этих намерений. Вскоре я заметил, что он был более искусным политиком, чем многие другие ведущие деятели рейхсвера.

Я довольно быстро «вработался» в свою новую должность. Сначала пришлось познакомиться с довольно сложным служебным распорядком Министерства рейхсвера. Работники отдела T-I–III с самого начала отнеслись ко мне очень доброжелательно, что отвечало духу сотрудничества под началом Шлейхера. Через несколько дней мне стало ясно, что в отделе царит твердая спаянность, что Шлейхер умело руководит отделом и приучает своих работников к самостоятельности.

Начав работать в министерстве рейхсвера, я сразу же поинтересовался, как обстоит дело в Саксонии и Тюрингии. В конце октября 1923 года в Саксонию под руководством командующего войсками IV военного округа генерал-лейтенанта Мюллера был направлен рейхсвер с задачей распустить левое правительство Цейгнера и рабочие дружины. Аналогичная задача была поставлена в начале ноября в Тюрингии 3-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Отто Хассе. Здесь положение осложнялось еще тем, что в связи с гитлеровским путчем в Мюнхене на баварско-тюрингской границе в конце октября скопилось с целью идти маршем на Берлин большое количество

членов экстремистских правых союзов, например, союза «Викинг», «Младогерманского ордена», «Стального шлема», а также военнослужащих «черного рейхсвера», которые после провала путча в Кюстрине намеревались активизироваться в Баварии.

Я помню, что между Шлейхером и подполковником Ливониусом, начальником штаба 3-й кавалерийской дивизии, произошел резкий спор, когда в связи с каким-то случаем выяснилось, что Ливониус связан с этими союзами. Шлейхер (очевидно, с согласия Гесслера и Секта) пресек эти связи, так как они могли скомпрометировать рейхсвер. Вскоре после отмены чрезвычайного положения Ливониус был уволен в отставку.

В то время как в Тюрингии не дошло до открытого сотрудничества между путчистскими правыми союзами и рейхсвером, в Мюнхене пехотное училище участвовало в гитлеровском путче. Это был тяжелый удар для командования рейхсвера, которое неоднократно запрещало военнослужащим рейхсвера партийно-политическую деятельность. Происшествие приняло тем более скверный оборот, что пехотное училище по тогдашним порядкам являлось центральным училищем рейхсвера. Все кандидаты в офицеры, прежде чем направиться в другие военные школы, должны были пройти пехотное училище. В тот период при училище действовали курсы повышения квалификации для офицеров, произведенных в офицерский чин во время войны, но не имевших специальной военной подготовки. Следует, впрочем, заметить, что Верховное командование, министр рейхсвера д-р Гесслер, а также генерал фон Сект своей непоследовательной линией по крайней мере допустили, если не поддержали такое развитие событий в Мюнхене, которое помогло подготовить почву для восстания этого центрального офицерского училища.

После гитлеровского путча командование рейхсвера перевело училище в Ордруф, учебный лагерь близ Готы, уволило начальника училища и его заместителя и подвергло дисциплинарным взысканиям часть офицеров. После прихода Гитлера к власти все эти люди были награждены «орденами крови». Увольнение командующего войсками VII военного округа и командира 7-й (баварской) дивизии генерал-лейтенанта фон Лоссова было на некоторое время отложено.

В кругах общественности обсуждался в связи с этим вопрос, почему рейхсвер выступил именно против Саксонии и Тюрингии, тогда как в отношении Баварии, где уже давно наблюдался сдвиг вправо и где откровенно требовали свергнуть имперское правительство, Берлин терпеливо дожидался, пока путчисты не выступили открыто.

Министр рейхсвера Гесслер, выступая 23 ноября 1923 года в рейхстаге, назвал события в Мюнхене «открытым правонарушением», а действия саксонского и тюрингского правительств «игнорированием права с сохранением правовой формы». Последнее якобы хуже первого, так как является лицемерием. Разумеется, разный подход к Саксонии и Тюрингии, с одной стороны, и Баварии — с другой, объясняется другими причинами. В Саксонии и Тюрингии действовали левые силы, в Баварии — националистические. И, конечно, последние были ближе рейхсверу, чем первые. События в Баварии явились начальной стадией того развития, которое через десять лет привело к приходу нацистов к власти и стало роковым для немецкого народа. В 1923 году поначалу казалось, будто бы дело заключалось в том, чтобы ликвидировать длившийся уже почти три года фашистский балаган в Мюнхене, являвшийся следствием военного поражения, Версальского мирного договора и нищеты. Крикуны и бунтовщики вначале были разбиты, и на некоторое время их заставили замолчать. Однако стоявшие за ними круги продолжали действовать. К пониманию этого я, как, вероятно, и многие, пришел значительно позже. Но уже и тогда офицер канцелярии обер-лейтенант Мюллер в процессе работы подметил ряд фактов, которые позволяли ему все яснее различать взаимосвязь событий.

В конце ноября 1923 года в отдел T-I–III был переведен баварский капитан Риттер фон Шпек. Ему были поручены правовые вопросы. Он должен был также содействовать укреплению сотрудничества между Министерством рейхсвера и земельными баварскими учреждениями.

Сначала предстояло решить важный вопрос, где вести судебный процесс против мюнхенских путчистов: в имперской судебной палате по охране республики, которая, собственно, обладала необходимой компетенцией, так как дело о мюнхенском путче было делом о государственной измене, или в баварском Чрезвычайном суде, поскольку Бавария в 1922 году сделала оговорки против применения закона об охране республики и в сентябре 1923 года не признала объявленного президентом на территории всего рейха чрезвычайного положения, а ввела на своей территории чрезвычайное положение и чрезвычайные суды. С участием президента, рейхсканцлера, имперских министров юстиции, внутренних дел и рейхсвера, а также начальника Главного управления сухопутных сил было принято решение в пользу баварского требования: провести процесс против Гитлера и его соучастников в баварском Чрезвычайном суде. Тем самым весь процесс перешел в руки баварского правительства, на

которое падала особая ответственность за столь большое обострение обстановки в Мюнхене, что стала возможней организация гитлеровского путча.

Кроме того, помнится, имперское Министерство юстиции и баварское правительство приняли еще одно важное решение: судебный процесс против Гитлера и его соучастников будет открытым только частично. Заседания, на которых рассмотрят важные вопросы, состоятся при закрытых дверях. Я читал опубликованные впоследствии протоколы открытых заседаний. Имевшиеся в Министерстве рейхсвера протоколы закрытых заседаний известны мне не были. Помню только несколько ироническое замечание, сделанное Шлейхером весной 1942 года.

— Некоторым повезло, — сказал он, — что процесс ведется в Мюнхене и главные вопросы рассматриваются при закрытых дверях.

Сопоставив это замечание с известными мне фактами, я понял, что такого же мнения придерживается начальник Главного управления сухопутных сил генерал фон Сект.

Судебный процесс против Гитлера, Людендорфа, Рема, Фрика, Крибеля, д-ра Вебера и других, обвиненных в государственной измене, длился с 20 февраля по 1 апреля 1924 года в Народной судебной палате в Мюнхене под председательством директора земельного суда Нейтхардта. В качестве наблюдателя от Министерства рейхсвера на процессе присутствовал капитан Риттер фон Шпек.

На открытых заседаниях Гитлер заявил, что он до тех пор не признает за собой никакой вины, пока на скамью подсудимых не сядут все участники путча, в том числе бывший баварский государственный комиссар фон Кар, генерал в отставке фон Лоссов и начальник баварской земельной полиции Зейссер, которые 8 ноября вечером в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер» участвовали в провозглашении Гитлером нового «национального» правительства и которые даже должны были войти в его состав, но внезапно отказались.

Больше всего меня интересовали планы создания директории, о которых говорилось и на открытых заседаниях суда. На вопрос Гитлера, вправе ли генеральный директор концерна Стиннеса Мину оказывать на президента противоречащее конституции давление, свидетель Кар заявил: «На это я отвечать не буду». Свидетель, генерал в отставке фон Лоссов, на вопрос Гитлера, кто, собственно, является автором плана создания директории, заявил: «На этот вопрос я отвечать отказываюсь. Сведения об этом я получил в доверительных беседах и не имею права говорить здесь об этом». Из показаний

свидетелей и обвиняемых вытекало, что Кар поддерживал связь с советником юстиции Глассом, руководителем Пангерманского союза в Берлине, что Кар обсуждал вопрос о директории не только с Мину, но и с гросс-адмиралом Тирпицем, адмиралом в отставке Шеером и неким господином Кнебелем и что Мину изложил им экономическую программу Стиннеса, которая очень понравилась Людендорфу. Подробности о планах создания директории я узнал в отделе T-I–III. Позже я еще вернусь к ним.

Имя Секта на открытых судебных заседаниях упомянуто не было. Не говорилось и о финансировании НСДАП предпринимателями, главным образом баварскими. В последнем слове Гитлер сказал, между прочим:

— Большой успех 8 ноября состоит в том, что оно не вызвало подавленности, а содействовало тому, чтобы в высшей степени воодушевить народ. Я верю, что придет час, когда массы, которые стоят сейчас на улицах с нашими крестовыми знаменами, объединятся с теми, кто стрелял в нас 9 ноября.

Гитлер и его главные соучастники были приговорены к пяти годам заключения в крепости с зачетом предварительного заключения. Остальные получили меньшие наказания. Людендорф был оправдан. В приговоре подчеркивалось, что обвиняемые действовали якобы из «национальных побуждений». Уже в декабре 1924 года Гитлер был амнистирован и выпущен на свободу.

В течение многих лет левые партии высказывали в рейхстаге и в печати подозрения и утверждения, что между мюнхенскими нацистами и генералом фон Сектом поддерживались связи. Но эти факты скрыли. Как молодой офицер, я считал, что рейхсвер вышел из этого процесса незапятнанным. О том, что нацисты из Мюнхена были связаны с Сектой, я узнал в отделе Шлейхера. Ниже я расскажу об этом.

Примерно в 1926 году мой отец как-то заговорил со мной на эту тему.

— А ведь господин фон Сект, — сказал он, — играл весьма сомнительную роль в связи с гитлеровским путчем. Я знаю это от коллег по фракции моей партии (Баварской народной партии), которые участвовали в работе комиссии ландтага, расследовавшей обстоятельства гитлеровского путча.

— Я тоже терпеть не могу Секта, — возразил я отцу, — но и у вашей партии рыльце в пушку. Ваше правительство Книллинга и ваш Кар замалчивали действия нацистов в Мюнхене и даже содействовали им. Вам всем нравился лозунг «Бавария — ячейка порядка». Скорей всего, и ты знаешь не обо всех проделках ваших высокопоставленных деятелей.

В 1933 году в газетах появилось сообщение, что баварский министр юстиции Франк, будущий «генерал-губернатор» Польши, 15 сентября 1933 года при введении директора земельного суда Нейтхардта, в свое время председательствовавшего на процессе против Гитлера, в должность председателя Верховного земельного суда в Мюнхене сказал следующее:

«Вы были ему [Гитлеру. — В. М.] справедливым судьей. Вы проявили и отстояли человеческое достоинство, несмотря на попытки заставить вас отойти от объективности при исполнении своих обязанностей».

Чрезвычайное положение основывалось на статье 48 имперской конституции. Эта статья устанавливала, что на время чрезвычайного положения могут быть полностью или частично отменены основные гражданские свободы: неприкосновенность жилища каждого германского гражданина, тайна почтовой переписки, свобода слова, свобода собраний, свобода союзов и коалиций, право распоряжаться личной собственностью. Другие же меры, которыми разрешалось пользоваться «для восстановления общественной безопасности и порядка», в случае необходимости даже с помощью вооруженной силы, статьей 48 точно определены не были. Согласно статье 48, порядок ее применения должен был определяться специальным имперским законом. Однако ни до 1923 года, ни позднее такой закон не был издан.

Я хорошо помню также, что в конце ноября и особенно в декабре 1923 года в Министерство рейхсвера из правых кругов, от политических деятелей, представителей промышленности и бывших офицеров поступило большое количество писем, в которых содержалось требование, чтобы министр рейхсвера или генерал фон Сект использовали предоставленные им полномочия и осуществили изменение конституции, «чтобы раз и навсегда навести порядок» в Германии. Эти крути считали, что время и обстановка благоприятствуют тому, чтобы нанести удар кинжалом в спину демократической парламентской системе. Видные представители этого направления, как это вытекало из случайных высказываний Шлейхера, во многих случаях лично обращались по этому поводу к генералу фон Секту.

В период чрезвычайного положения сотрудники отдела T-I–III были весьма перегружены работой. Ошибочно думать, будто при этом непрерывно издавались приказы и распоряжения о порядке осуществления чрезвычайного положения. Во многих случаях командующие войсками действовали на свою ответственность. Они же отдавали приказы об аресте лиц, которые своим поведением могли бы вызвать нарушение безопасности и

порядка. Аресты проводились и без соответствующего юридического оформления. Насколько мне помнится, фон Сект лично распорядился произвести один арест: по его указанию был арестован сотрудник пацифистского журнала «Ди вельтбюне» Карл фон Оссецкий.

Огромный объем работы отдела T-I–III был обусловлен службой связи, отчетами и их обработкой, а также многочисленными жалобами, переговорами с центральными гражданскими учреждениями и тому подобными задачами. Что касается правительственных учреждений, то конфликты возникали с прусским министром внутренних дел Зеверингом, который неоднократно выдвигал обвинения против рейхсвера. Правда, тот или иной командующий войсками не раз давал повод для таких конфликтов. Вместо того чтобы дать указание соответствующим гражданским властям, командующие сами вмешивались в дела и тем самым усиливали возмущение рабочих. В ноябре-декабре 1923 года Зеверинг, учитывая царившее среди рабочих возмущение, предложил отменить чрезвычайное положение на территории Пруссии. Однако фон Сект решительно отверг это предложение.

В качестве носителя исполнительной власти Сект на основе наблюдений и донесений командующих войсками давал указания компетентным правительственным органам, а также делал им представления по экономическим и социальным проблемам. В период чрезвычайного положения соответствующие бумаги по указаниям Шлейхера подготавливались обычно капитаном Оттом.

Во время чрезвычайного положения была введена новая валюта. После отставки правительства Штреземана 23 ноября 1923 года рейхстаг принял внесенный правительством Маркса (Центр) закон о чрезвычайных полномочиях по введению твердой марки (Rentenmark).

В начале декабря я впервые подметил, что между Шлейхером и Сектом возникают разногласия. По поводу принятия закона о чрезвычайных полномочиях Шлейхер говорил: «Мы, солдаты, не имеем к этому вопросу никакого отношения. Другое дело, если будут нарушены общественная безопасность и порядок — тогда мы вмешаемся». Я понял, что Сект, по-видимому, придерживается на сей счет другого мнения.

Вскоре после Нового года Шлейхер заявил, что настало время подумать об отмене чрезвычайного военного положения. Он понимал, что экономические задачи отныне имеют первостепенное значение. По его мнению, вмешательство командующих военными округами в экономические вопросы могло бы только повредить репутации рейхсвера в служебном и

политическом отношении. Сект, наоборот, выступал за сохранение чрезвычайного положения.

То, что командованию рейхсвера пора было прекратить открытое вмешательство в политику, чтобы не дискредитировать себя, видно из одного характерного происшествия. В середине января 1924 года на съезде Вестфальского крестьянского союза в Мюнстере его председатель, помещик барон фон Керкеринк цур Борг, обрушился на имперское правительство. Командующий войсками VI военного округа генерал-лейтанант фон Лосберг поддержал эти нападки и даже пошел дальше, заявив:

— Я ведь и сам пытался, поскольку я знаю положение в сельском хозяйстве и разбираюсь в нем, использовать свою власть и обратить внимание Берлина на то, что с требованиями, которые взваливают на сельского хозяина, дело дальше не пойдет… Когда-нибудь придет время и мы рассчитаемся с теми, кто теперь притесняет нас. Я не пацифист. Если бы я был пацифистом, то меня надо было бы вздернуть на фонарный столб. Я человек простой и выступаю за то, чтобы дать отпор людям, которые нас притесняют, и нам нечего бояться, даже если начнется отчаянная драка. Если вы поняли, чего я добиваюсь, то самое лучшее, если вы поддержите мою просьбу и дадите мне молодежь для рейхсвера.

Случай этот вызвал много шуму. Мне неизвестно, чем все кончилось. Дело было улажено между Сектом и Лосбергом с глазу на глаз.

Во второй половине одного из первых февральских дней 1924 года Шлейхер возвратился от Секта после доклада, длившегося пять или шесть часов. Когда он вошел в мою комнату, я сообщил ему, что особа, у которой он жил на Маттеикирхштрассе, знакомая мне вдова коммерции советника Шульц-

Энгельгардта, звонила уже несколько раз и спрашивала, почему он не идет обедать. Однако мысли Шлейхера были заняты совершенно другим.

— Сегодня снова был спор с Сектом, — сказал он. — Хоть Хассе и поддерживал меня [он имел в виду начальника Войскового управления. — В. М.], Сект не хотел примириться с мыслью, что пришло время по собственной инициативе возвратить президенту исполнительную власть. В конце концов мне почти удалось уговорить его; будем надеяться, что он согласится с нами. Ведь он должен радоваться, что я уберег его от глупейшего намерения установить директорию.

— Мне о директории ничего не известно, по этому вопросу я читал лишь отдельные сообщения, — заметил я.

— Так пусть Маркс расскажет вам о директории, —

посоветовал Шлейхер.

Капитан Маркс был референтом по делам прессы в отделе T-I–III и являлся одним из старейших сотрудников Шлейхера. Они знали друг друга еще по службе в Верховном командовании.

В один из ближайших вечеров, когда Маркс вернулся от Шлейхера, которому докладывал о сообщениях прессы, он сухо сказал мне:

— Я должен объяснить вам кое-что.

Из многословного сообщения Маркса я изложу лишь самое главное.

— В наиболее интересное время вас еще не было в нашей лавке, — начал Маркс. — Но об этом периоде я готов рассказать вам несколько позже. А сейчас мы поговорим о наиболее актуальных вопросах — о Секте и директории. Не следует думать, что в этом доме все идет совершенно гладко, как это можно предположить, читая распоряжения и приказы или присутствуя на совещаниях. Хотя Шлейхер в хороших отношениях с Сектом и может говорить с ним совершенно откровенно, но ему не всегда удается добиться своего. Другие тоже влияют на Секта. Так, например, в начале 1923 года я узнал, что Сект уже с осени 1922 года поддерживает связи с мюнхенскими деятелями, главным образом с Каром. Когда французы в январе прошлого года вступили в Рейнскую область, нам было совершенно ясно, что, учитывая настроения рабочих, нельзя пойти на открытое военное сопротивление. Мы начали на оккупированной территории малую войну, например, взрывали мосты и разрушали другие сооружения. Вот почему французы расстреляли Шлагетера. Он принадлежал к фрейкору, которому мы поручили осуществление саботажа. Рейхсвер якобы стоял в стороне от этого дела. Право подымать шум намеренно было предоставлено национальным союзам, что они эффективно и делали не только в Мюнхене, но и у нас на Севере. Сект же собирался оказать сопротивление, если только французы продвинутся восточнее Рурской области. Свои расчеты он строил на том, что англичане не присоединились к акции против Рурской области и поэтому, вероятно, неодобрительно отнесутся и к новым военным выступлениям против Германии.

С этими планами Секта, — продолжал Маркс, — было связано и злополучное дело с «черным рейхсвером» на территории III, а также II военного округа, а в конечном счете, и путч Бухруккера. После роспуска верхнесилезской самообороны ее военнослужащие остались в пределах II и III военных округов и были устроены главным образом на сельскохозяйственных работах в помещичьих имениях или использовались в самом

рейхсвере в качестве рабочих команд по сбору большого количества еще находившегося на руках оружия, уходу за ним, хранению и сокрытию его от союзнического контроля. Эти фрейкоровцы были умышленно частью задержаны, а частью учтены поименно на тот случай, если бы французы вышли за пределы Рурской области и дело дошло бы до вооруженного столкновения. Командованию III военного округа, а затем и нам стало ясно, что «черный рейхсвер» все более угрожает политической жизни страны. Эта опасность еще больше возросла, когда летом выяснилось, что пассивное сопротивление в Руре обречено на провал. Таким образом, отпала и вероятность вооруженного столкновения с французами, а тем самым исчезла надобность в особых резервах для пополнения рейхсвера. Роспуск рабочих команд был назначен на конец августа — начало сентября. Путч Бухруккера был попыткой помешать роспуску. Нам надо было освободиться от этих людей, тем более что осенью внутриполитическое положение и без того сильно обострилось. Вот почему мы были очень заинтересованы в проведении процесса Бухруккера уже в первой половине октября 1923 года, чтобы как можно быстрее развязаться с «черным рейхсвером», который нас связывал.

Примерно с августа прошлого года, после отставки правительства Куно, у нас возникли серьезные опасения в связи с обострением внутренних противоречий. Чрезвычайное военное положение должно было предотвратить переворот и создать предпосылки, чтобы в какой-то степени наладить экономическую и государственную жизнь. Каким должно быть будущее Германии — этого никто не представлял себе толком. Уже в начале августа возник план заменить ответственное перед парламентом правительство директорией, которая независимо от рейхстага и его большинства решила бы самые важные и неотложные задачи. Практически это означало бы установление в Германии военной диктатуры.

Планы создания директории, — продолжал Маркс, — исходили главным образом от Гугенберга, Гласса, Стиннеса и других представителей тяжелой промышленности. Назывались и другие заинтересованные лица, например, бывший крупповский директор, а ныне германский посол в США Видтфельд, обер-бургомистр Любека Нейман и другие. Однако наибольший интерес к этому вопросу проявлял Сект. Любопытно, что мюнхенцы (Кар, Зейссер, Лоссов) преследовали те же цели, причем до сих пор не ясно, шли ли они в том же направлении, что и Сект, или, скорее, по пути сотрудничества с нацистами. Во всяком случае, сторонниками планов создания директории были

видные правые деятели и, как правило, представители промышленных кругов. При этом Стиннес старался угодить и нашим и вашим: его генеральный директор Мину не только финансировал боевые отряды Гитлера и Людендорфа и поддерживал отношения с Каром, но был связан и с берлинцами, с Сектом. Эти планы вовсе не были секретными. О них говорили совершенно открыто. Ведь предполагали, что такая директория будет назначена самим Президентом Германии, поскольку других возможностей создать ее не было. Из-за того, что в октябре 1923 года обстановка складывалась неблагоприятно и ни у кого не было большой охоты участвовать в такой директории, Сект в начале ноября 1923 года списал со счета Кара и предостерег его от авантюр. Быть может, это и послужило решающей причиной того, что Кар отказался принять участие в новом правительстве, когда оно было провозглашено нацистами.

В одном только, — говорил Маркс, — нет никакого сомнения: до начала ноября Сект не занял по отношению к мюнхенцам ясной позиции, хотя и резко осуждал то, что 7-я дивизия присягнула баварскому правительству. Очевидно, он хотел идти своим собственным путем. Но в любом случае он намеревался сохранить целостность рейхсвера. Своей всегда неясной и двусмысленной позицией Сект дезориентировал других. Нам просто повезло, что судебный процесс по поводу гитлеровского путча состоялся в Мюнхене и что не в интересах баварцев было открыто обсуждать все эти дела и взаимосвязи. Из сказанного видно, почему Секту так трудно сейчас согласиться с отменой чрезвычайного положения, поскольку его поддерживают некоторые старые генералы, в руках которых находится исполнительная власть.

Должен вам сказать еще кое-что о Стиннесе, — продолжал Маркс. — Шлейхер настроен против него. Во-первых, по причинам, которые относятся к военному периоду. В июле 1917 года тогдашний начальник Шлейхера Тренер, возглавлявший Управление военной промышленности, направил рейхсканцлеру памятную записку с очень важными данными о социальных последствиях экономической политики правительства и, главное, о непомерных военных прибылях промышленности.

Именно Стиннес пожаловался в связи с этим на Тренера Людендорфу и добился того, что Управление военной промышленности было распущено, Тренера назначили командиром дивизии, а Шлейхера — начальником оперативного отдела штаба пехотной дивизии. Это был принципиальный конфликт по вопросу о роли экономики в войне. Во-вторых, Шлейхер разозлился на Стиннеса за то, что тот самостоятельно

вел с французскими промышленниками переговоры по поводу репараций, причем имперское правительство не было должным образом информировано о содержании этих переговоров. Неумеренные требования Стиннеса дискредитируют Германию.

Рассказ Маркса подтвердил мое предположение, что между руководящими деятелями рейхсвера имеются разногласия по ряду вопросов и что особенно в отношениях между Сектом и Гесслером не все ладно. Они никогда не встречались друг с другом, хотя положение в стране было напряженным. Посредником между обоими служил Шлейхер. Я обратил внимание на тот факт, что между начальником Войскового управления генералом Хассе и Шлейхером были прекрасные отношения. Шлейхер подолгу бывал у Хассе и вместе с ним ходил к Секту, а Хассе, по крайней мере в этот период, в основном, разделял политические взгляды Шлейхера.

Самым важным в рассказе Маркса было сообщение о планах Секта по созданию директории и о его прежних связях с мюнхенцами. Начальник Главного управления сухопутных сил, следовательно, двурушничал и выжидал, какие возможности представятся для осуществления его плана заполучить руководящее влияние на политику Германии. Маркс говорил, что в начале ноября Сект «списал» баварского государственного комиссара фон Кара в Мюнхене. Этим Маркс дал понять, что до той поры Сект и Кар, который в Мюнхене поддерживал враждебные рейху и конституции течения, действовали заодно. Вот почему я считаю весьма важным документом письмо, которое Сект, по данным его биографа Рабенау, написал Кару 5 ноября 1923 года. Оно проливает свет на политику, которую Сект проводил, будучи начальником Главного управления сухопутных сил. В этом письме, между прочим, говорится:

«Положение рейха заставляет в этот час отбросить любое сомнение и осторожность. Поэтому я позволю себе обратиться к вам сегодня и ссылаюсь на разговор между нами, на который вы столь любезно согласились. У меня осталось убеждение, что по многим принципиальным вопросам мы едины, наши расхождения лишь касаются путей, по которым надо идти к цели, и темпов. Я позволю себе не останавливаться на этих вопросах, так как стремлюсь подчеркнуть общность наших взглядов и целей.

Когда я имел честь беседовать с вами последний раз, у власти находился кабинет Вирта, с которым ввиду его социал-демократического уклона вы считали нужным вести борьбу; я предвидел, что этот кабинет падет, и полагал, что надо просто выждать. После того как к власти пришел кабинет Куно без социал-демократов, я надеялся на достижение взаимопонимания

между рейхсвером и политикой кабинета. Относясь с большой симпатией к хорошо знакомому мне канцлеру, я влиял на его внутреннюю политику лишь в той мере, чтобы обеспечить себе его поддержку по всем вопросам, касавшимся вооруженных сил и вооружений. За это время в этой области сделано больше, чем я могу вам рассказать… Одобрял я или не одобрял политику имперского правительства — такой вопрос не возникал, так как я не считал себя вправе открыто высказывать свое мнение. Несмотря на это, я не забываю, что я и рейхсвер должны выглядеть как сильнейшая опора правительства, с политикой которого я по важным вопросам внутренне не согласен…

Веймарская конституция не является для меня nolime längere, я не участвовал в ее создании, и ее основные положения противоречат моему политическому мышлению. Поэтому я с пониманием отношусь к тому, что вы объявляете ей войну, как это стало ясно во время нашей последней беседы. Я полагал, что развитие событий приблизит изменение конституции, и надеялся помочь осуществлению этой цели, но таким путем, который лишь в случае необходимости ведет через гражданскую войну…

Выносить приговор избранной вами политике — это не моя задача и не мое намерение… Я считаю кабинет Штреземана даже после его реорганизации нежизнеспособным. Это я высказал самому канцлеру и президенту, заявив им, что не могу долго ручаться за поведение рейхсвера при правительстве, к которому он не питает доверия. Более того, если в имперском правительстве не будет изменений, я с уверенностью предвижу гражданскую войну. Чем она кончится — неизвестно; во всяком случае, если ее не будут вести сплоченным единым фронтом все патриотически настроенные немцы, ее исход будет для нас гибельным».

Письмо это доказывает, что Сект влиял на внутреннюю политику и что он как начальник рейхсвера отвергал веймарскую конституцию, основу республики, защищать которую был призван рейхсвер. Если Маркс говорил, что Сект в начале ноября «списал» Кара, то это, следовательно, означает, что Сект отошел от мюнхенской группы, чтобы самостоятельно добиваться создания директории. Из важных показаний, данных на процессе против Гитлера, ясно, что мюнхенские заговорщики, как Кар, так и нацисты, преследовали одинаковые цели. Так, например, в обосновании судебного приговора по делу о гитлеровском путче от 1 апреля 1924 года говорится:

«Своей главной задачей Кар [как и фашистский Немецкий союз борьбы. — В. М.] считал борьбу против марксизма и создание надпартийной директории, ориентированной вправо и

свободной от давления и изменчивых влияний парламента».

Гитлер на процессе подчеркивал общность целей Кара, Лоссова и Зейссера. А Сект заявил о беседе с Гитлером: «Наши цели были едины, только шли мы к ним разными путями». Разница же состояла в том, что мюнхенцы хотели прийти к власти с помощью насилия, посредством «марша на Берлин», на манер марша Муссолини и итальянских фашистов на Рим, тогда как Сект хотел добиться того же легальным путем, то есть через посредство президента. Когда возникла такая возможность, Сект не использовал ее, так как считал, что время для диктатуры еще не пришло, и он действовал так главным образом потому, что учитывал противодействие диктатуре со стороны рабочих и других слоев населения.

«От солдат я требую повиновения!» — за этот принцип Секта хвалили, им восхищались, а сам принцип истолковывали как свидетельство того, что рейхсвер стоит вне политики. Однако этим словам давали и другое толкование: солдаты и офицеры должны выполнять только приказы своих начальников и воздерживаться от собственных мнений и решений. Среди офицеров постепенно возник своего рода миф о подлинных и мнимых высказываниях Секта. Когда 13 марта 1920 года ожидалось вступление морской бригады Эрхардта в Берлин и Эберт спросил, как относится к этому рейхсвер, Сект якобы ответил: «Рейхсвер не стреляет в рейхсвер». Месяц спустя Сект был назначен начальником Главного управления сухопутных сил. В другой раз Сект на вопрос, надежен ли рейхсвер, ответил: «Надежен ли он, я не знаю, но мне он подчиняется». В связи с обсуждением опасности путча в Баварии в 1922 году Сект якобы заявил на заседании кабинета: «Господа, в Германии никто не может организовать путч, кроме меня. Я же заявляю, что не собираюсь устраивать его». Наконец, на заседании правительства 26 ноября 1923 года, непосредственно перед введением чрезвычайного положения, Сект на вопрос, кому подчиняется рейхсвер, якобы ответил Эберту: «Рейхсвер подчиняется мне».

О подобного рода высказываниях Секта я с ноября 1923 года слышал немало разговоров в Министерстве рейхсвера. Но никогда на эту тему не говорили Шлейхер или сотрудники его отдела. Все, кто распространял заявление Секта, в большей или меньшей степени выражали удовлетворение тем, что в них содержатся оговорки в отношении республики, правительства, а также президента Эберта. Собственно говоря, безразлично, действительно ли каждое высказывание Секта по содержанию и по обстановке, в какой оно было сделано, отвечает истине. Имеет значение другое: Сект, как особенно хорошо видно на примере

событий 1923 года, поддерживал связи с антиреспубликанскими кругами и преследовал цели, направленные против республики. В рейхсвере, например, в Мюнхене, он с 1921 года терпел такие порядки, которые если не вызвали, то по крайней мере обострили политический кризис осенью 1923 года. Притворяясь, что он симпатизирует баварским националистам, Сект поддерживал в рейхсвере, особенно в его баварских частях, известные надежды. Если Гесслер в 1923 году считал, что рейхсвер слишком слаб, чтобы предупредить выступление мюнхенских путчистов, то можно констатировать, что у Секта не было никакого повода для вмешательства рейхсвера, так как он собирался использовать путчистов для своих целей. Восторженные поклонники и сторонники Секта внутри и вне рейхсвера называли его сфинксом, выражая этим ему признание и одобряя его непроницаемость. Они выражали надежду, что, когда настанет час, республике будет нанесен удар. Свое желание изменить государственный строй эти круги связывали с новыми надеждами на создание предпосылок для осуществления более жесткой внешней политики. Они мечтали о реванше за проигранную войну и Версальский договор.

В середине февраля 1924 года Сект, учитывая недовольство широких слоев населения, перестал сопротивляться отмене чрезвычайных полномочий, возложенных на него 8 ноября 1923 года. В соответствии со статьей 48 имперской конституции он ходатайствовал перед президентом Эбертом об их отмене. Чрезвычайные полномочия были отменены 1 марта 1924 года. В Баварии же чрезвычайное положение сохранялось до февраля 1925 года.

Среди офицеров Министерства рейхсвера высказывались разные мнения о событиях 1923 года, особенно о чрезвычайном военном положении. Одни были довольны ходом событий, в частности, тем, что рейхсвер играл в них значительную роль. Другие критиковали Секта и упрекали его за то, что в 1923 году он упустил шанс захватить всю власть, что позволило бы ему осуществить «национальную» политику дальнего прицела, и называли Секта «стареющим монархом».

В то же время офицеры основательно ругали Шлейхера, который своей склонностью к сотрудничеству с социал-демократами и главным образом благодаря хорошим отношениям с президентом Эбертом удерживал Секта от решительных действий. Поддерживал ли Шлейхер вначале планы Секта по созданию директории, мне неизвестно. Шлейхера упрекали также в оторванности от войск и в отсутствии понимания того, что войска требуют «национальной» политики. В действительности

же Шлейхер был не более оторван от войск, чем большинство других офицеров, служивших во время войны в штабе Главного командования сухопутных сил и в других высших штабах, а после войны — в Министерстве рейхсвера.

Нормальные времена на Бендлерштрассе

В качестве офицера канцелярии я имел возможность целыми месяцами внимательно следить за событиями. Об этих событиях я мог судить главным образом по штабной переписке. Я регулярно читал также газеты различных направлений. Капитан Маркс, доложив содержание газет Шлейхеру, клал их затем мне на стол, причем наиболее интересные места уже были подчеркнуты. Я был также информирован и о текущих делах отдела, то есть был в курсе всех вопросов чрезвычайного положения.

Как-то в марте 1924 года Шлейхер спросил у меня:

— Ну, что вы скажете по поводу ситуации в министерстве? Мне кажется, что вы уже хорошо вошли в курс дела.

Я ответил, что нужную ориентировку я получил от капитана Маркса. Благодаря ему я понял многое из того, что сперва было скрыто от меня бумажным потоком. Мое общее впечатление таково, что и здесь, в министерстве, как всюду, не боги горшки обжигают и не все то золото, что блестит.

Шлейхер ответил, смеясь:

— В этом вы правы. Знаете ли, мне уже претит слово «национальный». С помощью этого словечка многие пытаются извинить и оправдать всякую чушь. У большинства из тех, кто так поступает, нет за душой ничего, кроме претензий и требований. Они не видят или не хотят видеть реальную обстановку. Надо исходить из наших возможностей. Главное — чтобы мы в Германии были спаяны между собой,

Шлейхер почти ежедневно докладывал своему прямому начальнику, руководителю Войскового управления генерал-лейтенанту Хассе. У Секта же он бывал редко. Отчасти это объяснялось тем, что Сект начал уделять больше внимания и другим отделам и управлениям Главного управления сухопутных сил, особенно войскам. К Шлейхеру, как можно судить по его высказываниям, он относился, когда дело касалось политических вопросов, весьма сдержанно. Однако начальник Главного управления сухопутных сил частенько принимал посетителей, особенно национально мыслящих политических деятелей. Поскольку Сект, как и прежде, избегал обмена мнений с Гесслером, в задачу Шлейхера входило информировать министра по политическим вопросам руководства войсками. Я хорошо помню, что Шлейхер, собирая материалы для доклада, неизменно обращал особое внимание на то, чтобы не доложить министру

того, о чем он еще не информировал начальника Главного управления сухопутных сил. В то же время он нередко информировал Секта о политических решениях и мнениях министра.

По установившемуся в Главном управлении сухопутных сил обычаю каждую пятницу в 10 часов проводилось так называемое совещание Войскового управления под руководством его начальника генерал-лейтенанта Хассе. Кроме Шлейхера, там присутствовали начальники подразделений Войскового управления и начальники управлений Главного управления сухопутных сил. Из отдела Шлейхера почти всегда присутствовало несколько сотрудников. Не раз Шлейхер брал и меня с собой. Целью этих совещаний была ориентация руководящих офицеров Главного управления в политических вопросах.

На совещаниях обычно выступал Шлейхер с сообщением о внутриполитическом положении Германии. Начальник отдела иностранных армий полковник фон Беттихер докладывал о военно-политическом положении других стран. Представитель Комиссии по выполнению условий мирного договора, как правило, полковник Михаэлис, сообщал о деятельности Межсоюзнической военной контрольной комиссии (ИМКК), содержание которой, кстати говоря, обходилось очень дорого. Со времени моей работы в отделе T-I–III у меня сохранилась копия перечня расходов на ИМКК которые лишь за один декабрь 1923 года составили 1,215 миллиона золотых марок и были оплачены Германией.

В конце февраля — начале марта 1924 года в связи с отменой чрезвычайного военного положения Шлейхер провел инструктаж, который заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробно. На расширенном совещании Войскового управления он хотя и высказывал свои взгляды откровенно, но все же не в столь критической форме, как перед своими ближайшими сотрудниками. Главной его мыслью была следующая: нам надо избавиться от грязи политической линии. При этом он имел в виду роль рейхсвера в период чрезвычайного военного положения и некоторые неполадки, проявившиеся главным образом в 1922–1923 годах. Рейхсвер, указывал Шлейхер, должен спокойно заняться боевой подготовкой и вопросами обороны страны. Задачей рейхсвера является также распространение идеи обороны государства — это значит, что нужно склонить широкие слои народа к идее укрепления военной мощи Германии. Только полностью отойдя от политики, рейхсвер может завоевать доверие широких кругов населения.

Затем Шлейхер обратился к некоторым вопросам особого характера. Приказом министра военнослужащим рейхсвера было запрещено участие в мероприятиях политических и военных союзов. Несмотря на это, как само Министерство рейхсвера, так и военные округа и войсковые части тайно, а иногда и открыто нарушали этот приказ. Приказами было также определено, что сверхкомплектное оружие должно собираться и сдаваться ближайшим воинским частям и инстанциям рейхсвера. В действительности же военные инстанции знали о существовании нелегальных складов оружия, принадлежавших правым организациям, и мирились с такой ситуацией.

Военные занятия с оружием были давно запрещены военным союзам. Однако зачастую военные инстанции не только терпимо относились к таким занятиям, но даже поощряли их.

Шлейхер заявил, что союзы, пользующиеся финансовой субсидией промышленности, банков и помещиков, должны отказаться от этих субсидий. Раз союзы свободно распоряжаются деньгами, то они начинают вольничать. Поэтому необходимо, чтобы пожертвования передавались в наше распоряжение. Тогда мы будем распределять их в зависимости от того, как союзы относятся к нашим требованиям. Им нет смысла заниматься игрой в солдатики. Только рейхсвер должен располагать оружием, чтобы оно было сосредоточено в одних руках и в случае необходимости могло быть правильно применено. Если военные союзы будут по-настоящему распространять идею обороны государства, поддерживать воинский дух и заниматься физической подготовкой, то им дела хватит.

Шлейхер сообщил о следующем распоряжении министра:

1. Впредь всякая подготовка срочнослужащих добровольцев запрещена. (В качестве срочнослужащих добровольцев в 1923 году вопреки статьям Версальского договора военную подготовку проходила молодежь, главным образом члены военных союзов и студенты; добровольцы предназначались для пополнения частей рейхсвера в случае активных действий. По поводу этого нелегального мероприятия Сект говаривал: «Приходится обманывать, вести двойную бухгалтерию».)

2. Сотрудничество с военными союзами с целью военной подготовки запрещается. Игра в солдатики — не дело военных союзов, они должны заниматься поддержанием воинского духа и физической подготовкой.

3. Вблизи демилитаризованной зоны на Западе и в самой зоне военные приготовления всякого рода запрещаются. Если мы хотим избавиться от ИМКК, то нужно сделать так, чтобы ей не к чему было придраться.

Нельзя, однако, забывать, добавил Шлейхер, что, в конце концов, и процессы по делам о государственной измене для ИМКК являются доказательством того, что у нас осуществляются нелегальные мероприятия. Нынешние определения уголовного кодекса позволяют привлекать к ответственности за нелегальную деятельность только в том случае, если публикации о ней основаны на доказанных фактах. Если же они базируются на слухах, в основе которых могут лежать даже намеренно искаженные факты, то уголовное преследование исключается.

Шлейхер сказал, что, к сожалению, многие мероприятия традиционных военных союзов, особенно речи, которые произносятся на собраниях, дают обоснованный повод для жалоб. Если мы хотим поддерживать традиции старой армии — а мы хотим и должны делать это, сказал он, — то соответствующим военным инстанциям необходимо откровенно поговорить с устроителями, председателями традиционных союзов. В современных условиях монархические демонстрации совершенно бессмысленны и только вредят нам.

Будем надеяться, что в ближайшее время обстановка нормализуется до такой степени, что в будущем чрезвычайное военное положение больше не понадобится. Штыками, может быть, и можно иной раз преодолеть политический кризис, но управлять при помощи штыков нельзя. Это важнейший урок из последнего чрезвычайного положения, которое уже давно пора бы отменить. Если войска используются для внутренних нужд, чтобы предотвратить попытки переворота или гражданскую войну, то они должны действовать быстро, внезапно и иметь четко очерченные задачи. В соответствующих округах все руководство должно быть сосредоточено в руках компетентного командующего войсками, ему должны быть подчинены как полиция, так и «Техническая помощь». Длительное использование войск для внутренних нужд, равно как и вмешательство войск в вопросы управления, только подтачивает силы, и этого следует избегать.

Затем Шлейхер перешел к уже известным мне трем программным пунктам, которых он придерживался с конца 1918 года и до конца своей политической карьеры. События 1923 года, говорил Шлейхер, снова доказали, что необходимо и впредь всеми силами укреплять государственный авторитет, авторитет рейха по отношению к землям. Домогательства земельных правительств расширить полномочия, как показал опыт 1923 года в Саксонии, Тюрингии, а также в Баварии, следует категорически отклонять. Крайне необходимо усилить влияние рейха на судебно-правовые вопросы, а также в области культуры, в

частности, в школьном деле, где земли все еще пользуются широкими правами. Не следует, однако, спешить. Надо выяснить, насколько успешным может быть стремление реформировать государственный строй с целью укрепления авторитета рейха. Впрочем, дальнейшему упрочению рейха будет значительно содействовать укрепление рейхсвера. Рейхсвер одним только своим существованием содействует этой цели.

Неизменное требование начальника Главного управления сухопутных сил о том, что солдат должен повиноваться, действительно и на будущее, продолжал Шлейхер. Но нам придется еще больше заботиться о том, чтобы войска понимали также смысл наших приказов и распоряжений. Ответственным за это должен быть командир части.

Самой срочной задачей является оздоровление экономики. Однако рейхсвер не имеет к этому прямого отношения, если только он при выполнении своих задач не оказывается связанным с экономикой. Что касается предпринимателей, то для них дело заключается прежде всего в наращивании капитала, особенно при помощи рационализации. Это поможет модернизировать промышленность и выпускать больше экспортной продукции. А это необходимо для покрытия импорта, для уплаты репараций, а также для обеспечения потребностей рейхсвера.

Если со стороны предпринимателей замечается стремление посягнуть на восьмичасовой рабочий день, социальное обеспечение, выплаты по болезни и пособия безработным, то следует сказать, что мы не можем позволить, чтобы были столь натянутые социальные отношения, какие существовали раньше. От этого, в основном, зависит спокойствие внутри страны и тем самым укрепление государственного авторитета.

Что касается внешней политики, то речь идет об освобождении Германии от оков Версальского договора. Это требует большого терпения, сказал Шлейхер. С одной стороны, должны быть созданы сносные отношения с нашими партнерами по договору, а с другой — во всем, что касается соглашений с западными державами, следует считаться с резкими столкновениями между правыми и левыми. Не так уж сложно шуметь по поводу Версаля, как это делают правые, заявляющие, что они не признают Версальского договора и что Германия не может платить репарации. Необходимо прежде всего, чтобы диктат и санкции прекратились и чтобы переговоры велись на основе равенства. Задача заключается в постепенном восстановлении суверенитета на всей территории рейха. Сперва надо добиться оставления французами Рурской области. А потом надо постепенно установить сроки очищения трех

оккупированных зон левобережья Рейна.

Ближайшая военная цель состоит в том, чтобы как можно скорее добиться роспуска ИМКК. В остальном же следует выждать, как будут идти дела в области разоружения, осуществить которое обязались западные державы. Впрочем, не следует тешить себя иллюзиями в этом отношении.

Касаясь комплекса вопросов, связанных с Версальским договором, Шлейхер заметил: это иллюзия, что правые, особенно члены Немецкой национальной партии, надеются добиться отмены важнейших статей договора, требуют отмены договорной статьи, возлагающей всю вину за развязывание войны на Германию. На это союзники не пойдут. Для Германии было бы важнее добиться облегчения некоторых экономических условий договора, например, репарационных.

В заключение Шлейхер дал характеристику отдельным партиям и пояснил их отношение к рейхсверу. Шлейхер отнес к политически действенным силам также профсоюзы и военные союзы.

Если подходить поверхностно и формально, то, конечно, можно видеть в них одних действенные политические силы, как это имеет место у Шлейхера. Такая точка зрения не способствует правильному пониманию эволюции Веймарской республики, закончившейся ее гибелью. Важнейшими политическими силами, остававшимися, однако, чаще всего в тени, были Имперский союз германской промышленности, Объединение немецких работодателей, Имперский земельный союз и близкие к ним организации, равно как и крупные банковские союзы, то есть группы, которые в силу их экономического положения и мощи были весьма влиятельными, хотя между ними и внутри групп также было немало противоречий. Эти экономические союзы имели в большинстве партий своих представителей, являвшихся к тому же депутатами рейхстага. Если рассматривать вопрос широко, то они были агентами тех же кругов, которые в войне 1914–1918 годов стояли за проводившейся Верховным командованием политикой аннексий.

Углубившиеся во время войны социальные противоречия давали себя знать в период Веймарской республики все ощутимее. 1923 год особенно ясно показал, что немецкий народ разделился на две непримиримые группы. На одной стороне политической арены находились рабочие и вместе с ними левобуржуазные силы Германии, которые хотя и находились под влиянием фактора поражения, но все же благодаря укрепившейся демократии стремились к мирному сотрудничеству со всеми народами; правые называли их «ноябрьскими преступниками». На

другой стороне арены находились силы промышленности, банковского капитала и крупнопомещичьего сельского хозяйства, снова получившие возможность в решающей степени влиять на государство. Эти силы материально поддерживали нацистов и военные союзы. Они создали свои ударные отряды и претендовали на то, что только они представляют национальные интересы Германии. Подчас совершенно открыто, а иногда скрытно, окольными путями они взяли курс на реванш, на то, чтобы попытаться осуществить свои захватнические планы военными средствами. Снова на повестку дня был поставлен вопрос о войне и мире, хотя Германия в военном отношении была обессилена. Реакционные круги вели борьбу не на жизнь, а на смерть против немецких рабочих масс и всех миролюбивых немцев, которые мешали осуществлению их цели. Силы реакции и прогресса боролись друг с другом из-за того, в каком направлении повести за собой немецкий народ.

Когда я был обер-лейтенантом и офицером канцелярии у Шлейхера, он иной раз высказывал свои взгляды на политические проблемы. Планы и намерения Шлейхера казались мне правильными. Шлейхер считал себя реальным политиком. Несомненно, что он и был таковым в значительно большей степени, чем все другие руководители рейхсвера. Шлейхер был, конечно, умнее и искуснее многих из них и старался действовать более осторожно, с учетом экономического, внутреннего и международного положения Германии. Позднее я понял, что и он неправильно оценивал положение, и прежде всего потому, что он либо игнорировал непримиримое противоречие между обеими группами сил немецкого народа, либо считал возможным преодолеть его своей приспособленческой политикой.

После отмены чрезвычайного положения на первый план в рейхсвере встал вопрос боевой подготовки.

Весной 1925 года я вместе со многими другими офицерами рейхсвера участвовал в качестве посредника на учении на тему «Усиленный пехотный батальон в наступлении». Руководил учением инспектор пехоты генерал Эдельбюттель. В ожидании разбора операции офицеры рассказали следующий анекдот, будто бы основанный на действительном факте. В одном из гарнизонов пехотный батальон возвращался с учения в казармы. В хвосте батальона следовало два макета противотанковых пушек, сделанные из дерева. Батальон проследовал мимо сумасшедшего дома, у забора которого стояли больные. Когда пушки проезжали мимо сумасшедших, один из них громко спросил:

— Что это у вас там привешено к лошадям?

— Деревянные пушки! — ответил солдат.

В ответ больной закричал:

— Так выпустите меня из сумасшедшего дома, а сами займите мое место!

Анекдот имел под собой серьезную подоплеку: военные ограничения Версальского договора запрещали Германии иметь современное оружие. Отсюда возникал важный для командования и войск вопрос: в состоянии ли немецкие вооруженные силы при этих условиях защищать границы рейха? Естественно, что возникал и контрвопрос: а кто же угрожает границам Германии? Не служат ли домогательства официальной германской политики или националистических кругов тому, что на границах может возникнуть опасное положение? Пивной целью политики рейхсвера было освобождение от оков Версальского договора. Именно с этой точки зрения ежедневные настойчивые и плановые занятия рейхсвера по боевой подготовке были связаны с крупными и решающими политическими вопросами.

Несомненно, что Сект многое сделал, чтобы, несмотря на все ограничения, повысить боевую выучку и боеспособность рейхсвера. Боевая подготовка проводилась систематически и была гибкой с точки зрения постановки задач и методики занятий. Это было тем более необходимо, что служившие двенадцать лет унтер-офицеры и солдаты не могли изо дня в день и из года в год заниматься одним и тем же, как это неизбежно бывает в армии с коротким сроком службы. Сект принял принципиальное решение, что рейхсвер будет являться армией командиров. Это означало, что каждый военнослужащий рейхсвера на случай развертывания армии или же на случай войны был готов занять следующую командную должность.

Несмотря на ограничения Версальского договора, Главное командование сухопутных войск стремилось так обучить рейхсвер, чтобы он с помощью всевозможных вспомогательных средств получил навыки ведения современного боя. Для этого еще в 1921–1923 годах была создана хорошая основа.

Обучение командных кадров систематически улучшалось. Подготовку высшего офицерского состава Сект взял в свои руки. Офицеры Генерального штаба повышали свою квалификацию посредством решения тактических задач, выездов в поле и т. п. Значительно улучшилась подготовка «помощников командиров», то есть нового поколения офицеров Генерального штаба. Совершенствовалась также подготовка различных родов войск, которая шла рука об руку с разработкой вопросов тактики. В тесном контакте с подчиненным отставному генералу фон Хефтену Военным отделом Государственного архива в Потсдаме изучался опыт войны. Сект считал, что очень важно, чтобы

строевые офицеры и офицеры Генерального штаба преодолели психологическую настроенность в пользу позиционной войны.

Управление вооружений сухопутных сил в контакте с соответствующими органами промышленности взялось за изучение опыта войны в области вооружения, с тем чтобы обобщить его и сделать практические выводы на будущее.

Были разработаны и изданы новые уставы по всем вопросам. При этом большое значение имело составление нового дисциплинарного устава, что входило в компетенцию министра, поскольку этот устав был действителен для всего рейхсвера, включая военно-морские силы. По новому уставу были упразднены жесткие определения старой армии, использование дисциплинарных прав рассматривалось главным образом с точки зрения воспитания, соответствующим начальникам предоставлялось самим решать, какие дисциплинарные меры следует применять в том или ином случае. Разумеется, издание устава было лишь поддела. Надо было обеспечить его повсеместное применение, научиться руководить людьми и воспитывать их.

В качестве курьезного примера использования опыта Первой мировой войны можно указать на следующий факт: в 1925 году Сект принял совершенно не отвечавшее практике решение сохранить пики в восемнадцати кавалерийских полках рейхсвера, состоявших из трех дивизионов каждый. В 1914–1918 годах немецкие кавалерийские соединения на Западе не оправдали ожиданий, что, впрочем, частично объясняется их неправильным использованием. В то время как пехота истекала кровью, кавалерию сначала щадили, а затем стали использовать в спешенном строю в качестве так называемых стрелково-кавалерийских дивизионов. В статье «Современная кавалерия» Сект писал, что на Востоке кавалерия, где это позволяли условия борьбы и местности, использовалась эффективно.

Я лично относился к кавалерии крайне отрицательно.

В мирное время она пользовалась большими привилегиями, а во время войны, что признавалось и самими кавалеристами, принесла очень мало пользы. Именно отрицательное отношение к кавалерии заставило меня проштудировать труд государственного архива «Мировая война 1914–1918», в котором — правда, очень деликатно — указывалось, что на войне кавалерия не справилась со своими задачами.

Несмотря на мое предубеждение против кавалерии, сам я охотно ездил верхом, если только с точки зрения кавалеристов можно назвать верховой ездой передвижение пехотинца с помощью лошади. Так, например, 9 октября 1920 года в Ульме

состоялись соревнования кавалеристов по пересеченной местности на двадцать пять километров, в которых участвовали примерно тридцать человек, в основном, из конных родов войск. На своей гнедой кобыле я взял в этих соревнованиях четвертый приз. Правда, это случилось только потому, что на крутых склонах, при пересечении Дуная и взятии других естественных препятствий я не мешал своей лошади. В Берлине я ежедневно совершал верховые прогулки в Тиргартене.

Большое значение в те годы придавалось набору молодых добровольцев для сухопутных войск. Добровольцы эти должны были дать обязательство прослужить в армии двенадцать лет. Как только в стране улучшилось экономическое положение, приток добровольцев упал настолько, что во многих войсковых частях был недокомплект.

Успех вербовки добровольцев во многом зависел от обеспечения солдат после их увольнения из армии. Поэтому в гарнизонах была организована система «гражданской подготовки», созданы специальные военные профессиональные школы. Для этой цели расходовали значительные средства и привлекалось много преподавателей. В частности, были созданы такие специальные школы, как управления и экономики, торговли и ремесла, сельского хозяйства. Унтер-офицеры в этих школах получали по своему выбору ту или иную гражданскую профессию. Однако проблема устройства солдат, увольнявшихся в запас, решалась не так-то просто. Трудности возникали в связи со спадами в промышленности. В гражданских учреждениях не всегда были вакансии для чиновников средней руки

Когда унтер-офицеры и солдаты в последние годы службы начали посещать занятия по «гражданской подготовке», это вызвало большие ограничения и трудности в повседневной военной службе. Однако с этим приходилось мириться. Уровень общей подготовки добровольцев для рейхсвера да и настроение солдат и унтер-офицеров, прослуживших двенадцать лет, в определенной степени были обусловлены перспективой получить гражданскую профессию после армии. Прошло немало времени, пока все воинские начальники правильно оценили эту проблему.

Сотрудники политического отдела T-I–III не стояли в стороне и от военных вопросов. Они участвовали в оперативно-тактических занятиях, а также в полевых учениях. Как и все офицеры других отделов министерства, они проходили ежегодно стажировку в войсках. На войсковых учениях или дивизионных маневрах они играли роль наблюдателей или посредников. Те, кто долго служил у Шлейхера, например, фон Бредов, Отт и Маркс, за это время отслужили в войсках в общей сложности по

крайней мере по одному году. В 1923–1926 годах я участвовал в качестве наблюдателя в маневрах 3-й дивизии в районе Штраусберга, а также в различных учениях в учебном лагере Деберитц. В 1924 году на маневры 3-й дивизии в качестве зрителей были приглашены и штатские лица — несколько депутатов рейхстага, представители берлинских промышленных кругов, местные помещики.

Даже только военная деятельность стотысячного войска была чревата всякими конфликтами. Для рейхсвера же исключительное значение имела как его позиция по отношению к республике, характер его связей с невоенными кругами, так и отношение этих кругов к нему. Все это было решающим для дальнейшего развития рейхсвера, его положения в государстве и степени его влияния на политику рейха.

Поддержание «боевых традиций»

Поддержание боевых традиций кайзеровской армии всегда считалось особо важной задачей рейхсвера. Вскоре же после образования рейхсвера в 1921 году были изданы соответствующие основополагающие распоряжения по этому вопросу. Поддержание традиций определенных частей и подразделений кайзеровских сухопутных сил, принимавших участие в Первой мировой войне, было возложено на определенные роты и батальоны рейхсвера. Во многих казармах были оборудованы специальные «комнаты боевых традиций».

Некоторые традиционные союзы бывших войсковых частей образовались еще до 1921 года. По мере того как на поддержание традиций в германской армии обращалось все больше внимания, союзы все более разрастались. Председателями их являлись бывшие офицеры, нередко генералы из той или другой войсковой части старой армии, а иногда бывшие командиры частей. Первое время задачей традиционных союзов была работа среди бывших офицеров, резервистов, унтер-офицеров и солдат, совместно участвовавших в боях, установление связи между ними независимо от происхождения, мировоззрения и политических взглядов. Таким образом, союзы должны были содействовать преодолению внутриполитических противоречий в духе дальнейшего развития идеи обороны Германии. Вместе с тем они являлись наиболее активной частью так называемого национального движения. Согласно § 36 закона об организации вооруженных сил, традиционные союзы считались неполитическими союзами. Поэтому военнослужащие рейхсвера могли вступать в них. Традиционные союзы были объединены в германский имперский солдатский союз «Кифхойзер», который также считался неполитическим союзом, поскольку он наряду с поддержанием духа товарищества между бывшими солдатами и офицерами всех рангов занимался благотворительностью и вопросами обеспечения бывших военнослужащих. Сеть традиционных союзов была развернута по всей Германии. Их руководство, как правило, размещалось в тех гарнизонных городах, где были расположены воинские части рейхсвера, на которые было возложено поддержание традиций той или иной части старой армии. Однако они были в таких городах, где гарнизонов вообще не было. Широко разветвленные, в известной мере зависевшие от районов укомплектования бывших войсковых частей, союзы имели свои местные отделения, проводившие регулярно работу среди бывших военнослужащих. Уже с 1921

года, преимущественно в летнее время, союзы начали устраивать многолюдные встречи главным образом по поводу открытия памятников павшим, а также в связи с так называемыми военными поверками и другими торжественными днями.

Молодые германские вооруженные силы должны были воспитываться на боевых традициях прошлого, главным образом Первой мировой войны. Нет никакого сомнения, что традиции, связь с прошлым могут быть действенным стимулом и даже давать образцы для успешного решения современных задач. При этом главный вопрос состоит, конечно, в том, в каком направлении ведется поддержание традиций, кому оно служит.

Цель официальных кругов заключалась в том, чтобы способствовать распространению реваншистских настроений. Какое значение придавали поддержанию боевых традиций в рейхсвере, например, члены Немецкой национальной партии, видно из выступления депутата рейхстага Фрейтага-Лорингхофена в одном из берлинских предместий в годовщину основания Германского рейха 18 января 1927 года:

«Наши отцы оставили нам большее наследство. Теперь это наследство промотали. Мы должны приложить все силы, чтобы вернуть его. Это должно стать стремлением каждого немца. Тогда наступит день, когда весь народ подымется и обратится с призывом ко Всевышнему: "Господи, освободи нас!" И тогда мы вырвем кресты из могил наших павших и переделаем их на мечи…»

Сборов традиционного союза вюртембергских саперов в Ульме я лично не посещал. А бывший немецкий саперный отряд в Турции не имел своего союза, так как состоял из военнослужащих различных саперных батальонов. Проводились ли встречи бывших военнослужащих гвардейского резервного саперного полка, в котором я служил в 1918 году, я не знал. Но с отдельными офицерами, унтер-офицерами и солдатами этого полка я переписывался в течение многих лет.

Нередко мероприятия традиционных союзов, особенно открытие памятников павшим, сопровождались церковной службой. Большие торжества такого рода обычно устраивались так, что в субботу в месте расположения воинских частей рейхсвера — носителей традиций старой армии проводились массовые товарищеские встречи, большей частью с обильным возлиянием. В воскресенье же организовывались официальные празднества, заканчивавшиеся церемониальным маршем. Традиционные войсковые части рейхсвера высылали на праздник роту почетного караула. При этом выносились старые полковые знамена.

В связи с тем, что на таких празднествах допускались политические выпады, министр рейхсвера приказал, чтобы рота почетного караула высылалась лишь в том случае, если устроители праздника представят письменное обязательство, гарантирующее «неполитический ход событий», хотя все мероприятия подобного рода сами по себе носили исключительно политический характер. Позднее стали требовать также, чтобы торжественные речи предварительно представлялись для ознакомления. Это относилось, однако, только к речам, которые произносились на официальной церемонии. Во время «товарищеских встреч» речи произносились чаще всего без подготовки и, конечно, не могли подвергаться проверке, хотя эти речи и отличались шовинистическим и антиреспубликанским содержанием. Впрочем, командиры традиционных войсковых частей также обязаны были обеспечивать «неполитический ход событий». Однако большей частью они и не думали об этом, так как либо не имели достаточной смелости, чтобы в присутствии бывшего генерала или старшего начальника потребовать «неполитического хода событий», либо не принимали всерьез содержавшиеся в речах политические выпады, а то и сами тайно симпатизировали антиреспубликанским настроениям.

Крупный скандал произошел 11 октября 1925 года в Берлине в связи с освящением памятника павшим воинам бывшего гвардейского полка императрицы Августы, на цоколе которого была выбита надпись: «Из наших останков да воспрянет мститель!» Торжественную речь произнес бывший генерал Сикст фон Арним, во время войны командовавший армией на Западном фронте. Он заявил, что кайзер поручил ему освятить этот памятник.

— Мы вспоминаем его с благоговейной благодарностью и нерушимой верностью и мысленно с ним, как и он с нами.

Затем Сикст фон Арним приветствовал прибывших на торжество принца Оскара Прусского, представителей органов власти и рейхсвера, «относительно которого мы уверены, что он одухотворен теми же идеями, что и старая армия». Затем генерал воскликнул:

— Высший закон для всех нас — выполнение долга верности военным уставам и присяге, которую мы принесли его величеству!

Эта речь вызвала ожесточенные нападки левых берлинских газет. СДПГ внесла в рейхстаг запрос, на который Гесслер 3 марта 1926 года дал следующее заверение:

«На всякое участие в открытии памятника необходимо разрешение министра. Министр дает такое разрешение только в

том случае, если устроители письменно обязуются, что будет обеспечено достойное и неполитическое проведение торжества. Не в моих правилах прочитывать речь старого, заслуженного генерала до того, как он произнесет ее. События при открытии памятника августинцам побуждают меня, однако, теперь к тому, чтобы во всех случаях, когда у меня могут возникнуть сомнения, речи предварительно представлялись мне для прочтения. Лишь в этом случае я буду в состоянии нести за них политическую ответственность».

Я хорошо помню также, что Шлейхер в свойственной ему саркастической манере заметил по поводу речи Сикста фон Арнима:

— Эти старые генералы забывают, на каком свете они живут. Получился, конечно, дикий промах. Но, в общем-то, мы движемся вперед. — И, обратившись к капитану Риттеру фон Шпеку, он сказал: — Сикст фон Арним по крайней мере не угрожал объявить войну Франции, как это сделал несколько лет назад один из ваших баварских земляков.

Об ораторских подвигах моего баварского земляка, на которого намекал Шлейхер, я слышал еще в 1922 году на осенних маневрах в учебном лагере Графенвер от моего школьного товарища обер-лейтенанта Адльхоха. Речь шла о командире учебного батальона 21-го (баварского) пехотного полка в Эрлангене подполковнике Глассере. На полковом празднике в Эрлангене летом 1922 года он заявил, что уже через несколько дней французы будут выброшены из Пфальца и он надеется, что участники праздника снова будут праздновать его вместе с ним. После этого оркестр рейхсвера заиграл «Мы Францию победно разобьем…». Это было в 1922 году в Баварии!

Весьма многозначительным был тот факт, что никто из офицеров рейхсвера из министерства, из III военного округа и из традиционной войсковой части, присутствовавших на торжестве освящения памятника августинцам, не доложил о случившемся, чтобы по крайней мере хоть постфактум призвать оратора к порядку. Еще печальнее было то, что Сикст фон Арним в качестве странствующего оратора держал ту же речь тридцать или сорок раз на полковых праздниках и ни разу офицеры рейхсвера не воспрепятствовали ему.

Впрочем, это и не удивительно, если учесть, что служившие в рейхсвере офицеры Генерального штаба сами были замешаны в подобных делах. К традиционным союзам в числе других принадлежало Общество Шлиффена, представлявшее собой союз Генерального штаба кайзеровского периода. Председателем союза являлся бывший генерал-фельдмаршал фон Маккензен. В союз,

который обычно проводил свои ежегодные собрания в конце февраля, входили и офицеры Генерального штаба, служившие в рейхсвере. Много лет подряд на собраниях общества в присутствии офицеров рейхсвера председатель провозглашал тост в честь кайзера. Лишь в 1930 году это чествование кайзера привело к тому, что президент Гинденбург по соображениям престижа несколько раз отказался участвовать в собраниях общества, а министр рейхсвера Тренер заявил, что кадровые офицеры рейхсвера лишь в том случае будут участвовать в собраниях, если там не будут произносить здравицу в честь кайзера. Поэтому от здравицы отказались, хотя политические взгляды членов общества не изменились. По сути дела, формально отказались от вызывающей церемонии, но не изменили точки зрения на войну 1914–1918 годов.

В 1925 году проводились сотни и сотни традиционных сборищ. Нападки на республику стали реже, но, скорее всего — как это было в случае с памятником августинцам, — не все антиреспубликанские выступления становились известны. Министерство рейхсвера, наученное горьким опытом, позаботилось о том, чтобы предотвратить протесты левых партий и пацифистских кругов, и, учитывая политическую обстановку, готово было служить «доброму делу».

«Доброму делу» на свой манер хотели служить и руководящие группы традиционных союзов. Только зачастую они делали это менее искусно. Их ораторы подчас бывали слишком откровенны. В официальных речах, представленных в Министерство рейхсвера, они были сдержанны. Зато во время неофициальной части таких мероприятий, за кружкой пива или стаканом вина, они давали волю своим чувствам. Многие члены традиционных союзов, главным образом бывшие офицеры, принадлежали к правым партиям, а чаще всего — к военным союзам или, как показали мюнхенские события, в большинстве своем были заодно с нацистами.

Беседуя как-то в 1929 году со своими сотрудниками, Шлейхер обронил такую фразу:

— От этих постоянных нападок на традиционные союзы мы избавимся только тогда, когда последний генерал старой армии окажется в Валгалле.

Что большинству этих старых господ было трудно переучиваться, это, быть может, объяснимо, но что они, находясь в весьма тесных отношениях с рейхсвером, свободно пропагандировали свои личные взгляды — это уже принципиальный вопрос, тесно связанный с будущим развитием Германии.

В каждой траурной речи в той или иной форме была заключена мысль: «Герои войны пали не напрасно». Слова красивые. Однако вопрос заключался в том, какие выводы будут сделаны из этих слов. Те выводы, какие, например, сделал из них генерал Сикст фон Арним, были для Германии роковыми. Ведь клятва верности бывшему Верховному главе государства, признание прежних военных уставов и присяги — все это было не чем иным, как призывом не соглашаться с поражением 1918 года. И то, что ораторы на сборах традиционных союзов, на открытии памятников и т. д. говорили на старый лад, это, конечно, становилось известно всей стране, ибо каждый город и почти любая деревня старались соорудить памятник своим павшим воинам. Сохранять память о павших на войне и чтить их — это может быть благородным делом. Вопрос заключается в том, какой смысл будет придан этому, какие речи будут при этом произноситься.

Однажды я видел в маленькой деревенской церкви почти примитивный, но весьма впечатляющий памятник павшим, высеченный из камня. Он представлял собой склонившегося в скорби солдата, а выведенная внизу надпись гласила: «Напрасны жертвы, напрасна смерть. О Господи, помоги нам выйти из рабства и нужды!» Эта фраза может быть воспринята либо как выражение миролюбивого желания ликвидировать последствия войны, либо как молитвенное обращение к Богу с просьбой помочь одержать победу в будущей войне.

Почти не было случаев, чтобы на сборах были сделаны выводы о необходимости всеми силами бороться против новой войны. Правда, именитые художники создавали антивоенные картины и скульптуры. Однако их произведения во многих случаях отклонялись как пораженческие, пацифистские, а иногда даже как «большевистская культура». Вспоминается церемония освящения памятников в соборах Гюстрова и Магдебурга в 1929 году. Памятники эти были созданы Эрнстом Барлахом. Первый из них представлял собой выполненную в бронзе мощную парящую фигуру со скрещенными на груди руками и угасшим взором. Это символическое произведение было задумано как предостережение будущим поколениям. Вырезанный из дерева памятник в Магдебурге почти натуралистически изображал страшную военную действительность. Он представлял собой группу из трех неподвижно застывших солдат с подавленным выражением на лицах, как будто они спрашивают о смысле войны и в то же время воспринимают ее ужасы как неотвратимую судьбу. Внизу у их ног — три фигуры, в середине — смерть с каской на черепе, по одну сторону от нее — старик с противогазом на груди, в ужасе

закрывший глаза и обхвативший голову руками, по другую — женщина с прикрытым лицом и сжатыми на груди кулаками. В то время эти памятники вызвали ожесточенные споры. Даже те, кто признавал высокие художественные качества этих памятников, считали, что они ослабляют волю к защите отечества и являются пораженческими. В нацистские времена памятники были уничтожены, а Барлаха объявили представителем «выродившегося искусства».

В соответствии с боевыми традициями никто не задумывался о павших солдатах, воевавших против Германии. Да это и противоречило традициям прусско-германской армии. Клич «Герои войны пали не напрасно» имел своим назначением перечеркнуть результаты войны 1914–1918 годов и подготовить реванш.

Воспитание традиций в военно-морском флоте в соответствии с его спецификой было организовано иначе, чем в сухопутных войсках. Здесь их главными носителями были флотские союзы. Офицеры объединились в Скагерракское общество. Подробности деятельности этого общества мне не известны. «Сенсацией» года неизменно являлся так называемый Скагерракский бал — самый большой зимний бал в Берлине. В 1930 году я сказал старшему морскому офицеру в Военно-политическом отделе министерства фрегатен-капитану Геттингу, что название «Скагерракский бал», в сущности, чудовищно, хотя оно и вошло в обиход. Какое бы произвело впечатление, если бы сухопутные войска основали Верденское общество, ежегодно устраивали «Верденский бал» и танцы в память погибших в битве под Верденом? Геттинг отнесся к моему замечанию спокойно и сказал, что нельзя сравнивать сухопутные войска и флот и что к названию «Скагерракское общество» давно привыкли.

Скагеррак был единственным крупным морским сражением во время Первой мировой войны. Битва при Скагерраке играла особую роль в развитии традиций военно-морского флота. В память о ней ежегодно в конце мая перед Министерством рейхсвера производился развод морского караула. С празднованием дня битвы при Скагерраке отождествляли все морские бои с 1914-го по 1918 год. Правда, оценка битвы при Скагерраке даже в кругах самих моряков была различной. Англичане, как и немцы, считали это сражение своей победой. В действительности же в сражении у Скагеррака не было победителя, но утверждали, что английские потери были выше германских. Бесспорным, однако, было то, что эта битва не улучшила стратегического положения Германии. По свидетельству Тирпица, это, в конечном итоге, объяснялось тем,

что германский флот был намного слабее английского, а также не выгодной для Германии обстановкой. Под «обстановкой» Тирпиц понимал стратегическое положение на море. Я не хотел бы вдаваться в детали морской стратегии, для этого у меня нет необходимых знаний. Однако утверждение Тирпица имеет значение не только как доказательство бессмысленности осуществлявшегося перед войной соревнования в морских вооружениях с Англией, но и в связи с тем фактом, что германский флот был блокирован англичанами. В результате провалилась запланированная на конец октября 1918 года операция, имевшая цель облегчить положение немецкой армии, которая вела на Западном фронте тяжелые бои. Замысел немецкого командования предусматривал выход флота в Канал, что было бы лишь частным эпизодом и к тому же привело бы к неизбежной гибели большей части германского флота. О повороте военного счастья в пользу Германии тогда, следовательно, уже не могло быть и речи.

Я потому, хоть и кратко, касаюсь германского флота, что и его действия во время войны определялись противоречиями, грубым нежеланием командования считаться с фактическим положением Германии на море. В 1914–1918 годах флоту ставились задачи, которые он не в силах был выполнить, учитывая английское превосходство в морских силах, а также из-за стратегического положения Германии на море. Точно так же обостряло дело с подводной войной, которую вел германский военно-морской флот и которая не достигла своей цели. В основе этих провалов, по-видимому, были разные причины. Это явствует даже из спора флотских специалистов. Одни утверждали, что подводную войну следовало начать лишь в 1916 году, чтобы не только располагать большим количеством подводных лодок и добиться больших результатов, но и оттянуть неизбежные политические последствия подводной войны. Другие считали, что подводная война началась слишком поздно. Во всяком случае, факт остается фактом, что это тогдашнее «чудо-оружие» не дало ожидавшегося эффекта, хотя кое-кто в Англии утверждает обратное — главным образом для того, чтобы задним числом подчеркнуть успехи английского флота во время войны.

При поддержании традиций лица, «воодушевленные прошлым», то и дело ставили вопрос о реставрации монархии, что крайне вредило авторитету Германии.

Шлейхер относился к этой проблеме очень сдержанно и нередко критиковал неуклюжие вылазки монархистов. Одной из таких вылазок было в 1925 году письмо германского кронпринца к президенту Гинденбургу. Кронпринц протестовал против

проводившегося Коммунистической и Социал-демократической партиями Германии всенародного опроса по поводу материального возмещения германским князьям и пугал, что этот опрос может вообще привести к ликвидации частной собственности в Германии. Гинденбург передал это письмо комитету Лебелля, который был создан в свое время с целью подготовить избрание фельдмаршала президентом. Таким образом, письмо было предано гласности. Шлейхер говорил, что Гинденбург сделал это, послушавшись дурного совета. При всем этом Шлейхер был дружен с прусским кронпринцем, вместе с которым он учился в кадетском корпусе. Шлейхер часто подчеркивал, что советовал кронпринцу не принимать участие в политической жизни.

«Это же чушь — думать теперь о восстановлении монархии, — говорил Шлейхер. — Вопрос совершенно не актуален».

Впрочем, правительство Штреземана в 1923 году разрешило германскому кронпринцу вернуться из Вирингена (Голландия), где он находился с ноября 1918 года, в Германию на том основании, что он может пользоваться теми же правами, что и другие граждане республики. Кронпринц вдосталь использовал эти права. Он неизменно присутствовал на сборищах традиционных союзов, вступил в «Стальной шлем», а в 1932 году на выборах президента даже подписал обращение, призывавшее голосовать не за Гинденбурга, а за Гитлера.

Монархических взглядов придерживались главным образом члены Немецкой национальной партии, которые и в рейхстаге и в печати непрерывно ратовали за реставрацию. Монархические настроения и надежды на восстановление монархии были распространены среди старослужащих офицеров рейхсвера, особенно в Восточной Германии. Хотя опасности монархического путча не было, но подобные настроения весьма подрывали авторитет государства.

Поддержание боевых традиций кайзеровской армии было, в сущности, делом высокой политики, оно затрагивало самым существенным образом внутреннюю и внешнюю политику государства, и от него зависело, будет ли Германия признана достойной международного доверия. Из-за этого очевидного факта Министерство рейхсвера всячески старалось избегать «промахов», которые могли бы повлечь за собой неприятные суждения о внешней и внутренней политике страны. Главный аргумент при этом был следующий: рейхсвер не может быть морально устойчивым, если не использовать боевые традиции старой армии.

Подобные аргументы не вызывали отпора, хотя ясно, что боевые действия не являются изолированными, оторванными от смысла и целей войны. Воинские добродетели, готовность пожертвовать жизнью во имя долга, фронтовое товарищество, взаимная выручка в беде и в бою — все это обретает свою непреходящую ценность, высокий этический смысл и становится примером, достойным подражания, лишь в том случае, если они служат мирным интересам немецкого народа, а не осуществлению захватнических планов руководящей верхушки, одержимой идеей мирового господства.

Первая мировая война 1914–1918 годов во всей ее сложности отнюдь не являлась тогда предметом критического обсуждения. Никто не вспоминал о том, что кайзер, не считаясь с истиной, в начале войны торжественно заявил: «Нами движет не жажда завоеваний», — хотя тогдашние господствующие круги уже выдвинули далеко идущие планы аннексий на Западе и на Востоке. Никто не говорил и о пресловутом мифе «об ударе кинжалом в спину», который в первую очередь использовали нацисты в своей разнузданной клеветнической кампании против Веймарской республики и против соседей Германии. Культивируя военные традиции и пропагандируя идею обороны Германии, рейхсвер сознательно разжигал крайний национализм.

Рейхсвер и военные союзы

Традиции в Веймарской республике культивировались ради подготовки к реваншу. Особенно это проявилось в деятельности военных союзов, почитавших себя истинными носителями боевых традиций. Бывшие офицеры, которые играли главную роль в этих союзах, по большей части подвизались и в традиционных солдатских союзах — ферейнах, находившихся под покровительством рейхсвера, и никакой ответственности не несли. Поэтому они не скрывали своей ненависти к республике, ко вчерашним противникам Германии и своей жажды реванша. В то же время правые партии в известной степени вынуждены были обуздывать свои истинные чувства.

В отделе Шлейхера мы много занимались военными союзами и их взаимоотношениями с рейхсвером.

В своем выступлении в марте 1924 года Шлейхер, между прочим, потребовал, чтобы эти союзы ограничили свои задачи пропагандой оборонных мероприятий и физической подготовкой своих членов и не занимались бы «игрой в солдатики». На деле, однако, все выглядело совершенно иначе.

Объединенные «Патриотические союзы» Германии действовали на всей территории рейха. Претенциозное название этой организации свидетельствовало о том, что она почитала себя законной представительницей национальных интересов. Во время гитлеровского путча баварское отделение «Патриотических союзов», возглавляемое профессором Бауэром, поддержало нацистов, выдвинув лозунг: «Не "без Берлина", а "на Берлин!"» Организация «Патриотические союзы» была создана вскоре после войны военнослужащими старой, кайзеровской армии под руководством бывших офицеров. Пополнившись позднее бывшими военнослужащими из Пограничной стражи, а также солдатами и офицерами «добровольческих отрядов» (фрейкора), они окрепли и активизировали свою деятельность. Чаще всего «Патриотические союзы» выдвигали в своей работе на первый план чисто военные аспекты, исходя из поражения Германии и Версальского договора. В 1925 году председателем «Объединенных патриотических союзов» Германии стал отставной генерал граф фон дер Гольц. Еще в 1919 году, будучи командующим Пограничной стражей «Север» в Бартенштейне (Восточная Пруссия), он открыто проводил антисоветскую политику. «Во имя будущей, новой России» он пытался удержать Южную Прибалтику в качестве трамплина для «похода на Восток». Впрочем, фон дер Гольц был тогда не одинок. Он являлся

одним из самых яростных врагов Советской России. В описываемый период он поддерживал тесные связи с русскими эмигрантами в Берлине и, действуя рука об руку с ними, не гнушался самых подлых средств во имя достижения своей «великой» цели. Когда в 1926 году в Берлине умер Сухомлинов, занимавший с 1909-го по 1915 год пост военного министра царской России, генерал фон дер Гольц через одного из своих офицеров «для поручений» направил Шлейхеру прошение об организации для покойного похорон с воинскими почестями. То, что прошение это было отклонено, не играло особой роли. Этот, сам по себе незначительный эпизод свидетельствует о том, что недавние противники в минувшей войне объединились теперь в реакционный «интернационал» для возрождения старых порядков.

Провести четкую границу между «патриотическими» и «военными» союзами было практически невозможно. В последних главную роль точно так же играли бывшие офицеры и члены фрейкора. По данным рейхскомиссара по охране общественного порядка, подчиненного имперскому Министерству внутренних дел, в двадцатые годы в отдельные периоды насчитывалось до 80 подобных объединений и союзов. В большинстве своем они были недолговечны и имели лишь местное или региональное значение. Все они в большей или меньшей степени отвергали официальную правительственную политику и в нарушение конституции занимали антиреспубликанскую позицию. Они жаждали «играть в солдатики» и стремились к установлению связей с рейхсвером. Эти союзы могли говорить и делать то, на что правые партии не решались, боясь скомпрометировать себя в глазах общественности. Истинно национальными они считали лишь свои собственные взгляды и устремления. В действительности же их разнузданный шовинизм, а в известной степени и прямая пропаганда войны лишь вредили интересам немецкого народа. Рейхсвер не ограничивался контактами с военными союзами на местах. Штаб, в частности, его отдел сухопутных войск (оперативный) и отдел боевой подготовки Войскового управления, поддерживал с ними связь.

Весной 1925 года Министерство рейхсвера получило копию памятной записки, поданной в рейхстаг профессором-пацифистом Квидде. Автор описывал в этом документе совещание, состоявшееся на территории V военного округа в городе Гиссене, в доме Союза предпринимателей. В совещании приняли участие много предпринимателей из Северного Гессена, а председательствовал на нем Гумпердинк, директор металлургического завода «Будерус» в городе Вецларе. В своем

выступлении на этом совещании отставной полковник Коок (в период борьбы за Рур он являлся ответственным за антифранцузский саботаж в V военном округе), сославшись на командование сухопутных сил армии, заявил, между прочим, что рейхсвер нуждается в средствах для набора добровольцев на краткосрочные военные сборы, а это позволило бы выйти за рамки, установленные Версальским договором для подготовки резервистов.

Коок подчеркнул, что немецкий народ должен сохранять свою боевую готовность и быть готовым к будущим решениям, ибо безоружный народ не может обрести влияние на международной арене. Германия, по словам оратора, должна была вновь сделаться достойным союзником. Расходы по обучению добровольцев, проходящих краткосрочную подготовку в V военном округе, составили бы в течение первых двух лет около 800 тысяч марок. При этом примерно 120 тысяч марок по раскладке падало на округ Вецлар, а треть указанной суммы планировалось получить от местного Союза предпринимателей.

«Экий осел этот Коок! — заявил в этой связи Шлейхер. — Но еще больший осел тот, кто дал подобное поручение человеку такого сорта и в такой момент. Ведь как-никак приказ министра, которым отменялось чрезвычайное военное положение и запрещался набор добровольцев на краткосрочные сборы, еще не всюду безоговорочно принят к исполнению». Как выяснилось впоследствии, генерал фон Сект вопреки директивам министра продолжал набор и подготовку этих добровольцев.

Как уже упоминалось, добровольцев вербовали в первую очередь среди членов правых организаций и студенчества. Добровольцы проходил и боевую подготовку при отдельных частях рейхсвера на вечерних или воскресных занятиях или во время летних каникул. Как-то раз один из депутатов рейхстага обратил внимание на противоречивую позицию Министерства рейхсвера по сохранению в тайне боевой подготовки добровольцев на краткосрочных сборах. С одной стороны, проводились судебные процессы по обвинению в разглашении государственной тайны в ряде публикаций по этому вопросу, а с другой — никто не препятствовал добровольцам-студентам помещать в своих органах (например, в бюллетене студенческой корпорации в Гейдельберге) статьи о прохождении ими военного обучения.

Шлейхер требовал, чтобы впредь представители промышленных, банковских и помещичьих кругов переводили свои пожертвования для военных союзов непосредственно Министерству рейхсвера. Я так и не узнал, кто в министерстве

получал эти средства и распоряжался ими. Впрочем, я этим и не интересовался. Помню лишь, как однажды в рейхстаге Гесслер заявил, что средства идут «на ремонт казарм и служебных помещений рейхсвера». Что ж, Гесслера недаром окрестили в рейхстаге «сказочником».

На самом деле эти средства расходовались на совсем иные цели. Об этом свидетельствует хотя бы речь командующего II военным округом (город Штеттин) генерала пехоты Чишвица перед участниками закрытого собрания в городе Ростоке в декабре 1924 года. «Наш народ вновь должен обрести обороноспособность! — заявил Чишвиц. — Военное обучение является задачей специалистов рейхсвера. Становым хребтом старой армии были управления призывных районов. Теперь у нас их, к сожалению, нет. Поэтому необходимо создать нечто подобное. Поскольку эту работу нельзя вести как нечто второстепенное, необходимо подумать о создании специального аппарата, для чего, естественно, нужны деньги». Далее генерал подчеркнул, что без рейхсвера нельзя осуществлять никакой политики, без него не обойтись.

Существо дела, однако, заключалось в том, что пожертвования промышленных и финансовых кругов в пользу союзов поступали не только в Министерство рейхсвера, но и непосредственно в штабы военных округов, проводившие на местах «кампанию по сбору средств». Часть этих внебюджетных поступлений перепадала и военным союзам, особенно на востоке Германии. Благодаря этому удалось пристроить многих бывших офицеров из числа членов этих союзов в рейхсвер в качестве вольнонаемных служащих. Некоторые из этих людей, в свою очередь, вопреки официальным запретам помогали военным союзам (и прежде всего самому мощному из них — «Стальному шлему») организовать боевую подготовку их членов.

По вопросу о военных союзах Шлейхер поддерживал постоянную связь с полковником Кюнцером, занимавшим пост имперского комиссара по охране общественного порядка в Министерстве внутренних дел. В соответствии с § 36 Закона об обороне Кюнцер мог объявить любой из этих союзов политической организацией, в которой военнослужащие рейхсвера не имели права состоять открыто.

Перечисленные ниже военные союзы были давно объявлены подобными политическими организациями.

«Стальной шлем» (Союз фронтовиков) был основан еще в 1919 году под девизом «Не побежденные на поле боя». Вскоре после своего основания «Стальной шлем» выпустил три книги: «Не побежденные на поле боя», «Не побежденные на морях», «Не

побежденные в воздухе». Эти издания выглядели безобидно, а их подготовка позволила дать работу многим демобилизованным офицерам. Однако основная задача этих книг состояла в том, чтобы заставить фронтовиков, которые в 1918 году были по горло сыты войной, позабыть о страданиях и лишениях и вспомнить о героических подвигах. Газета «Остпрейссише цейтунг» посвятила этим книжонкам напыщенные хвалебные строки: «Это торжественный, ликующий гимн воинской доблести, солдатскому долгу, духу самопожертвования и верности перед лицом смерти! В его торжественные аккорды вплетается тихая и скорбная мелодия солдатской песни о боевом товарище».

Выше уже говорилось, что лозунг «Не побежденные на поле боя» был частью пресловутой легенды «об ударе кинжалом в спину». Пропаганда этого лозунга была лишь одним из средств, с помощью которых «Стальной шлем» играл на самолюбии фронтовиков и способствовал подготовке реванша. Еще бы, ведь «фронт выстоял, а тыл сплоховал». Этот лозунг, как часть легенды «об ударе кинжалом», помогал обманывать немецкий народ.

Во время гитлеровского путча 1923 года заместитель председателя «Стального шлема» отставной подполковник Дюстерберг находился в Мюнхене. Этот Дюстерберг разыгрывал из себя персону еще раньше, весной 1923 года, когда фон Сект носился с идеей вооруженного отпора французам, оккупировавшим Рур. Руководитель «Стального шлема» Зельдте состоял в Немецкой народной партии и был близок к Штреземану. Однако после того, как Штреземан начал проводить политику «исполнения обязательств», «Стальной шлем» занял гораздо более радикальную позицию. С 1925 года, по мере роста народного недовольства, вызванного выплатой компенсаций бывшим правящим династиям в немецких землях, в «Стальном шлеме» образовалось сильное монархистское крыло. Политическое кредо «Стального шлема» было сформулировано в воззвании его бранденбургской организации. «Мы всей душой ненавидим существующий государственный строй, — говорилось в этом документе, — ненавидим и форму его и содержание, его развитие и саму сущность!.. Он преградил нам путь к освобождению нашего порабощенного отечества, он лишает нас возможности снять бремя лживых обвинений с нашего народа, якобы повинного в развязывании войны, и получить необходимое жизненное пространство на Востоке…» Почетным председателем «Стального шлема» был сам президент республики фельдмаршал Гинденбург, поэтому любые действия этой организации не могли не иметь широкого политического резонанса. Даже правительственные учреждения, например, правительство

Пруссии, вынуждены были выступать против «Стального шлема». Однако все эти конфликты удавалось уладить, и не в последнюю очередь благодаря содействию Шлейхера и его влиянию на Гинденбурга.

Гинденбург ничего не предпринял и после поджигательского воззвания бранденбургской организации «Стального шлема», направленного против республики, президентом которой он был. Напротив, когда в 1930 году организации «Стального шлема» в Рейнской области и Вестфалии, проводившие военные занятия, были запрещены, президент добился отмены этого запрета. Произошло это так. Гинденбург намеревался принять участие в торжествах в Кобленце по случаю освобождения Рейнской области от французской оккупации. Однако в открытом письме прусскому министру внутренних дел он отказался приехать в Кобленц, заявив, что дал согласие на это лишь при условии, что запрет «Стального шлема» будет отменен и его члены смогут принять участие в параде. После этого социал-демократическое правительство Пруссии отменило запрет, удовольствовавшись тем, что Зельдте на беседе в военном министерстве обязался впредь не обучать членов своей организации обращению с оружием и не проводить с ними военных занятий.

Достаточно ясное представление о «Стальном шлеме» дает хотя бы его слет, проведенный в мае 1931 года в городе Бреслау. В слете и параде участвовали 150 тысяч бывших фронтовиков; в числе почетных гостей присутствовали бывший кронпринц, бывший король Август Саксонский, бывший фельдмаршал фон Макензен, отставной генерал-полковник фон Сект, отставной генерал фон дер Гольц. В одной из маршировавших шеренг находился отставной генерал-полковник Хейе, в свое время сменивший Секта на посту начальника Главного управления сухопутных сил (то есть начальника Генерального штаба). Он вступил в «Стальной шлем» вскоре после своей отставки, осенью 1930 года. Зельдте закончил свою поздравительную речь следующими «командами»:

«Направо — фронтом к восточной границе Германии! Прямо перед нами — мост через Одер! За ним — синяя кромка леса. За ним — германский Восток!»

В ответ участники парада проревели: «Задача ясна!»

Польское правительство направило Брюннингу, возглавлявшему в то время кабинет, запрос по поводу этой провокации. Ответ не заставил себя ждать. В нем говорилось, что деятельность «Стального шлема» нельзя считать предосудительной, что он не ставит перед собой каких-либо военных целей, говорилось, что немецкое законодательство не

запрещает проведения подобных мероприятий и поэтому возбуждать преследование против частной организации в данном случае нет никаких законных оснований.

Даже эти немногочисленные примеры достаточно убедительно свидетельствуют о том, что «Стальной шлем» и его покровителей следует отнести к тем, кто прокладывал дорогу фашизму и готовил новую войну

Другим значительным военным союзом был «Младогерманский орден», основанный в 1920 году. Его организационные формы, как это видно уже по названию, воскрешали структуру «Германского рыцарского ордена». Председатель этой организации Артур Мараун носил титул Великого командора; ему подчинялся канцлер ордена Борнеман. Земельные ордена назывались командорствами и возглавлялись хохмейстерами, низовые организации именовались орденскими округами. Особенно многочисленны были организации «Младогерманского ордена» в Тюрингии и Саксонии, а его мелкие филиалы охватили всю территорию рейха. Вначале орден был главным конкурентом «Стального шлема» — он точно также преследовал цели военного характера и помогал собиранию и тайному хранению старого вооружения. В 1923 году «Младогерманский орден», как и «Стальной шлем», боролся за осуществление плана фон Секта, который хотел оказать вооруженное сопротивление французским оккупационным войскам, вступившим на территорию Германии. В 1925 году орден поддерживал кандидатуру Секта на пост Президента Германии. Своими основными задачами орден провозгласил «борьбу против красного террора внутри страны, освобождение отечества в области внешней политики и возвращение германских колоний». С 1924 года началось ожесточенное соперничество «Младогерманского ордена» и «Стального шлема». Главную роль здесь играли связи обеих организаций в Министерстве рейхсвера, а также сугубо местнические интересы. В 1926 году Гесслер говорил в рейхстаге, что между бывшими офицерами разгорелся спор, чей союз лучше служит отечеству. В конце 1925 года имперский комиссар по охране общественного порядка передал Министерству рейхсвера данные об установлении контактов между «Младогерманским орденом» и союзом «Рейхсбаннер». Одновременно мы получили сведения, что орден поддерживал контакты с Арнольдом Рехбергом, представителем калиевого синдиката, который, исходя из своих деловых интересов, поддерживал профранцузский, прежде всего антисоветский политический курс. Перепалка со «Стальным шлемом» и заигрывания с «Рейхсбаннером» были причиной

разрыва между орденом и Министерством рейхсвера. Во второй половине двадцатых годов орден в значительной степени лишился своего значения, а число его членов и сторонников резко уменьшилось.

Национальный союз немецких офицеров (НДО) не был особенно многочисленным, но зато претендовал на роль организации, объединяющей «элиту национального движения». Председателем его был отставной адмирал фон Шредер, во время войны командовавший корпусом морской пехоты во Фландрии. НДО насчитывал около 3 тысяч членов во всех уголках страны; они пользовались большим влиянием не только в военных союзах, но прежде всего в традиционных объединениях бывших военнослужащих старой армии. Эти люди поддерживали тесную связь с рейхсвером, а многие из них служили в нем по вольному найму, главным образом в восточных районах Германии.

Союз немецких офицеров, входивший в объединение «Патриотических союзов» Германии, ставил своей задачей, как сформулировал фон дер Гольц в 1927 году на имперском съезде представителей Объединенных союзов, «защищать вне парламента те же интересы, что представляла в рейхсвере Немецкая национально-народная партия». По словам фон дер Гольца, «союз должен был не дать угаснуть пламени национализма в народе».

«Патриотическое движение, — продолжал фон дер Гольц, — должно быть носителем действенной национальной идеи и никогда не терять из виду основную цель — освобождение родины от внешних и внутренних врагов и создание обороноспособной и могущественной Великой Германии… Вот почему, — воскликнул генерал, — мы крепим социальную основу наших союзов — фронтовое товарищество, закаляем нашу молодежь физически и духовно и стремимся к изменению конституции, которая отдала наше отечество на откуп сменяющим друг друга группировкам парламентского большинства и не отражает подлинной сущности государства!»

Немудрено, что, проповедуя подобные взгляды, фон дер Гольц впоследствии «с радостью приветствовал» от имени Объединенных патриотических союзов установление нацистской диктатуры, или, как он выразился, «первые шаги правительства национального возрождения», и призывал к безоговорочной поддержке «нового рейха, единого в национальном и социальном отношении, обороноспособного и проникнутого истинно прусским духом».

В Национальном союзе немецких офицеров была своя «элита» — несколько бывших генералов, в том числе отставной генерал

Ваттер, подавивший в 1920 году восстание рурских рабочих, выступивших с оружием в руках против капповского путча; отставной генерал Леттов-Форбек, командовавший во время войны колониальными войсками в Германской Восточной Африке и уволенный в 1920 году с поста командира бригады «временного рейхсвера» за участие в том же капповском путче; генералы в отставке Вальдерзее, Вехтер и некоторые другие.

Рупором Национального союза немецких офицеров была газета Немецкой национально-народной партии «Дейче цейтунг», но союз имел и собственный печатный орган — журнал «Дейче тройе» («Германская верность»). В своей пропаганде НДО выдвигал следующие основные требования: отмена Версальскою договора и отказ от выполнения вытекающих из него обязательств, возвращение «аннексированных» у Германии областей и колоний, поддержка традиционных союзов бывших военнослужащих отдельных частей и подразделений старой армии в их борьбе против марксизма и интернационализма, недопущение иммиграции в Германию «расово чуждых элементов», превращение Германии из «порабощенного государства» в могущественную державу и, наконец, восстановление массовой армии.

К Национальному союзу немецких офицеров примыкал Имперский офицерский союз (РОБ), объединявший бывших офицеров старой армии, выслужившихся из унтеров и солдат. Члены этой организации были по большей части мелкими чиновниками.

Третьей и наиболее многочисленной организацией этого рода был Германский союз офицеров (ДОБ), который защищал интересы бывших офицеров прежде всего в пенсионных вопросах. Председателем этой организации был отставной генерал пехоты фон Гутьер, а в состав правления входили отставные генералы фон Радовиц, фон Белов и фон Эйзенхарт-Роте. Все они были тесно связаны со «Стальным шлемом». Многие члены Германского союза офицеров одновременно входили и в другие союзы.

Существование некоторых правоэкстремистских военных союзов, с которыми штабы и командиры отдельных частей рейхсвера поддерживали постоянный контакт, подчас становилось известным лишь после упоминаний о них в прессе или в выступлениях отдельных депутатов рейхстага. Так, например, обстояло дело со спортивным союзом «Олимпия». Председательский пост в нем занимал отставной полковник фон Лукк, член НДО. Я познакомился с ним еще в начале марта 1919 года в Кёнигсберге в ходе операции против революционной морской дивизии. Союзу «Олимпия» удавалось пристраивать

своих членов на стажировку в подразделения рейхсвера якобы в интересах «физической закалки молодежи». Эта организация занималась также вербовкой в рейхсвер. Целый ряд военных штабов и учреждений, в частности, в Фульде, Эйзенахе, Гиссене и Касселе, сотрудничал с «Олимпией» при наборе добровольцев на сборы. Дело зашло в конце концов настолько далеко, что штабы отдельных частей пересылали заявления о вступлении в рейхсвер на заключение полковнику Лукку. Военному министру Гесслеру пришлось выступить по этому поводу в рейхстаге 2 декабря 1926 года с опровержением. Вскоре после этого спортивный союз «Олимпия» был запрещен за антиконституционную деятельность.

Организацию Эшериха (сокращенно «Оргэш») в Баварии кое-кто считал совершенно безобидным местным ферейном. Но это было обманчивое впечатление.

«Оргэш» был одним из ведущих праворадикальных союзов. Он возник на базе бывшей баварской гражданской самообороны и играл большую роль в сокрытии оружия в ходе разоружения после войны. Глава этой организации, советник лесного ведомства Эшерих поддерживал постоянный контакт со штабом VII военного округа в Мюнхене. Во время гитлеровского путча некоторые группы организации Эшериха влились в баварское отделение «Патриотических союзов». Специальная комиссия рейхстага, расследовавшая дела о политических убийствах, установила, что члены «Оргэша» принимали участие в этих убийствах. После гитлеровского путча влияние «Оргэша» пошло на убыль. Самому Эшериху еще в! 922 году удалось установить личный контакт с президентом Гинденбургом, нередко приезжавшим в баварские леса на охоту. Судя по тому, что Эшерих не раз обращался к президенту с «добрыми советами», отношения между ними были весьма тесными. Так, уже в 1930 году Эшерих по поручению Баварской народной партии обратился к Гинденбургу с письмом, в котором сообщал, что эта партия не заинтересована в дальнейшем пребывании ее члена Шетцеля на посту имперского министра почт.

Далее следует назвать союз «Викинг» — организацию хотя и не столь многочисленную, как названные выше, но зато весьма разностороннюю по характеру своей деятельности и по методам работы. Путь этого союза воистину изобиловал крутыми поворотами. Он возник после расформирования морской бригады Эрхарда, принимавшей участие в капповском путче в Берлине в марте 1920 года. Часть военнослужащих этой бригады создала союз «Консул» (ОК) — чисто террористическую организацию, которая, между прочим, выдвинула лозунг «Предатели не уйдут от тайного суда», нашумевший позднее, во время процесса по

делам «фэмы» — то есть политических убийств. «Консул» провозгласил своей задачей распространение «национальной» идеи, борьбу против евреев, марксизма, а заодно и против веймарской конституции. Члены этой организации убили в августе 1921 года министра Эрцбергера, а в июне 1922 года — имперского министра иностранных дел Ратенау. Убийц Эрцбергера найти не удалось. Лишь впоследствии было установлено, что организатором этого убийства был отставной капитан-лейтенант фон Киллингер, занявший при Гитлере пост германского посланника в Румынии.

В ходе следствия по делу об убийстве Ратенау было установлено, что организация «Консул» причастна к этому преступлению. Она была запрещена, но вскоре возродилась под названием «Викинг». Ее состав расширился за счет военнослужащих морской бригады Лёвенфельда, которая в Шлезвиг-Гольштейне также участвовала в капповском путче. Союз состоял главным образом из моряков, преимущественно офицеров, но к нему примкнули также немало бывших фрейкоровцев. «Викинг» поддерживал контакты с целым рядом националистических и «патриотических» организаций и союзов, в частности, в 1923 году с Гитлером и его единомышленниками в Мюнхене. Главарем «Викинга» остался все тот же бывший корветен-капитан Эрхард.

С 1924 года союз «Викинг», по существу, ограничил свою деятельность антиреспубликанской и милитаристской пропагандой и стал сходить со сцены. Весной 1926 года в Эрфурте были арестованы два члена «Викинга» за осквернение могил на местном еврейском кладбище. В ходе расследования по этому делу полиция обнаружила тайный склад оружия в доме некоего Вустмана, возглавлявшего эрфуртское отделение «Викинга». У Вустмана был, кроме того, изъят пропуск за подписью одного отставного подполковника, служившего по вольному найму в канцелярии одного из батальонов 15-го пехотного полка в Эйзенахе. Этот человек передал Вустману для подпольного хранения партию оружия, опасаясь, что в казармах батальона оно могло попасться на глаза инспекторам из Межсоюзнической военной контрольной комиссии. Оружие было тотчас же конфисковано, а отставного подполковника пришлось уволить со службы.

Союз «Викинг» обрел новое поле деятельности у «младшего брата» сухопутной армии — в военном флоте. Для выполнения особых, прежде всего секретных, задач и во флоте привлекали бывших офицеров в качестве вольнонаемных служащих.

При обсуждении военно-морских статей бюджета в начале

марта 1928 года (сразу же после вступления Тренера на пост министра рейхсвера), между прочим, выяснилось, что это были за «вольнонаемные служащие». У меня и по сей день сохранились корреспонденции газеты «Берлинер тагеблат» от 4 марта 1928 года, освещавшие эти дебаты; я вырезал их и вложил в том мемуаров кайзеровского гросс-адмирала Тирпица.

Из этих дебатов явствует, что в военном флоте того времени большинство вольнонаемных служащих из числа бывших офицеров были членами союза «Викинг». Так, например, отставной корветен-капитан Геттинг в марте 1926 года писал из Фленсбурга некоему Плаасу:

«Благодаря моим старым связям на флоте мне удалось туда устроиться — на первых порах на внештатную работу; я был связующим звеном между штабом Балтийского военно-морского округа и подразделениями боевых кораблей. Это не осталось без последствий: теперь мой "преемник" на этом посту, разумеется, будет подобран из числа членов "Викинга" или организаций, являющихся его предшественниками. Со временем этот человек будет переведен и на штатную, оплачиваемую должность. Дело обстоит так: округ [то есть командование военно-морского округа в Киле. — В. М.] оплачивает из своих секретных фондов руководителя местного филиала "Викинга", который одновременно является адъютантом руководителя Объединенных патриотических союзов Шлезвиг-Гольштейна [им был тогда отставной адмирал Доминик. — В. М.]. Лучше не придумаешь: и флот и "Объединенные патриотические союзы" нашпигованы членами "Викинга", которым на флоте еще и платят за труды».

Адресат этого письма Плаас был зачислен в качестве вольнонаемного в штат военно-морского округа в Киле и, в свою очередь, попытался пристроить одного из своих друзей в управление военно-морских сил Министерства рейхсвера. Об этом он писал своему другу Тегельману: «Нам нужен человек на постоянную полуофициальную работу. Необходимое условие — полная личная лояльность по отношению к нашему шефу. Работа будет интересная, причем у вас же, в Берлине… Главная задача — быть в курсе всех дел, проходящих по инстанциям. Как вы думаете, смогли бы вы сыграть такую роль, не восторгаясь непроходимой глупостью начальства? Благодаря нашим связям нам удалось отделаться от всех ваших предшественников. Так что пишите скорее, согласны ли вы поступить в военно-морское ведомство» (то есть в военно-морское управление Министерства рейхсвера).

Министр рейхсвера Тренер был вынужден осудить в рейхстаге махинации союза «Викинг», ставшие достоянием

общественности. Он квалифицировал поведение членов «Консула» как злоупотребление доверием и верх неблагодарности по отношению к старым фронтовым товарищам, которые хотели помочь им выбраться из жестокой нужды. Далее Тренер заявил, что все члены «Консула», упомянутые в приведенной выше переписке, уже уволены. Министр обещал, что в любом случае очистит морское ведомство от членов организации «Консул» и не потерпит впредь, чтобы военнослужащие флота поддерживали контакт с подобными элементами. Все материалы по этому делу были переданы на доследование полицей-президенту Берлина. Приказы Тренера об увольнении виновных из военно-морских сил были выполнены. Но вопрос, объяснялось ли проникновение членов «Консула» во флот одной лишь «непроходимой глупостью», так и остался без ответа. Да иначе и быть не могло!

В стране действовал также целый ряд союзов и организаций, которые по договоренности с имперским комиссаром по охране общественного порядка вообще не были отнесены к разряду политических или не считались таковыми более или менее продолжительное время. Самым многочисленным среди них был «Кифхойзер» — Имперский союз ветеранов. Он имел 30 тысяч низовых организаций и насчитывал около 3 миллионов членов. К числу подобных организаций относились и все, без исключения, традиционные союзы кайзеровской армии, которые поддерживали постоянные контакты с теми воинскими частями старой армии, которые продолжали свое существование в составе рейхсвера. «Кифхойзер» не считался политической организацией на том основании, что в его компетенцию входили вопросы социального обеспечения и трудоустройства бывших унтер-офицеров и солдат. Это, однако, вовсе не мешало тому, что в «Кифхойзер» вступали множество бывших офицеров, представлявших всевозможные политические направления и входивших одновременно в другие военные союзы, такие, как «Стальной шлем», «Младогерманский орден», Национальный союз немецких офицеров и другие. Эти люди пользовались в «Кифхойзере» большим влиянием. Почетными председателями этого союза были генерал-фельдмаршалы Гинденбург и Макензен, а также генерал в отставке фон Литцман, которого впоследствии нацисты прославляли особенно усердно. Один из секретарей союза, отставной подполковник фон Карвизе, был частым гостем у Шлейхера. Он старался по мере сил избегать — по крайней мере в официальных публикациях и выступлениях союза — грубых политических ляпсусов, которые в документах других союзов были обычным делом, и охранять тем самым перед лицом общественности репутацию организации, стоящей вне политики.

Однако даже это оказалось невозможным. Так, например, отставной генерал фон Хорн, до 1925 года занимавший пост командующего III военным округом в Берлине, а в 1926 году ставший председателем федерального правления союза «Кифхойзер», выступая в июле 1929 года на имперском слете ветеранов в Мюнхене, говорил об общих боевых задачах «Стального шлема» и «Кифхойзера», об общих идеалах этих организаций и о виновниках войны.

Силы, действовавшие во всех названных выше союзах, по существу, не отличались от элементов, создавших нацистскую партию. Они финансировались из того же источника и преследовали, в общем, те же цели — ликвидацию республики и военный реванш. Независимо от того, выступали ли эти военные союзы перед общественностью как политические организации, все они поддерживали связь и с Министерством рейхсвера и со штабами частей и подразделений рейхсвера. Только в тех случаях, когда общественности становилось известно об этом, Министерство рейхсвера считало необходимым официально отмежеваться от деятельности того или иного союза. Но связи с ним, по крайней мере на местах, не прерывались и после этого.

Остается констатировать, что Министерство рейхсвера в общем и целом отказывалось от установления контактов с организацией «Рейхсбаннер». В этот союз, находившийся тогда под влиянием Социал-демократической партии Германии (СДПГ), входили и представители Немецкой демократической партии и Партии центра. «Рейхсбаннер» провозгласил себя защитником республики и конституции; среди его членов — главным образом в правлении — были видные пацифисты. В 1930–1931 годах имперский руководитель «Рейхсбаннера» Хельтерманн пытался наладить контакт с Министерством рейхсвера, ссылаясь на то, что пацифисты были исключены из союза. Министерство отказалось иметь с ним дело. Это решение вполне соответствовало министерской политике умиротворения «правых», и прежде всего нацистов. Вообще говоря, руководство «Рейхсбаннера» находилось в щекотливом положении: с одной стороны, оно ориентировалось на официальный курс руководства СДПГ, а с другой, как и само руководство СДПГ, находилось под давлением рядовых членов, которые стремились защищать республику не на словах, а на деле.

Впрочем, на местах рейхсвер все же поддерживал определенные контакты с «Рейхсбаннером», о чем свидетельствует следующий инцидент. В 1931 году полковник фон Бонин, начальник штаба I военного округа в Кёнигсберге, был переведен в Министерство рейхсвера в качестве инспектора

войск связи. Причиной этого перемещения послужила жалоба на Бонина, поданная одним из вышестоящих генералов президенту Гинденбургу. Оказалось, что Бонин принял участие в одном из собраний «Рейхсбаннера», полагая, что подобные контакты служат интересам Пограничной стражи в Восточной Пруссии. Преемником Бонина был назначен полковник фон Рейхенау.

Что же касается Союза красных фронтовиков, то Министерство рейхсвера относилось к нему так же, как и к Коммунистической партии Германии: оно не признавало его и вело против него борьбу.

«Чрезвычайные происшествия» в рейхсвере

В отделе Шлейхера была специальная референтура по связи с рейхстагом, в задачу которой входила обработка материалов о политических претензиях к рейхсверу и о выступлениях общественности, чреватых для армии политическими последствиями. Сотрудники этой референтуры в таких случаях должны были как можно быстрей информировать министра об обвинениях в адрес рейхсвера и подготовить данные для ответа. Штабы и воинские части обязаны были незамедлительно докладывать в министерство обо всех подобных происшествиях. Однако далеко не всегда они докладывали об этом точно и добросовестно.

Подчас Министерство рейхсвера вообще узнавало о происшествиях такого рода лишь после соответствующих выступлений в рейхстаге или в прессе. После этого начиналось расследование дела, результат которого, впрочем, отнюдь не определял содержания и характера официальных разъяснений министра. Министр мог по своему усмотрению признавать, отрицать или оправдывать те или иные обстоятельства. В отделе была разработана целая шкала возможных ответных формулировок. Не все обвинения соответствовали действительности. «Кто правду говорит, кто врет — сам черт не разберет», — этот принцип, которым руководствовались при расследовании подобных дел, в какой-то мере помогал сохранить необходимое хладнокровие. Кстати сказать, «чрезвычайные происшествия» проливали яркий свет на обстановку в нижестоящих штабах и воинских частях. Поэтому соответствующие расследования явились причиной сдержанного и настороженного отношения к отделу Шлейхера со стороны многих офицеров.

Закон об обороне от 23 марта 1921 года устанавливал:

«§ 36. Военнослужащим запрещается политическая деятельность. Военные чиновники в пределах своей служебной компетенции также не имеют права участвовать в политической деятельности.

Военнослужащим запрещается вступать в политические организации и союзы, а также принимать участие в собраниях политического характера.

Избирательное право не распространяется на военнослужащих. Они не принимают участия в республиканских,

земельных и местных выборах и прочих голосованиях. Военнослужащим разрешается выписывать любую газету по своему усмотрению. Министр рейхсвера может запретить подписку на ту или иную газету в тех случаях, когда ее содержание подрывает военную дисциплину и воинский порядок или направлено против конституции.

§ 37. Военнослужащие могут состоять в союзах, не имеющих политического характера, кроме тех случаев, когда участие в подобных организациях несовместимо с требованиями военной дисциплины и воинского порядка…»

Статья 36 закона об обороне, само собой разумеется, запрещала и членство в политических партиях. Политические союзы, как уже упоминалось, в каждом отдельном случае объявлялись таковыми министром рейхсвера по согласованию с имперским министром внутренних дел. Принятие такого постановления означало, что военнослужащим рейхсвера впредь запрещалось принимать участие в мероприятиях того или иного союза. Рейхсвер должен был оставаться последним, наиболее мощным инструментом государственной власти, не связанным якобы какими бы то ни было партийно-политическими и прочими интересами. Эту точку зрения отстаивал генерал фон Сект в период руководства рейхсвером. Впрочем, он трактовал ее довольно своеобразно — достаточно в этой связи вспомнить хотя бы планы создания директории, по поводу которых он откровенно заметил: «Эти планы должны отвечать моей точке зрения».

Той же точки зрения придерживались и Шлейхер, и министры рейхсвера Гесслер и Тренер. Последний защищал ее особенно энергично. «В политическом фундаменте Германии, — говорил он, — отныне никто не смеет передвинуть хотя бы один камень до тех пор, пока рейхсвер не бросит на чашу весов свое последнее решающее слово». Однако характер рейхсвера определялся тем, что он был создан из военнослужащих старой армии и фрейкора, а также той ролью, которую он играл вплоть до 1923–1924 годов. Воздействие политических событий на рейхсвер, в частности, на офицерский корпус, было неизбежным. «Солдат вне политики» не было и быть не могло. Вопрос заключался лишь в том, кто и в каком направлении — cui bono — оказывал влияние на их политические взгляды.

По понедельникам в Министерстве рейхсвера поднимался ажиотаж. В эти дни выходили берлинские газеты пацифистского направления — «Вельт ам монтаг» и «Монтаг-морген» — с богатым ассортиментом статей, разоблачавших связи рейхсвера с правыми организациями, набор добровольцев на краткосрочные сборы и прочие нарушения Версальского договора.

Разумеется, с такими обвинениями выступали не только пацифистские круги, но и депутаты рейхстага, Немецкая демократическая партия, социал-демократы и чаще всего компартия.

Публикации, направленные против нарушения военных статей Версальского договора, поставили в порядок дня вопросы о судебном преследовании за разглашение государственной тайны. Возникла опасность, что эти публикации будут использованы западными державами. По вопросу о том, следует ли возбуждать подобные процессы, в Министерстве рейхсвера мнения расходились. Ведь именно они послужили бы лучшим доказательством того, что опубликованные разоблачения соответствуют действительности. Однако в конце концов было решено все же ради устрашения привлекать к суду по обвинению в государственной измене. Были проведены тысячи таких процессов. Важнейшие из них шли в имперском Верховном суде. В этих случаях Министерство рейхсвера предоставляло в распоряжение суда своих экспертов. Осенью 1930 года мне самому довелось выступать в качестве эксперта на процессе по делу Ноймана, одного из редакторов коммунистической газеты «Фрейхейт», опубликовавшей данные о незаконном производстве орудийных стволов на государственных заводах «Рейнметалл» в Дюссельдорфе. Моя экспертиза была весьма краткой: серийное производство орудийных стволов на заводах фирмы «Рейнметалл» подлежит засекречиванию, поскольку это запрещено Версальским договором. Опубликование соответствующих данных наносит ущерб государственным интересам. Нойман, мужчина лет тридцати, отказался от адвоката и защищался сам. По поводу моей экспертизы он ограничился лишь следующим замечанием: «Я не буду здесь полемизировать с господином капитаном. В своем заключении он, естественно, защищал профессиональные интересы». После этого Нойман обратился к представителю прокуратуры, обвиняя его в том, что он покрывает подготовку к новой войне. Далее Нойман подробно остановился на методах борьбы имперской прокуратуры против компартии, в частности, в ходе многочисленных процессов о государственной измене, и затронул при этом ряд важных вопросов. Нойман указал, что практика имперской прокуратуры и имперского Верховного суда имеет определяющее значение для деятельности судов низших инстанций. Именно поэтому в них подходят с разной меркой к обвиняемым по этим делам. Когда перед судом предстают на подобных процессах правые элементы (если вообще до этого доходит дело), то они, как правило, отделываются

незначительными наказаниями. Коммунистов же в таких случаях всегда приговаривают к длительным срокам тюремного заключения или к каторжным работам. Нойман привел целый ряд примеров, не сохранившихся в моей памяти. Как «политического преступника» его приговорили к двум годам заключения в крепости.

Впоследствии я убедился, что Нойман был прав. В наших судах действительно подходили к людям с разной меркой. История полностью подтвердила справедливость слов о подготовке новой войны. В таком же духе коммунисты выступали и в рейхстаге, и всюду, где только предоставлялась возможность. Но в рейхсвере из всего сказанного коммунистами обращали внимание только на то, что можно было использовать против них самих.

Обвинения по адресу рейхсвера, выдвигавшиеся в период 1924–1928 годов, были главным образом связаны с «черным рейхсвером», о котором Маркс рассказывал мне в 1924 году. Под «черным рейхсвером», вообще говоря, понимали все вооруженные формирования вне армии. В более узком смысле так называли нестроевые команды, расквартированные в пределах III военного округа в районе Кюстрина и в форте Ханеберг, в Шпандау. Во время путча Бухруккера в Кюстрине эти команды выступили совершенно открыто. Был раскрыт целый ряд убийств по приговорам тайных судов «черного рейхсвера», которые были приведены в исполнение якобы с целью обезопасить «черный рейхсвер» от «происков предателей».

«Черный рейхсвер» был создан фон Сектом, который рассчитывал в нужный момент, опираясь на него и на правоэкстремистские организации, начать вооруженную борьбу против французов и одновременно подавить левые элементы внутри страны. Все политические вопросы, связанные с «черным рейхсвером», относились к компетенции отдела Шлейхера. «Черный рейхсвер» был создан в 1922 году из солдат и офицеров — бывших членов фрейкора, который в последний период своего существования входил в состав так называемых частей самообороны Верхней Силезии, подчиненных гражданской администрации земли Пруссии.

После официальной ликвидации «гражданской самообороны» ландскнехтов не распустили, как рассказывал мне в свое время Маркс. Часть этих людей расквартировали в помещичьих имениях в Бранденбурге, Западной Померании, Мекленбурге. Здесь они были сведены в небольшие подразделения и вначале фигурировали как «сельскохозяйственные рабочие».

Другая группа этих бывалых ландскнехтов под командой

отставного майора Бухруккера была направлена в распоряжение штаба III военного округа (Берлин), где ей было поручено собирать бесхозное оружие, которого повсюду осталось великое множество, ремонтировать его и укрывать от Межсоюзнической военной контрольной комиссии. Числясь вольнонаемными служащими и рабочими при штабе округа, эти люди в действительности продолжали считать себя солдатами. Они сохранили обмундирование с ведома и при содействии военных инстанций III военного округа, были сведены в подразделения, проходили боевую подготовку и находились на казарменном положении. Кроме сравнительно немногочисленных «рабочих команд», отставному майору Бухруккеру был подчинен и довольно значительный резерв. Бухруккер время от времени вызывал часть своих «резервистов» в казармы, рассчитывая «в экстренном случае» призвать их всех до единого. Финансирование «черного рейхсвера» лишь в незначительной степени осуществлялось за счет военного бюджета. В основном, средства поступали от промышленников и землевладельцев. Кюстринский путч подтвердил существовавшие опасения: «рабочие команды», созданные в чисто военных целях, не преминули самовольно вмешаться в политику. Военизированные организации и союзы того времени по большей части открыто занимали крайнюю националистическую позицию; во внешней политике они развернули ожесточенную антифранцузскую кампанию, а во внутренней политике выступали против республиканской формы правления.

«Рабочие команды», с которыми военные союзы поддерживали постоянный контакт, были подчинены отставному обер-лейтенанту Шульцу, в свою очередь, работавшему под началом капитана Генштаба Кейнера в штабе III военного округа.

Когда в 1924 году было установлено, что люди из «черного рейхсвера» принимали участие в убийствах по приговорам их тайных судов, в Министерстве рейхсвера разгорелся спор о том, не лучше ли по внешнеполитическим соображениям воздержаться от судебных процессов по этим делам. Ведь в ходе их могло всплыть то обстоятельство, что Министерство рейхсвера, и прежде всего генерал фон Сект, в 1922–1923 годах готовилось оказать вооруженное сопротивление французским войскам при их вступлении на территорию рейха. Однако Гесслер и Шлейхер считали, что судебные процессы надо провести хотя бы уже для того, чтобы доказать полную непричастность официальных военных инстанций к тайным убийствам. Впоследствии в ходе этих процессов представители рейхсвера отрицали, что «черный рейхсвер» существовал с ведома руководства рейхсвера.

В конце концов убийства по тайным приговорам вызвали такую волну возмущения в стране, что рейхстаг образовал в 1926 году специальную комиссию по расследованию этих преступлений. Министр рейхсвера направил в эту комиссию меморандум, в котором начисто отрицал существование «черного рейхсвера» и признавал лишь наличие в прошлом «рабочих команд», созданных для сбора старого оружия. Подполковник Шлейхер в качестве представителя министерства был вызван в комиссию рейхстага, где ему пришлось отвечать на вопросы о том, имеются ли какие-либо документальные материалы о задачах, численности, организационной структуре «черного рейхсвера», о продовольственном снабжении и денежном вознаграждении в его подразделениях и т. д. Шлейхер отвечал, что по вполне понятным причинам соответствующие распоряжения почти всегда отдавались в устной форме. Тем самым он признал наличие связей между Министерством рейхсвера и «черным рейхсвером». Далее Шлейхер заявил, что в министерстве неоднократно давались указания избегать какой бы то ни было исходящей переписки по этим вопросам, а в тех случаях, когда без этого нельзя было обойтись, все документы, в том числе письма и записи личного характера, подлежали немедленному уничтожению.

Кампания, в ходе которой рейхсвер обвиняли в создании «черного рейхсвера», усилилась после того, как был оправдан делопроизводитель штаба III военного округа, отставной обер-лейтенант Шульц, один из руководителей «рабочих команд», представший перед судом по обвинению в неоднократном подстрекательстве к убийствам. Учитывая настроение общественности, нельзя было, однако, повторять эту оправдательную процедуру до бесконечности. В последовавшем вскоре процессе по делу об убийстве фельдфебеля Вильмса суд был вынужден приговорить Шульца к смертной казни. Ходатайство нескольких бывших генералов о помиловании Шульца, направленное имперскому министру юстиции Хергту (Немецко-национальная народная партия), продемонстрировало влияние военных на судебные органы. Национальный союз немецких офицеров и Немецкий офицерский союз, в свою очередь, обратились с таким же ходатайством в Министерство рейхсвера.

Военный эксперт подполковник фон Хаммерштейн выступил 1 февраля 1928 года с заявлением о невиновности Шульца. К этому присоединил свой голос и сам министр Тренер, потребовавший оправдания Шульца.

Вскоре смертный приговор Шульцу был заменен семью с

половиной годами тюрьмы, а в июне 1929 года этот преступник был выпущен на свободу «из-за угрожающего состояния здоровья», несмотря на то что против него было возбуждено еще три дела по обвинению в убийствах по приговорам тайных судилищ.

Исполнение подобных приговоров всегда было обдуманным подлым убийством. Почти во всех таких случаях людей убивали по одному подозрению, а то и по личным мотивам. Без какого-либо подобия следствия в «черном рейхсвере» ликвидировали как «предателей» тех, кто хотел бросить службу или хотя бы просто не поладил с сослуживцами. У меня сохранился комплект журнала «Тагебух» за 1926 год. В № 45 от 26 ноября 1926 года были опубликованы выдержки из протоколов Ландсбергских процессов по этим делам. Приведенные ниже отрывки из этой публикации наглядно свидетельствуют о том, какие закоренелые преступники находили пристанище в «черном рейхсвере»:

«…Как-то Том зашел ко мне и говорит: "Хорошую свинью подложил нам этот Ратсман. Яд, который он нам передал, не подействовал. Тогда я сам раздобыл цианистый калий… Клаппрот ждал в соседней камере, пока Янке не отдал богу душу… Если мне попадался кто-нибудь из тех, у кого рыльце в пуху, я с ним не церемонился — он получал свое сполна… А с лейтенантом Янке я бы и сам разделался… Ни в чем я не раскаиваюсь.

…В Кюстрин меня привели мои патриотические убеждения. Один обер-лейтенант еще в Берлине дал мне записку к обер-лейтенанту Фогту в Кюстрин, и тот сразу устроил меня к себе унтер-офицером. В армии я не был унтером…

Да, я бил его ремнем, чем же еще? А насчет пряжки не помню… Отпечатка слов "с нами Бог", которые выдавлены на пряжке, на его груди я не видел…

Тогда я обратился к обер-лейтенанту Шульцу, а тот вдруг спрашивает, приходилось ли мне в жизни кого-либо убивать? Я отвечаю: "Только на войне". Шульц снова спрашивает: "В твоих родных местах под Ганновером гиблые болота, трясины есть?"

Бюшинг пришел ко мне и сказал, что придется съездить в Кюстрин: там, мол, есть один всамделишный коммунист, надо его убрать. Ну, мы и поехали…

Бюшинг с заднего сиденья кричит: "Что, будем кончать его?" Я кивнул и еду дальше. Тут я и услышал два выстрела. Глязер побелел как полотно, а Бюшинг говорит: "В случае чего валите все на меня!" А я ему: "Не валяй дурака! Главное — держать язык за зубами!"

Для нас и в 1923 году война не кончилась. Все было, как на

фронте…"».

Поскольку разоблачения на процессах по делам тайных приговоров и убийств вызвали бурю возмущения, а самое главное — поскольку Министерство рейхсвера уже не могло больше категорически отрицать существование «черного рейхсвера», министру Гесслеру пришлось опубликовать в газете «Берлинер тагеблат» (в номере от 31 октября 1926 года) статью, озаглавленную «Черный рейхсвер, рабочие команды и краткосрочные сборы добровольцев». В этой статье он, между прочим, писал:

«Если под "черным рейхсвером" понимать нелегальную армию или воинские части вне рейхсвера, разрешенного Версальским договором, признаваемым и поддерживаемым имперским правительством и Министерством рейхсвера, то ничего подобного не было. "Черный рейхсвер" существовал лишь как замысел, как план, прежде всего как пропагандистский лозунг, выдвигавшийся определенными кругами в Германии. Эти круги исходили из убеждения, что существующие вооруженные силы, ограниченные Версальским договором, не достаточны ни для обороны отечества, ни для противодействия подрывным силам внутри страны в период социальных бурь и потрясений. И генерал фон Сект и я сам всегда со всей решительностью открыто выступали против этих планов, которые, не говоря уж об их противозаконности, не выдерживали критики и с чисто военной точки зрения…

Люди в рабочих командах никогда не были военнослужащими ни в дисциплинарном, ни в военно-юридическом смысле. Это были гражданские служащие и рабочие. Однако они имели определенные познания в обращении с оружием, поскольку без этого была бы немыслима их работа, подчас весьма опасная и требовавшая от них истинной самоотверженности. Я считаю своим долгом подчеркнуть, что рабочие команды с честью справились с теми особыми задачами, которые поставило перед ними наше государство».

Таким образом, Гесслер вновь попытался вопреки общеизвестным фактам отрицать существование «черного рейхсвера» и выгородить фон Секта, а заодно и себя. В то же время, высоко отзываясь о «рабочих командах», он благодарил «за службу» именно «черный рейхсвер».

Фон Сект также высказался по этому вопросу, не пытаясь, впрочем, идти против фактов. 16 мая 1928 года, то есть полтора года спустя после своей отставки, в статье «Добровольческие отряды и рейхсвер», опубликованной в газете Немецко-национальной народной партии «Дейче тагесцейтунг», он, между

прочим, писал:

«С растущим беспокойством истинные патриоты следили тогда за развитием тех событий, которые теперь в ходе судебных процессов становятся объектом лживой и разнузданной политической пропаганды и фигурируют под ярлыками "черный рейхсвер", "убийства по тайным приговорам" и т. д. Я здесь не ставлю вопроса о том, неизбежны ли были эти события, хотя сам лично и считаю, что предотвратить их было можно и должно». И далее: «Неужели так трудно понять, что в то время [то есть в первые послевоенные годы. — В. М.] многие, в том числе и наиболее светлые умы, пришли в смятение! В те годы ожесточенной и изнурительной внутренней борьбы не только смешались понятия "твое" и "мое", но упала в цене и сама жизнь человеческая. Тем более понятно, что, завидев действительного или предполагаемого предателя, люди мгновенно выхватывали пистолеты, которые в те дни не ставили на предохранитель. Второй вопрос — ответственность рейхсвера… Как бывший военный руководитель рейхсвера, я полностью беру ее на себя. Только глупцы могут поверить, что я сам или кто-либо из моих подчиненных в то время отдали хотя бы один приказ об убийстве. Я несу ответственность за все, происходившее в рейхсвере под моим руководством. Я не хочу и не могу рассуждать о том, мог ли я все знать и мог ли я многое предотвратить. Кто решится ответить на этот вопрос за меня — шаг вперед!»

Это было открытое оправдание тайных судилищ и защита убийц, выполнявших их приговоры.

Некоторое время упомянутая выше специальная комиссия рейхстага находилась в Мюнхене, расследуя политические убийства в Баварии, совершенные нацистами и членами организации Эшериха. Так, еще в 1921 году близ Мюнхена была повешена служанка Мария Зандмайер, которая решила выполнить распоряжение властей и сообщила им о спрятанном оружии. Но случилось так, что служащий, которому она передала данные об оружии, сам организовал ее «ликвидацию». Убийства по приговорам тайных судов совершались и в Западной Померании, и в Мекленбурге. Исполнителями «приговоров» были добровольцы из отряда Росбаха, расквартированные в местных помещичьих имениях.

Левая пресса в то время подробно освещала процессы над убийцами. Напротив, правые газеты, как правило, писали о них более сдержанно. Зато они использовали эти процессы как повод для разнузданной шовинистической пропаганды и всячески выгораживали преступников. «В глазах свободного народа эти люди (то есть палачи из «черного рейхсвера») являются

выразителями народного правосознания», — писала, например, газета «Фелькишер курир» 9 октября 1925 года. Нашлись даже, с позволения сказать, ученые-юристы, такие, как профессора Крюкман, Эткер и Гримм, выступившие в защиту убийц. Так, профессор права Крюкман из Министерского университета опубликовал в газете «Дейче цейтунг» от 25 февраля 1926 года статью, в которой потребовал немедленного оправдания преступников, полностью обоснованного, по его мнению, с юридической точки зрения.

Нацисты же прославляли убийц как «национальных героев». Фрик в газете «Фелькишер беобахтер» от 13 марта 1928 года утверждал, что в данном случае речь идет не об убийствах, а о «своеобразном военном трибунале над наемными вражескими агентами». Он требовал оправдания убийц, ибо, как он писал, «ликвидируя предателей родины, они действовали самоотверженно и были проникнуты тревогой за судьбы отечества в дни тяжких испытаний». «Вот почему, — заключал Фрик, — они заслужили не наказание, а благодарность!»

В октябре 1930 года все участники убийств по приговорам тайных судов были амнистированы. Еще до этого — в июле 1928 года — сроки заключения им были сокращены наполовину, а приговоренным к смерти казнь была заменена семью с половиной годами тюрьмы.

Вопрос о том, поддерживал ли «черный рейхсвер» связи с нацистами в 1922–1923 годах, не заслуживает особого внимания, ведь они, в сущности, не отличались друг от друга.

Почему «черный рейхсвер» был засекречен? Конечно, уж не потому, что его подразделения занимались сбором старого оружия — этим занимались во многих районах страны, хотя, пожалуй, и не в таких масштабах, как в III военном округе. Решающим для «черного рейхсвера» было то, что он являлся скрытым резервом армии.

Фон Сект по настоянию правых кругов создал этот резерв и держал его наготове для осуществления своего авантюристического плана; опасаясь оккупации Германии французскими войсками, он намеревался оказать им вооруженное сопротивление. Однако, по свидетельству того же Бухруккера, было предусмотрено и возможное использование «черного рейхсвера» для подавления левых сил внутри страны.

В доме Министерства рейхсвера на Бендлерштрассе в Берлине размещалось и Управление военно-морских сил, начальник которого был непосредственно подчинен министру Гесслеру. Ряд конкретных вопросов (комплектование, дисциплинарный устав и другие) Управление военно-морских сил

и Управление сухопутных сил решали совместно. К оперативному отделу Управления сухопутных сил был постоянно прикомандирован офицер связи от моряков. При мне этот пост занимал капитан-лейтенант Хейе. Но лишь с 1926 года, когда в феврале отдел Шлейхера был реорганизован в военно-политический отдел, Гесслер для обеспечения единого политического контроля в армии и флоте прикомандировал к нашему отделу офицера из Управления военно-морских сил. Если память мне не изменяет, это был капитан-лейтенант Лангсдорф.

Подразделения и корабли военно-морского флота базировались главным образом в Вильгельмсхафене (Северный военно-морской округ), в Киле (Балтийский военно-морской округ) и в Пиллау. Поэтому флот реже попадал в поле зрения общественности, чем его «старший брат» — сухопутные силы рейхсвера. Но и в военно-морских силах приходилось сталкиваться с теми же проблемами, и здесь точно так же культивировали старые традиции — традиции кайзеровского флота, точно так же нарушали запрет участвовать в политической деятельности, устанавливали связи с правыми организациями и тайно проводили разного рода «подготовительные шаги», то есть мероприятия, запрещенные Версальским договором.

Капповский путч, в котором флотское командование и сам начальник Управления военно-морских сил адмирал фон Трота играли руководящую роль, на первых порах тяжело сказался на состоянии флота. На большинстве боевых кораблей командование перешло к мичманам и унтер-офицерам, весь кадровый офицерский корпус флота в течение некоторого времени был фактически отстранен от службы; лишь постепенно, к концу 1920 года, порядок на флоте был восстановлен и кадровые морские офицеры вновь взяли командование в свои руки. Отряды фрейкора, в первую очередь морские бригады Эрхардта и Левенфельда, до поры до времени предоставили флот самому себе, но зато развернули экстремистскую политическую кампанию в стране. Таким образом, дух и традиции кайзеровского флота возродились прежде всего на суше — их носители ставили своей задачей устранить «внутреннего врага» и подготовить установление «такого порядка», который соответствовал бы интересам офицерской касты старого флота. Организации, возникшие из бывших морских отрядов фрейкора, были в первых рядах врагов республики. Несмотря на то что военно-морские союзы были объявлены политическими организациями, они продолжали поддерживать и расширять свои связи с флотом. Немудрено, что и в военно-морских силах постепенно участились «чрезвычайные происшествия».

В 1926 году в центре внимания немецкой общественности находился фильм известного советского режиссера Эйзенштейна «Броненосец "Потемкин"». Этот фильм о восстании в царском Черноморском флоте в 1905 году, сразу же после поражения России в Русско-японской войне бросил в дрожь наше флотское офицерство, и прежде всего потому, что живо напомнил ему о восстании 1918 года в кайзеровском флоте. Полемика по поводу допущения фильма на экраны страны, получившая широкое отражение в печати всех направлений, была, пожалуй, почти так же интересна, как и сам фильм. Вначале киноцензура запретила «Броненосец "Потемкин"» как фильм, «угрожающий общественному спокойствию и безопасности». Однако после многочисленных протестов против этого запрета Главное управление по цензуре фильмов разрешило демонстрацию «Броненосца "Потемкин"», обосновав это решение тем, что «фильм, посвященный одному конкретному историческому событию, не может представить угрозу общественному спокойствию и безопасности».

Отдел Шлейхера настаивал на запрещении фильма; представлять точку зрения отдела было поручено капитану Риттеру фон Шпеку. Впрочем, сам Шлейхер вначале был против запрета. Он считал, что это лишь наделает шуму и в итоге интерес к фильму еще более возрастет. Но после того как начальник Управления военно-морских сил адмирал Ценкер обратился по этому вопросу непосредственно к министру рейхсвера, демонстрация фильма была все же на первых порах запрещена.

Тотчас после отмены запрета и выхода фильма на экраны правая печать, особенно газеты Гугенберга, и прежде всего «Берлинер локальанцейгер». повела против него кампанию. Правительство земли Пруссия, ссылаясь на то, что «Броненосец "Потемкин"» допущен Главным управлением по цензуре фильмов, разрешило его демонстрацию. Верховный прокурор отказался опротестовать это решение. В конце концов по настоянию земельных правительств Вюртемберга, Баварии, Тюрингии и Гессена Главное управление киноцензуры вынуждено было вновь рассмотреть вопрос о допущении фильма. Наиболее убедительным аргументом сторонников разрешения «Броненосца "Потемкин"» было то обстоятельство, что демонстрация этого фильма ни в коей мере не привела к «нарушению общественного спокойствия и безопасности», хотя к тому времени его посмотрели уже миллионы людей на тысячах сеансов во всех концах страны.

В отсутствие Гесслера начальник Управления сухопутных сил

фон Сект и начальник Управления военно-морских сил Ценкер издали совместный приказ, запрещающий военнослужащим просмотр этого фильма. Тем самым они, как говорится, «сохранили лицо», но в то же время сделали фильму наилучшую рекламу. Этот приказ свидетельствовал о том, что его авторы боялись исторической правды, в данном случае правды о русской революции 1905 года, которая могла бы послужить примером для подражания. Они стремились исключить всякую возможность сравнения царского флота с кайзеровским, восстания на «Потемкине» с восстанием 1918 года в немецком флоте. Вообще, по мнению Управления военно-морских сил, фильм мешал предать забвению всю историю проигранной мировой войны и не способствовал повышению боевой готовности.

В Киле существовал «Императорский яхт-клуб» — частная организация, в которой легально состояли и кадровые военнослужащие флота и служащие ведомств и учреждений республики. Однако уже по одному лишь названию клуба нетрудно было себе представить, что на собраниях его членов произносили монархические речи, провозглашали здравицы в честь отрекшегося кайзера, клялись в верности и любви «царствующему дому». Примечательно, что такое положение длилось не один год, не вызывая никаких возражений у флотского начальства. Когда общественность узнала об этом, министр рейхсвера Тренер потребовал от «Императорского яхт-клуба» изменить название, заявив, что в противном случае кадровые морские офицеры должны будут выйти из клуба.

Надо сказать, что в отличие от Управления сухопутных сил, где после чрезвычайного положения 1923–1924 годов по крайней мере старались довести до минимума число «чрезвычайных происшествий» и по возможности не вызывать нареканий со стороны общественности, на флоте ничего не изменилось. Здесь даже не пытались предпринять что-либо в этом направлении. Только после распространения компетенции отдела Шлейхера на все вооруженные силы удалось усилить влияние министра рейхсвера в военно-морском флоте. Но влияние это само по себе давно уже приобрело сомнительную ценность, во-первых, в силу той обстановки, которая складывалась и в сухопутных силах, а во-вторых, ввиду неспособности министра рейхсвера Гесслера проводить в жизнь принятые решения. Гесслер вообще считал, что заставить военнослужащих старой армии, то есть прежде всего бывших офицеров, служить республике можно лишь силой убеждения. При этом он был против воскрешения в каком-либо варианте «патриотического преподавания», полностью скомпрометировавшего себя в годы мировой войны, и полагал,

что надо терпеливо убеждать этих людей в необходимости сознательно отнестись к республике в соответствии с государственными интересами. Любое принуждение, по утверждению Гесслера, явилось бы здесь не чем иным, как проявлением милитаризма, столь решительно осужденного. В приказах, изданных Гесслером, речь шла главным образом о том, что запрещалось военнослужащим. Но в рейхстаге он выступал в защиту нарушителей этих приказов. Если же, считаясь с общественным мнением, Гесслер в отдельных случаях и принимал против них какие-то меры, то при этом он всегда старался, чтобы «и волки были сыты, и овцы целы». В войсках и штабах соответственно относились к этим «принятым мерам»: «Вы, наверху, вынуждены так поступать по политическим соображениям. Поэтому нам приходится делать на свой страх и риск то, что мы считаем нужным и правильным и что, в общем, соответствует и планам самого Министерства рейхсвера». В таком духе неоднократно высказывался, например, начальник разведотдела штаба II военного округа (Штеттин) капитан (впоследствии майор) граф Брокдорф-Алефельдт, поддерживавший особенно тесный контакт с нашим отделом.

Постоянным камнем преткновения для рейхсвера был в этой связи праздник в честь конституции, который отмечался ежегодно 11 августа, в годовщину дня подписания в 1919 году веймарской конституции президентом Эбертом. Как правило, рейхсвер обязан был принимать участие в этих торжествах, регламентация которых, понятно, от него не зависела. Министерство рейхсвера настаивало на том, чтобы праздник этот «не принимал характера политической демонстрации».

Торжества проводились обычно гражданскими властями, которые привлекали к участию в нем и союз «Рейхсбаннер». Естественно, что в речах, произносимых в этот день, затрагивались и вопросы текущей политики. Это шло вразрез с установками относительно «надпартийности» рейхсвера. По этому поводу командиры частей нередко обращались с жалобами в министерство. Немудрено, что здесь командиры проявляли куда больше активности, чем по поводу праздников традиционных союзов.

Мне самому вместе с подполковником фон Бредовом довелось в качестве представителя Министерства рейхсвера в 1929 и 1930 годах принимать участие в торжественных собраниях по случаю Дня конституции, проходивших в «Опере Кролля» в Берлине. В 1929 году с докладом на торжественном собрании выступал социал-демократ Давид. Он назвал веймарскую конституцию «самой свободной в мире конституцией».

Но, работая в отделе Шлейхера, я на опыте убедился, куда вела подобная «свобода». Серьезным пороком «самой свободной в мире конституции» было то, что она предоставляла врагам республики такие же, если не большие, права, как и ее сторонникам. И враги республики воспользовались этим в полной мере. Именно это и побудило Гитлера в 1930 году во время лейпцигского процесса по делу офицеров ульмского гарнизона взывать к законности и под присягой поклясться в том, что он не намерен захватить власть силой, а хочет прийти к ней законным путем.

Шлейхер-политик

До отмены чрезвычайного положения в 1924 году я не знал в подробностях о тех разносторонних связях, которые Шлейхер поддерживал вне рейхсвера. Впервые я имел случай убедиться в этом в марте-августе 1924 года, в разгар дискуссий о принятии плана Дауэса по урегулированию проблемы репараций. Шлейхер вместе с фон Сектом и Гесслером выступал за принятие этого плана в качестве временного решения, тем более что оно предполагало впервые после войны переговоры на равноправной основе, а не подчинение Германии диктату победителей. Шлейхер пытался повлиять в этом направлении прежде всего на Немецко-национальную народную партию, которая, выступив против плана Дауэса, добилась в результате на выборах в рейхстаг в мае 1924 года значительного увеличения числа поданных за нее голосов. Некоторые статьи правительственного законопроекта по принятию плана Дауэса были равнозначны поправкам к конституции, ибо в соответствии с экспертным заключением Дауэса — крупного американского банкира — предполагалось преобразовать государственные железные дороги в акционерное общество. Чтобы провести эти статьи в рейхстаге, требовались голоса примерно половины депутатов Немецко-национальной народной партии. В те дни частыми гостями у Шлейхера были депутаты Шланге-Шёнинген и Линдейнер-Вильдау, принадлежавшие к умеренному крылу этой партии. Судя по всему, именно они являлись в своей фракции проводниками влияния Шлейхера. Шлейхеру ставили в заслугу то, что при голосовании в рейхстаге около половины депутатов Немецко-национальной народной партии поддерживали законопроект, собравший, таким образом, необходимые две трети голосов.

Но офицеры из Министерства рейхсвера с их крайне правой ориентацией обвиняли Шлейхера в том, что он компрометирует рейхсвер, выступая за «политику выполнения обязательств». Резко критиковали Шлейхера и в Национальном союзе немецких офицеров. Повторяли ядовитый вопрос: какое, собственно говоря, отношение к репарационной политике имеют Министерство рейхсвера вообще и Шлейхер, в частности? А ведь было ясно, как день, что рейхсвер был весьма заинтересован в урегулировании внутриполитических вопросов, связанных с выплатой репараций. Разумеется, и такие специфические аспекты плана Дауэса, как выпуск заемных обязательств под обеспечение имперских железных дорог, имели самое непосредственное отношение к вооруженным силам.

В том же направлении Шлейхер повлиял на Немецко-национальную народную партию и в 1925 году, когда на повестке дня стоял Локарнский пакт.

К Шлейхеру приходили множество посетителей. Дожидаясь, пока вечно занятый подполковник попросит их в свой кабинет, они нередко беседовали и со мной. Первую группу посетителей составляли «спасители», как в шутку окрестили их сотрудники отдела. Это были прежде всего военные, по большей части генералы, приходившие с различными проектами «спасения нации» и чаще всего отвергавшие «политику исполнения обязательств». Так, однажды в отдел явился какой-то отставной генерал (Шлейхер величал его «ваше превосходительство» — следовательно, в старой армии он был по меньшей мере генерал-лейтенантом). Он собирался основать националистический журнал и требовал для этой цели 40 тысяч марок. Отчаявшись отговорить его от этого намерения, Шлейхер, потеряв терпение, спросил: «А сколько вы запросите за то, чтобы воздержаться от издания такого журнала?»

На этом беседа и окончилась. Как только генерал удалился, Шлейхер рассказал мне о том, что произошло. Посетителям такого рода не раз приходилось выслушивать от Шлейхера подобные саркастические отповеди.

Заходил к Шлейхеру и уже упомянутый отставной генерал-лейтенант фон Леттов-Форбек, бывший командующий немецкими колониальными войсками в Восточной Африке. Ему нужны были деньги, куча денег, чтобы рассчитаться со своими «аскари» — туземными солдатами в бывшей Германской Восточной Африке, которые тщетно дожидались невыплаченного жалованья. По мнению генерала, это имело важнейшее значение для будущей колониальной политики Германии. Денег Леттов-Форбек не получил. Его требование было не только несвоевременно, но и неосуществимо по соображениям как внутренней, так и внешней политики.

Отставной генерал-лейтенант фон Крамон — в годы войны представитель кайзеровской ставки при Главном командовании австро-венгерской армии — хлопотал у Шлейхера о монархистах. Начиная с 1926 года, к Шлейхеру стал часто наведываться венгерский военный атташе. Он, между прочим, передавал ему содержание бесед со своими коллегами — иностранными военными атташе в Берлине. Генерала в отставке Фогта интересовали вопросы физической подготовки и военного обучения молодежи; в этой области он подвизался и в последующие годы. Наезжал к нам и отставной подполковник фон Виллизен, веселый и жизнерадостный человек, «дядя Виль»,

как называл его Шлейхер. В 1919 году Виллизен был начальником штаба командования Пограничной стражи «Восток», а теперь он был своим человеком в «Клубе господ». Его интересовали в первую очередь внутриполитические проблемы Пруссии. Позднее я узнал, что фон Виллизен в 1930 году оказывал определенное влияние на круги Немецко-национальной народной партии, добиваясь от них лояльного отношения к кабинету Брюнинга. Не раз появлялся в отделе и помещик Фридрих фон Винтерфельд, член Немецко-национальной народной партии, одно время возглавлявший ее фракцию в прусском ландтаге. Его очень беспокоило наметившееся сближение с Францией и Англией, за которое ратовал Шлейхер.

Довольно часто встречал я в отделе и бывшего, статс-секретаря Министерства иностранных дел барона фон Рейнбабена, входившего в Немецкую народную партию — партию Штреземана. Брошюры по внешнеполитическим вопросам, написанные им позднее, свидетельствуют о том, что и он во многом разделял взгляды Шлейхера. Последний поддерживал контакт и с политиками Немецкой народной партии Дингельдеем и Курциусом.

Заходил к Шлейхеру и депутат прусского ландтага от этой партии Марецки, выступавший против коалиции с социал-демократами, партией Центра и Демократической партией в правительстве Пруссии и перешедший в 1925 году в Немецко-национальную народную партию.

Изредка, точнее говоря, лишь перед обсуждением бюджета в комиссии рейхстага на прием к Шлейхеру приходили и социал-демократические депутаты Шепфлин и Штюклен. Отдел установил также контакт с Лебером и Штампфером. Перед избранием Гинденбурга в президенты частым гостем был у нас депутат рейхстага от баварской Народной партии майор запаса Лойбль. Шлейхер поддерживал связи и с политиками Центра — Марксом, Брюннингом, Штегервальдом и Эрзингом.

С личными просьбами обращались к Шлейхеру и его бывшие однополчане — отставные офицеры и фельдфебели, главным образом из 3-го гвардейского пешего полка, в котором он начинал когда-то службу. Иногда Шлейхер поручал мне проследить за исполнением этих просьб. Из этих просителей мне запомнился один молодой демобилизованный офицер — граф фон унд цу Кастелль, сын или племянник полковника графа фон унд цу Кастелля, командира запасного батальона 2-го гренадерского пешего полка, к которому я был прикомандирован в мае 1915 года перед отправкой в Турцию. Полковник был приземистым толстяком с добродушной физиономией старого пьяницы. Я был

представлен ему в Берлине и, помнится, привел его в ярость, назвав «господин полковник», а не «господин граф». Разгневанный полковник, до этого приветливо говоривший со мной, тут же прервал разговор.

Осенью 1925 года в приемной отдела я познакомился с генерал-лейтенантом в отставке Тренером. Не в пример всем прочим отставным генералам, которых мне довелось видеть, он не смотрел на других сверху вниз, держался непринужденно и приветливо и говорил со мной без покровительственного тона. Я к тому времени уже познакомился с его военно-научными трудами о минувшей войне. Мне сразу же бросилась в глаза та сердечность, с какой Шлейхер и Тренер взаимно приветствовали друг друга. Впрочем, я знал, что Шлейхер раньше работал в самом тесном контакте с Тренером.

Так, например, перед войной он с ним работал в отделе военных перевозок Генштаба, затем в 1916–1917 годах, когда Тренер возглавлял Управление военной промышленности, и, наконец, в конце октября 1918 года, когда Тренер сменил Людендорфа на посту генерал-квартирмейстера Генерального штаба сухопутных сил. Знал я и то, что правые круги, в частности, некоторые бывшие генералы, вели против Тренера яростную клеветническую кампанию. Они не могли простить ему ту роль, которую он сыграл в отречении кайзера и бегстве его в Голландию. Между прочим, именно Тренер заявил кайзеру, что действующая армия готова в полном порядке отойти на территорию Германии под командованием своих генералов, «но не под командованием его императорского величества». Недруги Тренера были творцами и пропагандистами пресловутой легенды «об ударе кинжалом в спину».

В те дни Тренер как раз собирался поехать в Мюнхен, чтобы выступить в качестве свидетеля на процессе, получившем название «процесса об ударе кинжалом». Поводом к этому делу, которое слушалось в октябре 1925 года, явилась статья издателя журнала «Зюддейче монатсхефте» профессора Коссмана, обвинившего СДПГ в том, что при ее участии «фронту был нанесен удар кинжалом в спину». Социал-демократическая газета «Мюнхнер пост» опубликовала ответ Коссману, который после этого подал в суд на ее редактора Грубера за оскорбление.

У Шлейхера бывали и представители деловых кругов — майор фон Харбоу, которого Шлейхер знал еще по совместной работе в Верховном командовании в годы войны, и отставной майор фон Кригсхейм. Оба они занимали руководящие посты в Имперском сельскохозяйственном союзе. Заходили и знакомые Шлейхеру бывшие офицеры, работавшие теперь в Имперском

союзе немецких промышленников и в Объединении союзов немецких предпринимателей. Один из его бывших сослуживцев работал в Немецком калийном синдикате, о котором Шлейхер, впрочем, не хотел и слышать: этот концерн, исходя из своих эгоистических интересов, одно время ориентировался исключительно на французов. Заслуживает упоминания, что ротмистр Планк, от которого Шлейхер получал информацию по вопросам экономики, был близким другом главы концерна Вольфа в Кёльне и с его помощью в 1933 году получил директорский пост в этом концерне. Шлейхер был хорошо знаком и с членом правления судоходной компании «ГАПАГ» в Гамбурге фон Хольтцендорфом; в 1929 году Шлейхер устроил его сына, с которым служил в годы войны, к себе в отдел вольнонаемным референтом по вопросам сельского хозяйства и «остхильфе» — «восточной помощи». Деловые связи начальник отдела поддерживал и с председателем Имперского сельскохозяйственного союза Шиле, впоследствии имперским министром продовольствия.

Фюрер «Стального шлема» Зельдте наведывался регулярно — два-три раза в месяц. В отличие от своих публичных выступлений в приемной Шлейхера он держал себя весьма скромно. Иногда он говорил и со мной о своих «планах». По его замыслу, «Стальной шлем» следовало превратить в своеобразный резерв рейхсвера, в хранителя и продолжателя боевых традиций старой армии, ибо сам рейхсвер не мог играть эту роль по политическим соображениям. От Шлейхера Зельде часто выходил с явно разочарованным видом.

Представители «Младогерманского ордена» всегда являлись в отдел втроем: Великий командор Мараун, канцлер ордена Борнеман и один из ведущих сотрудников этой организации — отставной генерал Зальценберг.

Иногда, беседуя со мной, они осторожно критиковали «Стальной шлем», говорили о том, что немецкая молодежь сплошь и рядом лишена идеалов и что славные традиции германского рыцарства могли бы ее воодушевить. Посещения представителей ордена становились все реже и в 1926 году прекратились совсем.

С весны 1925 года Шлейхер стал уделять все больше времени «большой политике» — в частности, президентским выборам и внешнеполитическим проблемам. Теперь он подолгу отсутствовал. Поэтому в отделе был введен новый служебный распорядок. До тех пор он вызывал референтов и сотрудников к себе поодиночке, выслушивая их доклады и давая указания. Теперь на это у него не хватало времени, и с марта 1925 года он

почти ежедневно стал проводить рабочие совещания со всем составом отдела. Сотрудники выполняли текущую работу и сдавали мне, как начальнику канцелярии отдела, папки с отчетами. По вечерам я отправлял эти материалы, оформив и засекретив их, как положено, на квартиру к Шлейхеру, который просматривал их, снабжал своими замечаниями и на следующее утро на очередной «летучке» раздавал исполнителям. Вначале это лишь облегчало техническую сторону нашей работы — волокита вообще была у нас не в чести. Однако предпосылкой таких рабочих совещаний было неограниченное доверие Шлейхера к своим сотрудникам. В то же время они привели и к тому, что сотрудники отдела, в том числе и я, были постоянно в курсе всех наших дел и отлично знали взгляды Шлейхера по всем актуальным политическим вопросам. К тому же Шлейхер проводил «летучки» очень живо, перемежая свою речь шутками и остротами, высказывался обо всем крайне откровенно, с большим юмором говорил о людях и событиях.

28 февраля 1925 года после тяжелой болезни скончался президент республики социал-демократ Эберт. Шлейхер пришел в этот день в министерство, как всегда, после обычной утренней прогулки верхом по аллеям Тиргартена. Не успел он войти в свой кабинет, как к нему вбежал начальник оперативного отдела подполковник Иоахим фон Штюльпнагель. Впопыхах он даже не прикрыл двери из кабинета в приемную, и до меня долетели его слова: «Рейхсвер, конечно, должен взять в свои руки организацию похорон президента. Не хватало еще, чтобы мы шли на похоронах под красными знаменами! Чего доброго, придется выводить под красным знаменем целую часть для оказания покойному воинских почестей». Шлейхер ответил: «Полегче! Уже создана правительственная комиссия по организации похорон, которой поручено совместно с руководством

Социал-демократической партии разработать весь церемониал». Когда Штюльпнагель ушел, Шлейхер сказал мне: «Мне бы их заботы! Они не понимают да и никогда не поймут, чем они обязаны Эберту. Если уж о чем нужно беспокоиться, то лишь о том, кто станет следующим президентом!»

Было затем решено, что один эскадрон 4-го кавалерийского полка будет сопровождать тело президента при переносе его из санатория в Потсдаме в его дом на Вильгельмштрассе, где должно было состояться прощание с покойным. Меня, помнится, позабавило, что выбор пал именно на 4-й кавалерийский полк, еще сохранивший в какой-то степени свое былое гвардейское обличье. На правительственную траурную церемонию были приглашены из военных лишь высшие офицеры армии и флота.

Шлейхер, у которого, как я слышал, были отличные отношения с покойным президентом, получил приглашение лишь с помощью ротмистра Планка, состоявшего при рейхсканцелярии в качестве офицера связи от Министерства рейхсвера. После траурной церемонии на Вильгельмштрассе кортеж по заранее установленному маршруту проследовал к Потсдамскому вокзалу — согласно его завещанию, Эберта похоронили не в Берлине, а в его родном Гейдельберге. И в этом траурном шествии от рейхсвера приняли участие те же приглашенные на церемонию офицеры. Им пришлось идти под сенью многочисленных красных знамен.

С большим вниманием я наблюдал за подготовкой к выдвижению кандидатуры нового президента; на первых порах Шлейхер попал при этом в затруднительное положение. Министр рейхсвера доктор Гесслер собирался было выставить свою собственную кандидатуру. Однако министр иностранных дел Штреземан, возражавший против этого по внешнеполитическим соображениям, быстро положил конец его надеждам. Начальник Генштаба фон Сект также претендовал на президентское место. С этой мыслью он носился уже давно, намереваясь раньше выставить свою кандидатуру в 1926 году, после истечения полномочий Эберта.

Шлейхер советовал Секту повременить, ибо было почти невероятно, чтобы кто-либо из выставленных кандидатов получил уже в первом туре необходимое для избрания абсолютное большинство голосов. Так оно и случилось. Но после этого Сект забеспокоился. Будучи офицером канцелярии у Шлейхера, я сам не раз имел возможность убедиться в этом. Не только адъютант фон Секта, но и его супруга то и дело звонили Шлейхеру, который в эти дни редко появлялся в министерстве. Я хорошо запомнил, как Шлейхер говорил сотрудникам отдела, что, по его мнению, Сект ни за что не получит даже относительного большинства, ибо СДПГ, демократы и партия Центра уже сошлись на кандидатуре бывшего рейхсканцлера Маркса (партия Центра). Я тогда рискнул сделать следующее замечание: «Трудно представить себе надменную физиономию Секта с моноклем на предвыборном плакате! Это наверняка отпугнет многих избирателей!»

Наконец после одного из совещаний в межпартийном комитете Лебелля, на котором шли переговоры о выдвижении совместной кандидатуры от всех правых партий, Шлейхер сообщил нам: «Итак, решено: выставляем кандидатуру Гинденбурга! Старик сначала отнекивался, но в конце концов дал согласие. Для правых партий это единственная возможность

провести своего кандидата. Гинденбург — победитель при Танненберге — стал почти легендарной фигурой. Ну, а то обстоятельство, что в 1918 году именно он, возглавляя Генеральный штаб сухопутных сил, проиграл войну, избиратели, конечно, упустят из виду. Впрочем, в его пользу, пожалуй, говорит то, что его бывший первый помощник генерал Людендорф порвал с ним и в ноябре 1923 года принял участие в гитлеровском путче в Мюнхене. Приняв присягу на верность республике, Гинденбург не нарушит ее хотя бы уже из религиозных соображений. Пусть наши правые на этот счет не обольщаются. Но он, бесспорно, не допустит и дальнейшего сдвига влево. Рейхсвер может быть доволен. Гинденбург всегда будет проявлять к нам интерес и помогать нам».

КПГ и СДПГ, а также пацифистские круги боролись против избрания на пост президента бывшего фельдмаршала, квалифицируя это как демонстрацию милитаризма. Противники Гинденбурга приводили в доказательство его высказывания, из которых мне особенно запомнились следующие два.

Однажды фельдмаршал заметил, что война подействовала на него благотворно, как курорт, а в разговоре с одним американским капитаном сказал: «Мы отомстим, хотя бы и через сто лет, ибо история повторяется. Больше всего на свете я мечтаю, чтобы мне суждено было еще раз поднять оружие против Франции». Эти приписываемые Гинденбургу слова были в свое время опубликованы в немецкой печати.

Гинденбург был избран простым большинством, получив 14,6 миллиона голосов; его противник Маркс собрал 13,7 миллиона голосов. Чашу весов склонила в пользу фельдмаршала Баварская народная партия, которая не поддержала Маркса — кандидата партии Центра. У меня сложилось впечатление, что дело здесь не обошлось без участия Шлейхера. Во всяком случае, депутат рейхстага от Баварской народной партии майор Лойбль несколько раз заходил к Шлейхеру в те дни, когда было решено выставить кандидатуру Гинденбурга.

С избранием Гинденбурга рейхсвер и правые силы в стране обрели надежную опору. Вскоре после вступления фельдмаршала на пост президента Шлейхер заметил в разговоре:

«Нашим правым дураков не занимать. Некоторые "провидцы" уже называют Гинденбурга регентом империи. Это, конечно, вздор, хотя старик в душе и монархист. Но присягу на верность республике он принимает всерьез. Кое-кто из правых предлагает даже создать при президенте Министерство двора, как при кайзере. Кстати, я уже вызывал Оскара Гинденбурга и вразумил его, чтобы он ограничился своей ролью при отце и ни в коем

случае не впутывался в политику и не занимался сплетнями и интригами».

Подполковник рейхсвера Оскар фон Гинденбург стал адъютантом своего отца, президента (как и Шлейхер и сам фельдмаршал, Гинденбург-младший начинал в свое время службу в 3-м гвардейском пешем полку). Впоследствии Шлейхер сам пользовался услугами Гинденбурга-младшего, чтобы добиться от президента поддержки в различных вопросах.

В то время я воспринял избрание Гинденбурга с удовлетворением. В рейхсвере в те дни все были довольны.

В Министерстве рейхсвера избрание Гинденбурга не прошло без последствий. Прежде всего результатом его явился разрыв между Шлейхером и Сектом, мечтавшим о президентском кресле. Сект считал, что Шлейхер изменил ему в решающий момент, и не скрывал теперь своего враждебного отношения к подполковнику. Осенью 1925 года начальник Войскового управления генерал-лейтенант Хассе был переведен на пост командующего III военным округом. Его место занял генерал Ветцель, в прошлом один из ближайших сотрудников Людендорфа. Сект, который терпеть не мог Людендорфа, не возражал, однако, против кандидатуры Ветцеля, Гинденбург называл Ветцеля «путаником».

С тех пор Сект стал еще больше своевольничать. Его связь с министерством совсем ослабла. Многие офицеры из его непосредственного окружения, и прежде всего из управления генерала Ветцеля, подкапывались под Шлейхера. Последний, однако, пользовался могущественной, хотя и негласной поддержкой министра Гесслера, и Сект, зная это, не решался доводить дело до скандала. Недруги Шлейхера снова вспомнили о том, что, будучи штабным офицером, он никогда не командовал воинской частью. Особенно резко критиковали Шлейхера за его сотрудничество с руководством СДПГ. Сект решительно возражал против этого еще в 1923 году. Противники Шлейхера сознательно забывали о том, что именно с помощью социал-демократических лидеров ему удалось добиться в рейхстаге принятия военного бюджета. Генерал Ветцель дошел даже до того, что в первом полугодии 1926 года, когда фон Бредов замещал тяжело и долго болевшего Шлейхера, пытался перетащить к себе некоторых сотрудников отдела, который в то время уже был изъят из его ведения. Однако он потерпел при этом полную неудачу.

С этих пор военно-политический отдел далеко не во всех случаях получал информацию от других отделов министерства о тех предписаниях и решениях Секта, которые могли бы привести к последствиям политического характера. Так, например, несмотря на запрещение министра, продолжалась подготовка

добровольцев на краткосрочных сборах, то есть краткосрочное военное обучение студентов и членов правых организаций, которое было введено в 1923 году для того, чтобы подкрепить подразделения рейхсвера. Также не были распущены даже на западе Германии, в том числе в демилитаризованной зоне, подрывные отряды, так называемые фельдъегерские группы, созданные в том же 1923 году для проведения саботажа. Мы в своем военно-политическом отделе узнавали об этих и других подобных проявлениях неповиновения и самоуправства лишь с течением времени из докладов с мест о «чрезвычайных происшествиях», но еще чаще из выступлений против рейхсвера в рейхстаге и в печати. Чаще всего инициатором этих выступлений была Коммунистическая партия, но они исходили также и от социал-демократов, из Немецкой демократической партии и из пацифистских кругов. В результате рейхсвер не только остался мишенью для политических нападок — именно этого Шлейхер и стремился избежать, — но, более того, все чаще стал попадать в центр внимания общественности.

После всего, что я узнал и в чем убедился на своем опыте, я перестал автоматически относиться с почтением к высшим чинам Министерства рейхсвера, сколь бы ответственные посты они ни занимали.

Гораздо лучшее впечатление производил на меня сам министр рейхсвера доктор Гесслер, хотя, будучи всего лишь офицером канцелярии у Шлейхера, я, разумеется, не общался с министром непосредственно. Гесслер не был мелочен, умел искусно отражать все нападки на рейхсвер в парламенте и в печати. Впрочем, еще чаще в своих ответах он ловко обходил суть дела и говорил о чем-нибудь другом. Я не мог понять лишь одного: почему Гесслер так долго терпит фон Секта с его чванством, высокомерием, своеволием и постоянным стремлением размежеваться с министерством?

24 и 26 ноября 1925 года в рейхстаге были так называемые большие дни: шло обсуждение Локарнского пакта, гарантировавшего западные границы Германии, которая подписала этот договор как равноправный партнер Англии, Франции, Италии и Бельгии. В газетных отчетах о дебатах в рейхстаге 24 ноября я прочел выступление министра иностранных дел Штреземана. Локарнский договор, подчеркивал Штреземан, служил делу мира, и германское правительство вовсе не обязано после его заключения изо дня в день повторять, что оно желает сохранять дружбу с Россией. Однако дебаты приняли все же весьма острый характер. Депутаты Коммунистической партии и Немецко-национальной народной партии выступили

против договора. Коммунисты при этом отмечали, что Германия, поддерживавшая до сих пор относительно добрососедские отношения с Советским Союзом, теперь переходит в лагерь его врагов, а представители Немецко-национальной народной партии видели в Локарнском пакте добровольное подчинение версальскому диктату.

Мне удалось раздобыть гостевой билет на следующее заседание рейхстага, на котором продолжалось обсуждение договора. Непринужденное, а подчас нейтральное, чтобы не сказать — безучастное поведение большинства депутатов меня не удивило. Эта картина была мне знакома по обсуждениям в рейхстаге военного бюджета, на которых мне уже доводилось присутствовать. В тот день в числе выступавших депутатов социал-демократов был и депутат Ландсберг, обвинивший представителей Немецко-национальной народной партии в том, что они выступают против договора лишь для завоевания дешевой популярности. Депутат-коммунист Шнеллер полемизировал с социал-демократом Вельсом, который, выступая на предыдущем заседании, призывал к перевоспитанию рейхсвера в демократическом духе. От Коммунистической партии на этом заседании выступила Клара Цеткин. Основная мысль ее выступления заключалась в том, что Локарнский договор не служит делу мира, а, напротив, втягивает Германию в антисоветский фронт западных держав. Тогда я еще не мог этого понять. Мне казалось, что Локарнский договор действительно способствует сохранению мира. В то же время я не придавал особого значения таким выступлениям, как речь председателя Немецко-национальной народной партии графа фон Вестарпа, который говорил, что о признании послевоенных границ на Востоке не может быть и речи и что Германия должна сохранить полную свободу рук по отношению к Советскому Союзу. Последующие события воочию показали мне, насколько я был тогда близорук.

Осенью 1926 года и в начале 1927 года в рейхстаге разгорелись дебаты о положении в рейхсвере. В то время я уже покинул военно-политический отдел и заканчивал третий курс высшей военной подготовки. Однако я, разумеется, внимательно следил за ходом дебатов, которые детально освещала вся немецкая печать. Я черпал информацию главным образом из газеты «Берлинер тагеблат», которую выписывал не потому, что придерживался ее политической линии, а потому', что она, на мой взгляд, была в то время самой интересной из берлинских газет главным образом благодаря хорошо поставленному отделу культурной жизни. К тому же крайне правых газет я

принципиально не читал.

В центре дебатов стоял вопрос о комплектовании рейхсвера. Руководство СДПГ, постоянно призывавшее к «республиканизации рейхсвера», вынуждено было предпринимать соответствующие демарши и в рейхстаге, чтобы оправдать этот лозунг в глазах рядовых членов партии. Так, социал-демократ Лёбе, выступая в рейхстаге, предложил поручить комплектование рейхсвера органам гражданской администрации, подотчетной рейхстагу, например, кому-либо из статс-секретарей или специальным парламентским комиссарам. Предложение это, по словам Лёбе, было направлено исключительно против однобокой политической ориентации в вопросах комплектования вооруженных сил. Депутат от СДПГ Вельс немного времени спустя сказал об этом: «Мы боремся не против рейхсвера, а за рейхсвер, стремясь превратить его в надежный инструмент республики».

С ответом на предложение Лёбе выступил в январе 1927 года в газете «Дейче альгемейне цейтунг» генерал пехоты Рейнхардт, командующий II военным округом (город Кассель). Министр рейхсвера Гесслер предварительно одобрил эту статью. Генерал Рейнхардт слыл республиканцем, и именно поэтому ему поручили выступить в печати с ответом Лёбе. Для полноты картины следует в этой связи упомянуть и о том, что набор добровольцев в рейхсвер проводился в то время непосредственно в частях строевыми офицерами на уровне командиров рот.

Рейнхардт писал в статье, что солдат, разумеется, должен обладать целым рядом положительных качеств, но установить в ходе какой-либо предварительной проверки, обладает ли ими тот или иной доброволец, к сожалению, невозможно. Поэтому, приходил он к выводу, нецелесообразно решать вопросы комплектования рейхсвера централизованно. Лучше проводить вербовку на местах, так сказать, «среди земляков». Существовавший до сих пор порядок набора добровольцев, по мнению генерала, оправдал себя с практической точки зрения. Рейнхардт призывал в будущем ориентироваться в комплектовании лишь на те слои населения, которые с энтузиазмом относятся к задачам обороны, ибо убежденные сторонники лозунга «Не бывать новой войне!» не могут быть хорошими солдатами. К тому же среди широких масс членов левых партий едва ли найдутся люди, «готовые служить отчизне с оружием в руках».

Статья генерала Рейнхардта вызвала сочувственные отклики среди офицеров в Министерстве рейхсвера. На курсах Генштаба, где я в то время учился, также считали, что сторонники республиканизации армии из СДПП получили достойный отпор.

Руководство Немецкой демократической партии, к которой принадлежал и министр рейхсвера Гесслер, выразило свое возмущение тем обстоятельством, что Рейнхардт, хотя и в косвенной форме, обвинял партию в негативном отношении к обороне страны. Председатель Немецкой демократической партии, депутат рейхстага Кох-Везер, опубликовал в «Берлинер тагеблат» открытое письмо Рейнхардту, в котором решительно отвергал подобные обвинения. По мнению Кох-Везера, статья генерала являлась еще одним свидетельством односторонней политической ориентации и неосведомленности военного руководства. Депутат напоминал о том, что Немецкая демократическая партия из года в год голосовала за военные бюджеты. Позднее имел место обмен открытыми письмами по тому же вопросу между Кох-Везером и Гесслером, в результате которого министр рейхсвера вскоре вышел из Немецкой демократической партии.

Итак, Лёбе и его единомышленникам не удалось решить в свою пользу спорные вопросы комплектования армии (это, разумеется, относилось и к военно-морскому флоту). Руководство рейхсвера выиграло эту битву в парламенте и укрепило свои позиции, тем более что и второе требование социал-демократов — назначение парламентского статс-секретаря в Министерство рейхсвера — не было выполнено. Впоследствии социал-демократическая фракция еще неоднократно выступала с критикой рейхсвера, но при этом неизменно голосовала за его бюджет. А больше от нее ничего и гге требовалось.

В ходе дебатов о комплектовании вооруженных сил еще раз подтвердилось, что правые партии, и прежде всего Немецко-национальная народная партия, считали рейхсвер своим детищем и не скупились на похвалы в его адрес. Они поддержали аргументацию генерала Рейнхардта в вопросах комплектования:

«Надежный и превосходно подготовленный рейхсвер является у нас одним из немногих действенных инструментов государственной власти… Мы и впредь будем выступать за то, чтобы рейхсвер сохранил свое независимое военное руководство, без которого вообще немыслимы вооруженные силы. Это руководство должно свободно и самостоятельно решать вопросы комплектования военной администрации и командования».

Эта мысль красной нитью проходила через речь председателя Немецко-национальной народной партии и председателя ее парламентской фракции графа фон Вестарпа, произнесенную в рейхстаге 3 февраля 1927 года.

Многие офицеры рейхсвера считали, что поводом к дебатам о комплектовании явилась отставка фон Секта. После избрания

Гинденбурга на пост президента республики (фон Сект, как уже отмечалось, сам рассчитывал занять этот пост) начальник штаба никого больше не признавал. Но еще более ослабив контакт с министром рейхсвера Гесслером, фон Сект подорвал в результате и свое политическое влияние.

В 1926 году он самовольно разрешил старшему сыну бывшего кронпринца принять участие в учениях 9-го пехотного полка в Потсдаме. Сведения об этом проникли в печать и взбудоражили общественность. Сект, лишенный поддержки Гинденбурга и Гесслера, вынужден был по требованию министра рейхсвера 9 октября 1927 года подать в отставку. Многие офицеры были очень огорчены уходом Секта, вспоминая прежде всего о 1923 годе, когда он был в зените своего могущества и олицетворял их мечту о власти «твердой руки». Отставка фон Секта укрепила положение министра рейхсвера.

Преемник фон Секта генерал-полковник Хейе не оправдал возлагавшихся на него надежд. Во-первых — и это самое важное, — ему не удалось создать себе авторитет в офицерском корпусе. В этом сыграло свою роль и то, что, будучи в ноябре 1918 года начальником оперативного отдела Генштаба, Хейе лично спрашивал многих полковых командиров, сохранили ли их подразделения боеспособность. Те отвечали отрицательно. Поздней Хейе ставили в вину то, что подобная постановка вопроса уже сама предопределяла ответ. Вскоре после своего назначения Хейе совершил поездку в США и в страны Латинской Америки. Мне не приходилось слышать о каких-либо полезных результатах этого вояжа. Зато предметом общих насмешек были золотые или серебряные аксельбанты к парадному мундиру, введенные Хейе сразу же по возвращении, в армии их окрестили «обезьяньими качелями». Кроме того, Хейе «украсил» выходную форму блестящими погонами и петлицами. Особенно шокировал офицеров следующий случай. Во время инспекционной поездки в какую-то часть Хейе, узнав, что у одного из солдат день рождения, тут же пригласил его «пропустить стаканчик». Однако еще большее негодование возбуждало то, что, выступая перед солдатами в частях, Хейе предлагал им обращаться непосредственно к нему с жалобами и просьбами в нарушение принятого порядка подачи жалоб по инстанции. Что же до Министерства рейхсвера, то здесь, по моим впечатлениям, присутствие Хейе особенно не ощущалось.

Подмоченный престиж Хейе привел к тому, что для многих офицеров генерал-полковник стал своего рода козлом отпущения — ему приписывали все нежелательные новшества и вообще считали его виновником всех бед. Но зато в руководстве

рейхсвера теперь не было разногласий, ибо Хейе старался лояльно сотрудничать с министром.

Никого не удивляло, что теперь, когда жизнь вошла в колею, рейхсвер в еще большей степени стал объектом внутриполитической борьбы. Это было не случайно. Многочисленные противоречия, терзавшие республику, не могли не отразиться на положении армии в государстве и на политике рейхсвера. Военное руководство рейхсвера в доказательство своей верности республике постоянно ссылалось на то, что в 1923 году именно рейхсвер оградил ее от натиска справа и слева. И все же рейхсвер не был армией республики да и не мог ею быть; все, без исключения, генералы рейхсвера и подавляющее большинство офицеров не только достались ему в наследство от разбитой кайзеровской армии, но вообще стремились создать новое государство по образу и подобию сгинувшей империи (это не исключало, конечно, что по частным вопросам они придерживались разных точек зрения и спорили о методах достижения своей цели). Те силы общества, на которые опиралось руководство рейхсвера и с которыми его сближала политическая традиция, были враждебны республике. Сваливая все на версальский диктат, влиятельные круги, таким образом, стремились снять с себя ответственность за войну, за ее агрессивные цели, за поражение и восстановить свои старые позиции. Спору нет, версальский диктат был неравноправным и позорным договором, который отдал немецкий народ на милость грабивших его держав-победительниц. Само собой разумеется, Германия должна была сделать все, чтобы стряхнуть с себя ярмо Версаля. Немецкий народ считал это своим национальным долгом. Вопрос заключался лишь в том, по какому пути следовало идти к достижению цели — по пути национальной политики, взаимопонимания и мирного урегулирования всех спорных вопросов (Рапалльский договор показывал правильное направление движения) или по пути сознательного обострения обстановки внутри страны, разжигания шовинизма и подготовки к новой войне.

В отличие от фон Секта Шлейхер был сторонником прозападной политики «исполнения обязательств». Он стремился повышать боевую готовность населения и подвести под рейхсвер широкую социальную базу, обеспечив ему поддержку всех политических сил — от правых до социал-демократов. Шлейхер особенно решительно выступал против военных ограничений Версаля. Но решающую роль для будущего развития Германии сыграло то, что все меры, направленные на повышение обороноспособности Германии, одновременно служили

подготовке к новой войне. Если вначале целью было лишь постепенное укрепление рейхсвера, то уже очень скоро стала пробиваться явная тенденция к военному реваншу. В этот период — в середине двадцатых годов — нацисты только что начали заново воссоздавать свою партию. Но и в самом рейхсвере — в этом ядре будущей массовой армии — многочисленные факторы обусловливали развитие в том же направлении. Такими факторами были в первую очередь подготовка самой армии, ее сотрудничество с военно-политическими союзами, продолжение старых традиций и тайные военные мероприятия.

Этому развитию способствовала и пресловутая легенда «об ударе кинжалом в спину».

«Весь этот миф — сплошной вздор! — сказал однажды Шлейхер по поводу уже упомянутого мюнхенского «процесса об ударе кинжалом». — Мы все отлично знаем, что исход войны в 1918 году определялся бесконечной цепью причин и следствий. Считать революцию 1918 года единственной причиной нашего разгрома глупо. Сама революция была не причиной, а следствием. Положение было безвыходным и с военной, и с внутриполитической, и с международной, и с экономической точек зрения. Конечно, революционные экстремисты не сидели сложа руки, но свободу действия они обрели лишь благодаря затяжной войне. Теперь восторжествовало мнение, что поражение объясняется только разразившейся революцией, и никого уже не переубедишь. Нам по крайней мере не надо впутываться в это дело, иначе и весь рейхсвер, чего доброго, втянут в спор о том, кто повинен в исходе войны».

Подобная точка зрения была противоречивой в своей основе. Правые, включая нацистов и всевозможные военные союзы, превратили легенду «об ударе кинжалом в спину» — эту злонамеренную подтасовку причин и следствий — в один из основных лозунгов своей антиреспубликанской пропаганды. Они стремились тем самым ввести в заблуждение бывших солдат относительно истинных причин поражения 1918 года и превратить их в убежденных сторонников военного реванша. Но именно на эти силы опирался рейхсвер. Поэтому он и не мог последовать совету Шлейхера и «не впутываться в это дело».

Пропагандисты лживого мифа «об ударе кинжалом в спину», то есть все правые, а также подавляющее большинство офицеров (хотя последние подчас и оставались в тени, не выступая непосредственно перед лицом общественности), были настроены против республики или, во всяком случае, относились к ней очень сдержанно, лицемерно признавая республику «умом, но не сердцем». Несмотря на расхождения в отдельных деталях, все эти

люди не имели с республикой решительно ничего общего. Это в одинаковой степени относилось и к убежденным монархистам, для которых она была хуже чумы, и к тем, кто, просто отвергая республику по существу, лил воду на ту же мельницу. Все они боролись против демократии, ибо она предоставляла определенные права трудовому народу, и в то же время сами использовали демократические учреждения для своей антиреспубликанской подрывной работы.

Завершение высшей военной подготовки и работа в имперском архиве

С 1 октября 1926 года я был откомандирован для прохождения третьего и последнего года обучения на курсах помощников командиров при Министерстве рейхсвера.

Непосредственно политикой там я уже не занимался, но продолжал внимательно следить за политическим развитием, в первую очередь за всем, что касалось рейхсвера.

В военно-политический отдел я заходил теперь редко, хотя и сохранил дружеские отношения со своими прежними сослуживцами. В политической обстановке, прежде всего в ее аспектах, связанных с рейхсвером, я ориентировался по прессе. Кроме того, Шлейхер прочел слушателям нашего семинара несколько лекций (кажется, четыре) по актуальным политическим проблемам. Кое-что мне рассказывали и майор фон Бредов, и капитан Нольдехен, принявший от меня дела в канцелярии отдела, и другие офицеры отдела, с которыми я время от времени, как бывало и раньше, совершал небольшие «вечерние турне» по берлинским ресторанам и пивным.

Курсы при Министерстве рейхсвера находились в подчинении начальника отдела боевой подготовки полковника фон Бломберга (с весны 1927 года его сменил на этом посту полковник Лист). Начальником курса был у нас майор Генштаба Утт, с которым я как-то повздорил по телефону, еще в ноябре 1923 года, в бытность офицером канцелярии у Шлейхера. Впоследствии я не раз встречался с ним в приемной у Шлейхера. Утт терпеть меня не мог, но в разговорах со Шлейхером, который при случае спрашивал его о моих успехах, давал обо мне самые положительные отзывы. На курсе были двадцать слушателей. С большинством из них я познакомился здесь впервые. Отношения у нас установились хорошие, товарищеские. После окончания курсов при распределении никто не старался обойти и «подсидеть» других, хотя в Генштаб направляли далеко не всех.

Программа третьего года обучения существенно отличалась от двух предыдущих, которые я окончил, соответственно, в 1921 и 1922 годах при штабе V военного округа в Штутгарте. Тактику мы проходили здесь уже в масштабе корпуса. Преподавание истории военного искусства ограничивалось, в основном, разбором отдельных операций минувшей войны и лишь дополняло курс

тактики. Причины войны и отдельные ее стадии в их взаимосвязи при этом не затрагивались. Кроме упомянутых предметов, мы слушали лекции высших офицеров различных родов оружия.

В отличие от первых годов обучения нас знакомили теперь и с текущей работой Министерства рейхсвера. Так, осенью 1926 года подполковник Генштаба фон Бонин, начальник III отделения организационного отдела, прочел нам доклад о политической обстановке в связи с Локарнским договором. Докладчик подчеркнул, что Германия в Локарно добровольно признала свои западные границы. Для каких-либо военных мероприятий на западе страны, которые к тому же были возможны лишь вне демилитаризованной зоны, Германия, по мнению докладчика, еще недостаточно окрепла. Тем большее внимание следовало уделить охране восточных границ.

Представители Управления вооружений читали нам лекции об опыте последней войны в области экономики и техники, о стратегическом сырье и его источниках, постоянно упирая при этом на необходимость своевременно подготовиться к мобилизации всех ресурсов страны. Они подчеркивали, что с экономической точки зрения крайне важно, чтобы Германия, прежде всего в силу ограниченности ее сырьевых ресурсов, никогда больше не оказалась вынужденной вести войну на два фронта. О соответствующих организационных мероприятиях докладчик, разумеется, говорил лишь в самых общих чертах.

В перерывах между лекциями мы, слушатели курсов, толковали друг с другом о делах служебных, о начальстве — одним словом, обо всем, что нас тогда занимало. Разговоры на политические темы велись обычно в шутливом тоне. Часто они начинались с моего упоминания о той или иной статье в демократической «Берлинер тагеблат». Большинство моих товарищей предпочитали газету «Берлинер Бёрзенцейтунг», связанную с кругами Немецко-национальной народной партии, или «Дейче альгемейне цейтунг», слывшую официозом. Отдел Шлейхера время от времени инспирировал в этих газетах публикации по актуальным вопросам, непосредственно затрагивавшим интересы рейхсвера.

В начале июня 1927 года, окончив курсы, я в числе других слушателей получил высшее военное образование и мог теперь работать в Генштабе. Но сперва мне, как и всем слушателям, предстояло пройти стажировку в войсковых частях — соответственно, по четыре недели в 6-м батальоне связи в Ганновере и в 6-м автобатальоне в Мюнстере, чтобы получить практическое представление об этих родах войск.

Во второй половине июня 1927 года я взял отпуск и совершил

с женой поездку в Италию, где на время я отключился от всех военных дел. И в последующие годы, вплоть до начала Второй мировой войны, я неоднократно бывал в Италии, и каждый раз с одной и той же целью: еще в гимназические времена, зачитываясь книгами Якоба Буркхардта «История Ренессанса в Италии», «Руководство к познанию сокровищ итальянского искусства» и «История греческой культуры», я мечтал когда-нибудь поехать на юг и своими глазами увидеть эту чудесную страну — колыбель греческой и римской цивилизации.

К тому времени я прочел также несколько немецких работ о фашизме, который пришел к власти в Италии после «похода на Рим» в октябре 1922 года. Авторы их давали фашизму разноречивые оценки. Узнал я и о том, что нацисты в Германии, начиная с 1923 года, в своих многочисленных статьях и выступлениях солидаризировались с итальянскими фашистами. Я же осуждал фашизм прежде всего за те бесчеловечные политические методы, с помощью которых он установил в Италии свою диктатуру.

Во время нашей поездки по стране нам с женой довелось присутствовать на фашистских парадах и митингах в Риме, Флоренции и других местах. Тогда я склонен был видеть в них лишь проявление известного пристрастия южан к театральным эффектам.

После короткой остановки в Болцано мы поехали во Флоренцию, а оттуда в Рим и Неаполь. Прожив в каждом из этих городов по нескольку дней, мы затем отправились на Сицилию, которая в те годы считалась центром сопротивления фашистскому режиму.

Меня, как я уже сказал, интересовали прежде всего красоты природы и памятники культуры и искусства. Я вновь увидел Флоренцию, в которой еще в 1921 году прожил почти месяц. Только зная историю Флоренции и ее жестокие войны с другими итальянскими городами и не менее жестокую внутреннюю борьбу между флорентийскими сановниками и народом, можно до конца понять и оценить памятники ее архитектуры, сокровища искусства и весь облик этого города.

При осмотре Рима мне пригодилось знакомство с систематически публиковавшимися в «Берлинер тагеблат» работами искусствоведа Зигфрида Лилиенталя, писавшего под псевдонимом Фриц Шталь. Читал я и такие труды по истории и культуре Италии, как работы Виктора Хеена, француза Шарля де Бросса, а также «Историю папства» Ранке и «Путешествие по Италии» Гёте. Для меня Рим, как ни один другой город в мире, являл собой картину грандиозного исторического развития,

этапами которого были и Римская империя, и папский Рим, и упорная борьба германских императоров с папами в разные века, и бурное время Ренессанса. Не менее поучительным было и чередование эпох в истории культуры великого города.

В Риме меня влекли к себе прежде всего приметы, вернее, уцелевшие памятники истории двух с половиной тысячелетий с ее взлетами и падениями многовекового развития, которое породило западноевропейские государства с их культурой и в то же время принесло народам столько страданий.

Воочию увидел я и то, что представлял собой современный Рим под властью фашизма, поставившего себе непосильную задачу — восстановить былую империю. Осмотр римских достопримечательностей я ограничил, в основном, прогулками по Палатину и посещениями Ватикана и его музеев и собора Святого Петра. Сколь ни величественное впечатление производил этот собор внешне и сколь ни роскошно было внутреннее убранство, я, сравнивая его с мечетью Айя-София в Стамбуле, невольно отдавал предпочтение этому творению Византийской империи, отколовшейся от Рима. Простота и ясность линий церкви «святой мудрости» выгодно отличали ее от собора Святого Петра с его почти угнетающей пышностью, характерной для эпохи барокко — этого стиля, порожденного духом контрреформации. Именно собор Святого Петра во всем его пышном великолепии заставил меня отказаться от моих старых симпатий к рококо и барокко (особенно нравились мне до этого некоторые памятники церковного зодчества в Австрии и Баварии), сколь ни замечательны отдельные его творения в Риме — такие, например, как виллы Боргезе и Фарнезе, Пантеон и старые церкви Святой Констанции и Святого Климента. Так или иначе пребывание в Риме подействовало на меня в этом отношении отрезвляюще, что, впрочем, вовсе не помешало мне любоваться другими достопримечательностями и красотами Вечного города.

Неаполь, несмотря на все свое очарование, произвел на меня тягостное впечатление. В узких переулках перенаселенного города царила страшная нужда. Вся хваленая романтика Неаполя с его песнями и музыкой выглядела как декорации ярмарочного балагана и была лишь приманкой для туристов. Музыкальные, но нищие неаполитанцы старались поживиться за счет многочисленных, падких на зрелища иностранцев. Видел я и памятник Конрадину — последнему королю Сицилии из немецкой династии Гогенштауфенов, разгромленному и обезглавленному его соперником Карлом Анжуйским, французским претендентом на сицилийскую корону. Не представляя художественной ценности, эта скульптура

воскрешала в памяти первое серьезное поражение завоевательной политики германских императоров в средневековой Италии.

Я не воспользовался представившейся возможностью съездить с небольшой группой немецких туристов в Канны, где в 216 году до нашей эры карфагенский полководец Ганнибал окружил и наголову разгромил римские легионы. Во время отпуска хотелось забыть обо всем, что имело отношение к войне. Поэтому я предпочел поездку в Пестум, где среди пустырей и болот высятся руины греческого города V века до нашей эры с храмами Посейдона и Деметры, которые напоминают сразу и о беспощадности времени и о долговечности творений человека. За все мое пребывание в Неаполе подлинное удовольствие доставила мне лишь поездка на остров Капри. Побывал я, конечно, и на развалинах Помпеи.

На Сицилии — некогда житнице Древнего Рима — меня сразу же поразила нищета населения, которая все больше бросалась в глаза по мере того, как мы от прибрежных районов направлялись в глубь острова. Возможно, именно этой горькой нуждой и объяснялось то, что во времена фашизма Сицилия считалась особенно ненадежной. На острове нам рассказали о многочисленных столкновениях местного населения с карабинерами. Сицилианцы, как и жители Неаполя, отличались набожностью, что, впрочем, ни в малейшей степени не повлияло на их гордость и мстительность — на острове бывали еще случаи кровной мести. Большой интерес вызвали у меня памятники греческой цивилизации на Сицилии, в частности, в Селинунто и в Агригенто. В архитектуре сицилийских городов сохранилось немало руин и памятников IX века — периода господства сарацинов, под властью которых на Сицилии, как и в Южной Испании, расцвела высокая культура, уничтоженная впоследствии норманнскими завоевателями.

Гробница германского императора Фридриха II Гогенштауфена в Палермском соборе напоминала о последней попытке сделать Сицилию центром могучей германо-итальянской империи и о стремлении этого императора-вольнодумца воскресить в Средние века традиции науки и культуры древнего Средиземноморья. Блестящий двор Фридриха II привлек множество художников, ученых и искусных ремесленников, но империя его оказалась все же недолговечной. «Прыжок» на Сицилию, предпринятый Фридрихом с целью нанести удар папству с севера и юга, закончился плачевно. В самой Германии долгое отсутствие императора постепенно свело на нет его власть. В то же время в Сицилии и в Южной Италии он не смог набрать достаточно сил, чтобы обрушиться и с севера и с юга на

папу, которого поддерживала в то время Франция.

Во время нашей поездки по Италии мы останавливались в больших отелях. Познакомиться с жизнью простого народа там было довольно трудно даже при моем знании итальянского языка. Поэтому я много бродил по рынкам и подолгу сидел в дешевых ресторанчиках, хотя от запаха пережаренного оливкового масла и чада у меня трещала голова. Еще в Германии кто-то из знакомых говорил мне: «Если хочешь знать Италию не только по бедекеру, заходи почаще в траттории, но, перед тем как зайти, посмотри, сидят ли за столиком два-три священника. Коли сидят — заходи смело: готовят хорошо и винцо славное». За время поездки я на опыте убедился в справедливости этих слов. Однако в неплодородных районах страны (а их в Италии немало) я встречал и священников, которые сами жили в бедности и хорошо понимали, что такое горькая нужда в их приходах.

Примечательно, что и во время моих поездок в Италию в последующие годы итальянцы, с которыми я беседовал, не раз говорили мне, что при фашистском режиме условия жизни заметно ухудшились. После того как в 1937 году меня заставили сдать экзамен по итальянскому языку, меня дважды командировали на стажировку в итальянскую армию.

Коль скоро я вспомнил о личных, сугубо невоенных вещах, то заодно скажу несколько слов и о моих любимых занятиях в свободное время, к которым я пристрастился еще с гимназических времен. В период учебы на курсах высшей военной подготовки в Штутгарте и во время работы в Берлине с ноября 1923 года круг моих интересов значительно расширился, между прочим, не без влияния некоторых моих сослуживцев по отделу Шлейхера — в первую очередь Отта, Маркса и Шпека.

Больше всего я увлекался историей, литературой, а также изобразительными искусствами и театром, в том числе самыми модернистскими направлениями.

Говорил об этом я неохотно и уж тем более не стремился при случае щегольнуть эрудицией и, что называется, пустить пыль в глаза; я хотел лишь расширить свой кругозор и сделать свой досуг содержательным и интересным.

В Берлине я жил на Вильгельмштрассе, поблизости от Малого театра на Унтер-ден-Линден, но не подозревал о его существовании до тех пор, пока майор Отт не сказал мне как-то, что в этом театре ставят самые интересные и злободневные социально-критические пьесы. Первьм спектаклем, который я посмотрел посте этого на его сцене, была французская пьеса «Гробница Неизвестною солдата», посвященная мировой войне и политической спекуляции на памяти ее жертв, которая

процветала во Франции так же, как и у нас. С тех пор я стал чаще посещать этот театр. В 1932 году я видел там драму Густава фон Вангенхейма «Здесь зарыта собака». Я вообще предпочитал драму остальным жанрам и поэтому из других берлинских театров чаще всего посещал театр Макса Рейнхардта, Государственный драматический театр, театр на улице Штреземана и теагр «Ренессанс».

Помню, я долго находился под впечатлением английской пьесы «Та сторона». Она свидетельствовала о том, что в годы войны люди по обе стороны фронта жили в одних и тех же условиях. И у нас и в окопах наших врагов солдаты ругали войну и офицеров, утопали в грязи, задыхались от смрада, хоронили убитых товарищей, издевались над новичками из пополнения, думали главным образом о еде, о письмах из дома и все вновь и вновь гадали, когда же наконец кончится война. Пьеса хорошо передавала грубый окопный юмор. На меня она подействовала как-то умиротворяюще; стало быть, думал я, нам жилось не лучше и не хуже, хотя мы и проиграли войну. И тут и там все расхлебывали солдаты-фронтовики.

Однако надо сказать, что роман Барбюса «Огонь», который я прочел еще в 1916 году, показывал события военных лет во всей их сложности гораздо полнее, глубже и ясней. Это был, бесспорно, антивоенный роман, тогда как английская пьеса с ее залихватским тоном, по сути дела, приукрашивала войну, хотя жизнь солдат-окопников была в ней показана весьма достоверно.

Живя в центре города, я по воскресеньям в плохую погоду посещал близлежащие государственные музеи. Но с еще большим интересом ходил я в Кристальпаласт у вокзала Лертер банхоф на вернисажи модернистского искусства. Посетителями Кристальпаласта, судя по одежде и манерам, были главным образом жители буржуазного берлинского запада. Что до меня, то «новое искусство» — за некоторым исключением — я воспринимал как вырождение живописи, как бегство художника от действительности. Кстати, позднее нацисты вели кампанию не против подобного искусства как такового, а лишь против отдельных художников-новаторов, которых они клеймили как «вырожденцев» за их свободомыслие, а иногда и за пацифистские убеждения.

Книг о войне, если не считать военно-исторических трудов, я не читал до тех пор, пока в 1928 году не появилась «Война» Людвига Ренна, а в 1929 — роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен».

Из современных немецких писателей мне больше других нравились Франц Верфель, Томас и Генрих Манны, из зарубежной

классики — Стендаль, Бальзак, Франс и Лев Толстой.

Что касается берлинских журналов, то с наибольшим интересом я читал «Ди Вельтбюне». В этом журнале, с которым вначале мне пришлось познакомиться в служебном порядке, меня привлекали острые статьи на темы дня, литературные рецензии и не в последнюю очередь публикации по социальным вопросам, а иногда и выступления, касавшиеся рейхсвера и других военных проблем. Это был ярко выраженный антивоенный, пацифистский журнал, занимавший по отношению к рейхсверу резко отрицательную позицию. И все же мне он очень нравился, хоть я был весьма далек от пацифизма. Позднее я приобрел книги Курта Тухольского — одного из основных авторов «Ди Вельтбюне», в том числе сборник его статей, опубликованных в этом журнале. Читал я и другой пацифистский журнал — «Дер Тагебух». Статьи на актуальные политические темы здесь были лучше, чем в «Ди Вельтбюне», они носили более конкретный характер и отличались глубиной критических выводов и обобщений. Более или менее регулярно просматривал я журнал «Квершнитт», выходивший в издательстве Ульштейна. Среди литературщины и халтуры в этом журнале все же попадались — и довольно часто — содержательные критические статьи по злободневным вопросам политики, литературы и искусства. Впрочем, и эти статьи были выдержаны, скорее, в либерально-примиренческих тонах.

Все эти журналы импонировали мне своим независимым критическим духом, который, как я думал тогда, вообще отличал Веймарскую республику. Надо сказать, что атмосфера тех лет со всеми ее противоречиями, острыми политическими конфликтами и громкими скандалами все же казалась мне благотворной. Это в моих глазах и было мерилом свободы. И мне не приходило тогда в голову задать себе вопрос: свобода — для кого? Для врагов республики?

Как и подавляющее большинство офицеров, я в то время жил, в основном, на жалованье. По характеру своему я был необщителен и не любил откровенничать. Пожалуй, именно поэтому я в полной мере пользовался всем тем, что давал Берлин; хоть я родился и вырос в Баварии, мне нравилась берлинская жизнь с ее бешеным темпом, где каждый был предоставлен самому себе. По обычаю, заведенному в военно-политическом отделе майором фон Бредовом, я с несколькими сослуживцами раз в месяц, переодевшись в штатское, совершал ночное турне по Берлину. В этих прогулках, которые у нас называли «хождением в народ», я принимал участие и после того, как 1 октября 1926 года покинул отдел Шлейхера. В памяти моей осталось несколько связанных с этим происшествий.

Как-то мы завернули в кабачок «Вильгельм» на Курфюрстендамм, где по вечерам буянили бывшие члены фрейкора, «Стального шлема», нацисты и прочий сброд. Ресторанчик пользовался дурной славой — драки были там обычным делом. Музыканты обоих оркестров, игравших в зале, были одеты в подобие старых кайзеровских мундиров. Нам бросилось в глаза, что некоторые из посетителей в «Вильгельме» щедро угощали на свой счет целые ватаги. За столиками произносили при этом краткие речи, поносили последними словами республику, вспоминали фронтовые дела, горланили «патриотические» песни. Мы разговаривали, низко склонившись над столиком, — говорить иначе было невозможно из-за страшного шума. Неожиданно к нашему столику подошел «распорядитель» и предложил нам немедленно покинуть ресторан, если мы не хотим, чтобы нас вышвырнули вон. Оказывается, увлекшись разговором, мы не слышали, как весь зал, стоя, запел «Марш морской бригады Эрхардта», и не поднялись со своих мест. Это вызвало общее негодование. Делать было нечего; расплатившись, мы покинули «уютный» кабачок под свист и улюлюканье соседних столиков.

Чтобы утешиться, мы тут же отправились в Нейкельн, где в кабаре «Нойе вельт» как раз в тот вечер шла программа «Деревенский праздник в Баварских Альпах». Крепкое пиво лилось рекой. Музыканты были в баварских костюмах — коротких кожаных штанах, чулках до колен, серых куртках с зелеными воротниками и в шляпах с кисточками. Здесь политикой и не пахло. Гости, судя по внешнему виду, были, в основном, горожане среднего достатка — ремесленники, торговцы, чиновники. В зале царило веселье, все танцевали. Свободных столиков не было, и мы подсели к одному почтенному семейству. Как вскоре выяснилось, это был мелкий подрядчик-строитель с женой и двадцатилетней дочкой, которую то и дело приглашали танцевать. Фон Бредов, умевший при случае поговорить с людьми простого звания, сказал родителям:

— Какая красавица ваша дочь — личико нежное, как персик!

На что мамаша немедленно отозвалась:

— Она у нас вся такая, не только личико.

Польщенный папаша тут же захотел выставить нам бутылку вина, но супруга возразила, что не пристало ему угощать «таких шикарных кавалеров». Бредов и тут нашелся.

— Нас пятеро, — заявил он, — мы в большинстве, и поэтому позвольте нам угостить вас!

Наша пирушка затянулась далеко за полночь.

Однажды в Моабите нам довелось пережить приключение

совсем иного рода. Сначала мы зашли в какой-то погребок, битком набитый людьми, и сели в углу. Рядом с нами за сдвинутыми столиками громоздились десять-двенадцать здоровенных, уже изрядно пьяных парней. Не успели мы сделать заказ, как один из наших соседей, громадный верзила, заорал хозяину:

— Эй, Густав! По кружке пива нам и по рюмочке. Господа (тут он ткнул пальцем в нашу сторону) заплатят!

Мы поспешили кивнуть, и хозяин принес выпивку всей компании, которая встретила ее одобрительным ревом. Хозяин тут же подошел к нашему столику и сказал, понизив голос:

— Прошу прощения, господа. Вы, разумеется, оказали честь моему заведению. Но послушайтесь моего совета: выпейте еще по кружке и уходите. Ребята за соседним столиком уже здорово набрались, и как бы чего ни вышло. Потом хлопот с полицией не оберешься.

Мы ретировались и вскоре забрели в другой ресторан, с большой застекленной верандой, служившей танцзалом. Посетители были здесь в большинстве своем солдаты и унтер-офицеры Берлинского караульного полка, которые, как оказалось, обычно приходили сюда на танцы со своими девушками. Мы сели за один из столиков рядом с молоденькой девушкой. Она была одна, но на столе стояли две недопитые кружки — ее спутник, видимо, вышел ненадолго. Один из нас пригласил было девушку на танцы, но в это время появился ее кавалер — судя по погонам, фельдфебель караульного полка. Он тут же напустился на «штафирок»:

— Вы что, вести себя не умеете? Как вы смеете приглашать мою невесту, не спросив у меня разрешения?

Наш любитель танцев извинился, и мы снова решили «сменить позицию»: ссориться с собственными солдатами нам, офицерам рейхсвера, было ни к чему.

После окончания третьего года обучения на курсах высшей военной подготовки я с октября 1927-го по сентябрь 1928 года был прикомандирован к военной секции Имперского архива. Вначале я изучал материалы по некоторым вопросам взаимодействия нашего и австрийского Верховного командования в годы войны, а потом мне пришлось вновь заняться по долгу службы пресловутой легендой об «ударе кинжалом в спину». Случилось это так. Социал-демократ профессор Хобоом представил в специальную комиссию рейхстага по расследованию причин поражения 1918 года, тогда еще продолжавшую свою работу, меморандум, озаглавленный «Социальные неполадки в армии как одна из причин поражения в войне». По

установившемуся правилу члены комиссии затребовали после этого заключение и от другой заинтересованной стороны. Составить его было поручено архивному советнику Эриху Отто Фолькману, бывшему офицеру Генштаба. На мою долю выпала задача подобрать для него соответствующие материалы.

Профессор Хобоом в основу своего документа положил главным образом многочисленные жалобы и протесты военных лет, направленные против некоторых порядков и злоупотреблений социального характера в кайзеровской армии. В них он видел одну из основных причин нашего поражения. В этой связи Хобоом, естественно, обрушился прежде всего на офицерский корпус, обвиняя его в социальной замкнутости, кастовом воспитании и неумении понять и удовлетворить нужды и запросы солдат.

Спору нет, отношения между солдатами и командным составом во время войны иногда крайне обострялись. Достаточно вспомнить о солдатских прибаутках тех лет: «Коли б вместе с офицерами жрали да пили да в отпуска бы с ними вместе ходили, так, глядишь бы, и победили» или «На фронте — голова в кустах, а в штабе — грудь в крестах» и т. д.

Особое внимание Хобоом в своем документе уделял внутриполитической борьбе. И в самом деле, если бы внутриполитические конфликты не имели корней и в армии, а антимилитаристская пропаганда не находила бы отклика в ее рядах, то противоречия и трудности внутреннего характера не повлияли бы на нее в такой степени в годы войны. Особенно ясно это подтвердилось тем политическим воздействием, которое оказывали солдаты пополнения на фронтовые части.

Фолькман уделил особое внимание обвинениям, выдвинутым против офицерского корпуса, и в результате пришел к выводу, что «революционные течения в немецком социализме были повинны в серьезном ослаблении авторитета офицеров». Хобоом в своем меморандуме отмечал низкий образовательный уровень в офицерском корпусе. Возражая ему, Фолькман писал: «Нельзя сравнивать в этом вопросе офицеров и, скажем, гражданских специалистов с высшим образованием. Военная профессия определяет совершенно иные пути и цели интеллектуального развития. Для офицера способность к абстрактному мышлению, к логическим рассуждениям и т. д. имеет меньшее значение, чем воспитание воли, решительность, умение с предельной быстротой и ясностью довести до сведения подчиненных принятое решение. Подобные требования, естественно, не всегда совместимы с глубоким анализом и учетом всех возможных последствий. Напротив, офицеру приходится очень часто полагаться на

интуицию. Надо сказать прямо, что груз научных знаний в определенных ситуациях может лишь обременить военного человека».

Однако Фолькман вынужден был все же признать, что «более высокий уровень образования, несомненно, пошел бы на пользу нашим офицерам».

«Без сомнения, — писал он, — кругозор многих офицеров был узок, их политические взгляды односторонни, общая эрудиция в зачаточном состоянии. Нельзя отрицать и то, что многие из них находились во власти кастовых предрассудков и проявляли неоправданное высокомерие. В армии с ее иерархической лестницей, раз и навсегда установленным порядком, основанным на безоговорочном подчинении и строжайшей дисциплине, свободное демократическое развитие, естественно, наталкивалось на определенные трудности».

Несмотря на это, Фолькман утверждал, что германское офицерство создало «лучшую армию в мире». Но далее он вынужден был признать одностороннюю реакционную политическую ориентацию офицерского корпуса, его консервативность, то, что его «морально-идеологические основы… коренятся в далеком прошлом» и что для него были характерны специфические обычаи, определенный образ жизни и собственный кастовый кодекс.

Фолькман отмечал в своем заключении, что офицерский корпус имел решающее влияние на внешнюю политику и внутриполитическое развитие страны. В этом были повинны, по его мнению, политические лидеры рейха — слабые, безынициативные, не способные стать «эпицентром политического волеизъявления». Здесь Фолькман, не вдаваясь, впрочем, в детали, подходил к вопросу, имевшему определяющее значение для исхода войны: к диспропорции между военным и политическим руководством, а проще говоря — к тому факту, что Верховное командование практически подчинило себе ответственных политических руководителей. «Гармония политического и военного руководства», о которой столько говорили в Германии, осталась недостижимой целью. Это было не случайно и объяснялось отнюдь не личными качествами политических и военных лидеров тех лет. Именно политический строй позволил верховному командованию подмять все под себя, чтобы сконцентрировать все силы на осуществлении захватнических планов господствующих кругов.

Охарактеризовав положение в офицерском корпусе, Фолькман попытался вскрыть общие причины социальных конфликтов в армии. По его мнению, в начале войны, в ее

маневренный период, их вообще не было и отношения между рядовыми и командным составом не оставляли желать лучшего. Таким образом, в первый период войны наша военная система, по его мнению, выдержала испытание. Но дальнейшее превращение кадровой армии в массовую в корне изменило ее социальную структуру, а это в сочетании с деморализующим воздействием голода, огромных потерь, физического и духовного перенапряжения всех слоев населения, в свою очередь, «развязало темные инстинкты» и явилось главной причиной беспорядков. В заключение Фолькман пришел к выводу, что социальные конфликты в армии начались уже после того, как вся страна была доведена войной до крайней степени истощения. Развал армии он объяснял специфическими особенностями этой войны, в первую очередь превосходящими силами противника.

Что до меня, то работа с Фолькманом лишь окончательно укрепила мою уверенность в том, что вся легенда «об ударе кинжалом в спину», утверждения, что Германия проиграла войну лишь после того, как революция нанесла фронту удар в спину, — сплошная ложь. Однако нельзя недооценивать то значение, которое приобрел этот миф в Веймарской республике, и прежде всего в рейхсвере.

Непрекращающаяся пропаганда этих лживых утверждений привела к тому, что многие военные, которые после окончания войны предпочитали помалкивать, теперь, приободрившись, стали вспоминать о том, как их рота или батарея до последнего дня успешно отражала натиск противника и была готова продолжать борьбу вплоть до заключения перемирия на выгодных для Германии условиях. Без сомнения, некоторые из этих людей были по-своему правы, в их подразделениях дело, возможно, так и обстояло. Но, говоря об этом, они не принимали во внимание общее положение на фронте. К таким «рассказчикам» принадлежал, между прочим, и будущий начальник Генштаба вермахта Бек, в то время майор рейхсвера, считавший, что германская армия, отойдя за Рейн, могла бы еще выиграть время в оборонительных боях, если бы не революция, разразившаяся в ноябре 1918 года. Оценивая обстановку на фронте в те дни, Бек подчеркивал слабость противника; боеспособность англичан и французов, по его мнению, постоянно падала, а американские войска еще не обладали достаточной закалкой и боевым опытом для проведения решающего наступления в короткие сроки.

Разумеется, английские и французские войска несли огромные потери в ходе войны, и осенью 1918 года, когда стал вырисовываться полный разгром Германии, их боеспособность резко понизилась. Но, с другой стороны, бесспорно и то, что

германский Западный фронт разваливался, а на стороне союзников стояла свежая, хорошо оснащенная американская армия. Победа союзников не вызывала больше сомнений, хотя они, вероятно, и не хотели теперь платить за нее такими же потерями, которые понесли за предыдущие военные годы. Но осенью 1918 года время работало на западных союзников в еще большей степени, чем в течение всей войны.

Бесспорно было и то, что немецкий тыл, предельно истощенный, уже к концу 1916 года не мог и не хотел больше нести бремя войны. Провал немецких наступательных операций еще весной 1915 года с достаточной ясностью показал, что фронт и тыл Германии оказались не в состоянии выиграть войну и осуществить захватнические планы магнатов германской тяжелой индустрии и пангерманских кругов, а в 1918 году факты неопровержимо доказывали, что Германия уже проиграла войну и стоит перед полным военным разгромом. Германская армия уже не имела сил для активных операций, способных решить судьбу войны, и, более того, как показали события осени 1918 года, вплоть до 11 ноября, не могла уже достаточно эффективно сдерживать наступление противника.

В 1914 году германское командование провозгласило: «Время работает на нас». Этот лозунг противоречил здравому смыслу: время работало против Германии. Немецкие правящие круги, развязавшие войну, игнорировали истинное положение дел, недооценивали силы противника и переоценивали собственные экономические и военные возможности. За эти ошибочные расчеты немецкому народу и пришлось расплачиваться своими материальными ценностями и кровью.

Снова в Министерстве рейхсвера. Референт по вопросам территориальных частей и Пограничной стражи

После завершения порученной мне работы в Имперском архиве с 1 октября 1928 года я снова был переведен в военно-политический отдел на должность референта. Шлейхер сразу же сказал мне: «Сначала будете помогать майору Отту и майору Тейссену — у них два ответственных задания, которые потребуют еще немало времени». Речь шла, во-первых, о внутриполитических вопросах, связанных с постройкой броненосца типа «А» и последующей закладкой еще трех таких боевых кораблей, и, во-вторых, о легализации путем официальных правительственных актов некоторых, тогда еще засекреченных оборонных мероприятий рейхсвера.

В июне 1928 года к власти пришло правительство, образованное социал-демократом Германом Мюллером, которого Шлейхер еще раньше усиленно рекомендовал президенту Гинденбургу в качестве канцлера. Пост министра внутренних дел в правительстве Мюллера занял Зеверинг. В Министерстве рейхсвера существенные перемены произошли еще в январе 1928 года: ушедшего Гесслера сменил отставной генерал Тренер. Я слышал, что Шлейхер, поддерживавший дружеские отношения с Тренером еще со времен войны, сыграл немаловажную роль в его назначении на пост министра рейхсвера, использовав с этой целью свое личное влияние на президента Гинденбурга. Позже мне рассказывали, что старый фельдмаршал испрашивал согласия на назначение Тренера не у кого иного, как у отрекшегося кайзера Вильгельма, проживавшего в то время в голландском городке Доорне. Объяснялось это просто: Тренера по-прежнему обвиняли в том, что в ноябре 1918 года он поставил вопрос об отречении кайзера. Придя в министерство, Тренер сразу же проявил себя гораздо более энергичным, дальновидным и знающим руководителем, чем его предшественник Гесслер. В прошлом профессиональный военный, он пользовался необходимым авторитетом в министерстве и обладал знаниями, основанными на практическом опыте.

Тренеру удалось еще более укрепить положение министра рейхсвера, прежде всего усилить его политическое влияние. Это проявилось, между прочим, и в осуществлении давнего проекта

Шлейхера — создании в министерстве с 1 марта 1929 года специального Управления министерства, состоявшего из политического, контрразведывательного и юридического отделов, а также адъютантуры министра, то есть отдела кадров. Начальником Управления министерства был назначен Шлейхер.

В первое время после этого он продолжал осуществлять и непосредственное руководство военно-политическим отделом. Но и после того, как в конце 1929 года фрегатен-капитан (капитан 2-го ранга) Геттинг был назначен на пост начальника военно-политического отдела, Шлейхер продолжал лично направлять работу своего детища. Он по-прежнему проводил «рабочие летучки» с офицерами отдела, в первое время ежедневно, а впоследствии, по мере расширения своих политических функций, — реже, иногда не чаще одного раза в неделю, В создании Управления министерства сыграли определенную роль следующие причины: адъютантура, контрразведка, юридический отдел и военно-политический отдел объединились под руководством Шлейхера для координации их работы, а также для того, чтобы разгрузить министра, которому они были ранее подчинены непосредственно. Кроме того, эта реорганизация сняла с повестки дня вопрос о назначении в Министерство рейхсвера парламентского статс-секретаря, который вновь и вновь поднимали социал-демократы. Наконец, это повышало в министерстве роль самого Шлейхера — первого советника и консультанта министра рейхсвера.

Я вернулся в министерство в самый разгар дебатов о постройке броненосца «А». Вообще военно-морской флот оказался в центре внимания уже к концу 1927 года. Это было связано, с одной стороны, с постройкой броненосца «А» — первого из четырех кораблей этой серии, а с другой стороны — с уже упомянутыми выше политическими инцидентами в «Императорском яхт-клубе» в Киле.

Момент для представления рейхстагу программы строительства броненосцев был выбран неудачно: общественность еще была взбудоражена скандальной аферой кинофирмы «Фёбус» и делом капитана 1-го ранга Ломана.

Ломан, начальник отдела морских перевозок Управления военно-морских сил, в течение нескольких лет бесконтрольно расходовал бюджетные ассигнования, выделенные для секретных оборонных мероприятий, вкладывая их в темные спекуляции в расчете на прибыль. Часть этих денег он инвестировал в кинокомпанию «Фёбус», которая, между прочим, снимала и пропагандистские фильмы по заказам военно-морского ведомства. Кроме того, Ломан предоставлял из бюджетных

средств ссуды и кредиты частным лицам по различным рекомендациям, а также приобрел несколько доходных домов и участков для застройки, которые собирался сдать внаем или с выгодой перепродать. Этим, однако, его активность не ограничилась: он организовал в своем отделе собственную секретную службу, самочинно приобрел несколько торговых судов с целью переоборудовать их под сторожевики, тральщики и охотники за подлодками, создал на государственные деньги в Голландии нелегальное конструкторское бюро для проектирования подводных лодок и в довершение всего организовал специальное бюро, разрабатывавшее мероприятия по мобилизации военной экономики на случай войны.

После того как фирма «Фёбус» обанкротилась, газета «Берлинер тагеблат» потребовала опубликовать отчетность Ломана. Этим вопросом вынужден был заняться и рейхстаг, однако специальная парламентская комиссия, созданная для расследования этого дела, не сочла нужным проинформировать общественность в полном объеме обо всех махинациях капитана. По данным Гесслера, спекуляции Ломана обошлись республике в 26 миллионов марок. Этот скандал вынудил в конце концов министра Гесслера и начальника Управления военно-морских сил адмирала Ценкера подать в отставку.

Таким образом, дебаты о постройке броненосца «А» начались под знаком этой скандальной аферы, в ходе которой вскрылась, впрочем, лишь часть подпольных оборонных мероприятий.

Первый бюджетный взнос на строительство броненосца «А» был принят большинством в рейхстаге в марте 1928 года. Депутаты от КПГ, СДПГ и Немецкой демократической партии голосовали против. Однако рейхсрат — палата земель — наложил вето на законопроект, и канцлер Маркс (Партия центра), возглавлявший тогда правительство, решил отсрочить закладку броненосца до осени 1928 года, начав ее после очередных выборов в рейхстаг.

На выборах в мае 1928 года вопрос о постройке броненосцев сыграл большую роль. Число голосов, поданных за СДПГ, выдвинувшую предвыборный лозунг «Питание для детей вместо броненосцев», значительно возросло. В новом кабинете социал-демократы получили, кроме поста канцлера, еще три министерских портфеля. Однако социал-демократические министры, позабыв о предвыборных лозунгах, уже 10 августа 1928 года проголосовали за постройку броненосца.

Министр рейхсвера Тренер выступил в поддержку законопроекта о постройке броненосцев уже при первом его чтении в рейхстаге. После перенесения дебатов на осень он

поручил своему аппарату подготовить военно-политический меморандум по этому вопросу. Проект такого меморандума, представленный Управлением военно-морских сил, Тренер забраковал. Помню, как Шлейхер на одной из «летучек» говорил об этом, не известном мне документе:

«Так не годится. Нельзя же в наши дни писать о "морской мощи" и "крейсерской войне". С политической точки зрения это немыслимо. Это они сочинили небось под шорох бороды старика Тирпица. Мы ведь не собираемся посылать в океан крейсерские эскадры, как делал он в мировую войну. Это же совершенно нереально! Вообще надо сказать, что при нынешнем финансовом положении республики закладка броненосцев крайне несвоевременна. Но после обсуждения в бюджетной комиссии вопрос этот получил столь широкую огласку, что назад пути уже нет».

Вскоре после этого майор Отт, то есть не моряк, а общевойсковой офицер, получил задание подготовить меморандум о броненосцах с учетом указаний Тренера и Шлейхера. Разумеется, этот документ доказывал целесообразность строительства броненосцев, но в отличие от предыдущего содержал анализ военно-политической обстановки на наших восточных границах и обосновывал необходимость военных приготовлений.

В меморандуме отмечалось, что государство создало и укрепило свои вооруженные силы, которые должны ныне находиться в состоянии постоянной боевой готовности. Поскольку противоречия и напряженные отношения между отдельными государствами — явление повсеместное, разрешение этих конфликтов военным путем с течением времени неизбежно. «Но Германия сможет участвовать в войне, лишь имея реальные шансы на успех, — говорилось далее. — Если же таких шансов не будет, то ни один ответственный руководитель никогда не решится снова ввергнуть немецкий народ в кровавую пучину войны и вновь обречь его на бессмысленные жертвы. Если же, однако, благоприятные перспективы будут налицо, то Германия сможет использовать их тем полней, чем мощней она будет в военном отношении». Затем меморандум констатировал, что задачей германского флота в случае столкновения с Польшей явится обеспечение безопасности Восточной Пруссии. И далее меморандум содержал следующее, явно направленное против Советского Союза положение:

«…как с военно-оперативной, так и с политической точки зрения легко можно себе представить, что немецкому флоту придется развернуть боевые действия не только против Польши,

но и против других государств бассейна Балтийского моря. Выше уже упоминалось, сколь сложно переплетаются в Европе различные противоречивые интересы. Достаточно в этой связи вспомнить о вооруженных конфликтах между Россией и Польшей, а также между Россией и государствами-лимитрофами…»

В подтверждение особых задач германского флота на Балтике в меморандуме была приведена цитата из английского журнала «Нейвэл энд милитери рекорд», в которой говорилось, что «боеспособный германский флот в Балтийском море мог бы стать противовесом русским военно-морским силам в этом районе». В заключение меморандум доказывал, что новые броненосцы превосходят по своим боевым качествам крейсеры водоизмещением в 10 тысяч тонн, входящие в состав ряда иностранных флотов, и разъяснял все преимущества, связанные с заменой устаревших линкоров этими броненосцами.

Надо прямо сказать, что приведенная цитата из английского журнала передавала основную мысль всего меморандума. Она свидетельствовала о том, что Англия в своей борьбе против Советской России рассчитывала на поддержку Германии.

Меморандум был размножен и в секретном порядке разослан членам кабинета и некоторым депутатам рейхстага по специальному списку с последующим возвратом. Однако вскоре после этого текст его был опубликован в одной из английских газет. Считали, что эта «утечка информации» была организована не без участия ближайшего окружения Штреземана. Кроме того, меморандум был опубликован и в «Дер Классенкампф» — журнале левых социал-демократов. В мае 1931 года первый броненосец класса «А» был спущен на воду под названием «Дейчланд».

Второе ответственное задание, порученное военно-политическому отделу, заключалось в подготовке документов и данных для доклада кабинету о засекреченных оборонных мероприятиях в рейхсвере и на флоте. Рейхсканцлера и раньше в общих чертах информировали по этим вопросам. Но «дело Ломана», опыт обсуждения военных статей бюджета и целый ряд других, связанных с этим вопросом событий побудили министра рейхсвера Тренера добиваться, чтобы рейхсканцлер и кабинет официально одобрили секретные мероприятия рейхсвера. Это в первую очередь относилось к финансированию этих мероприятий, которое до этого осуществлялось по особому разрешению министра финансов за счет отдельных открытых статей и позиций «раздутого» военного бюджета. Такой порядок осложнял всесторонний контроль за расходованием средств. Теперь Тренер настаивал на легализации бюджетных расходов на секретные

военные мероприятия, иными словами, на принятии для их финансирования специального бюджета, подлежащего проверке и утверждению в правительстве. В этой связи и возникла необходимость подробно проинформировать членов кабинета о секретных мероприятиях рейхсвера.

Шлейхер считал, что момент для этого самый подходящий, ибо в состав кабинета в тот момент входили три социал-демократических министра да и сам рейхсканцлер был социал-демократом. Шлейхер стремился к тому, чтобы социал-демократические лидеры несли свою долю ответственности за военные приготовления, и рассчитывал, в конечном счете, добиться конструктивного участия всей СДПГ в оборонной политике. К тому же Межсоюзническая военная контрольная комиссия была упразднена еще в начале 1927 года.

Подготовку этого доклада министр рейхсвера поручил подполковнику Шлейхеру с группой старших офицеров министерства, занимавшихся организационными и бюджетными вопросами. Обсуждение этого доклада на заседании кабинета состоялось в начале октября 1928 года. В ходе обсуждения речь шла не о каких-либо новых требованиях и планах, а лишь о легализации секретного, так называемого черного бюджета для финансирования тайных военных мероприятий, запрещенных Версальским договором, и об упорядочении соответствующей отчетности (с тех пор секретные ассигнования для сухопутных сил стали называться «голубым бюджетом», а для флота — «красным бюджетом»). Проекты этих бюджетов разрабатывались Генштабом и Военно-морским управлением в соответствии с их конкретными планами.

Долгосрочные военные планы того времени предусматривали в случае «развертывания» (это слово употреблялось тогда вместо «мобилизации», запрещенной Версальским договором) увеличение численности сухопутных сил в три раза — с 7 до 21 дивизии, а также создание 11 дивизий Пограничной стражи, в том числе трех — в Восточной Пруссии. Подразделения Пограничной охраны на первых порах намечалось оснастить главным образом тем оружием старой кайзеровской армии, которое удалось утаить от Межсоюзнической контрольной комиссии. Это оружие, тайный сбор которого был организован на всей территории рейха, полностью поступало в распоряжение формируемых пограничных частей. Сложней обстояло дело с оснащением новых дивизий, число которых планировалось довести до 21, для чего требовалось приобрести новое оружие, снаряжение и боеприпасы. Из-за финансовых затруднений дело это продвигалось медленно.

Кабинет Мюллера одобрил тайные мероприятия Министерства рейхсвера. Было установлено, что секретную часть военного бюджета утверждает только кабинет и обсуждению в рейхстаге она не подлежит. Уточнение чисто технических финансовых вопросов при этом было поручено Министерству рейхсвера совместно с Министерством финансов и председателем ведомства финансового контроля Германской империи. Основная задача заключалась в том, чтобы включить секретные ассигнования в различные статьи открытого бюджета, не раскрывая их истинного назначения. «Голубой бюджет» на 1929/30 финансовый год составлял 71,3 миллиона марок, «красный бюджет» — около 7 миллионов. В одном из постановлений кабинета Мюллера, принятом в феврале 1930 года, между прочим, говорилось:

«В особом регистре перечислены все мероприятия, подлежащие засекречиванию по внешнеполитическим соображениям, то есть мероприятия, которые по масштабам, характеру или месту осуществления нарушают запреты Версальского договора или нормы Ноллэ. Эти мероприятия являются частью разработанной программы, уже одобренной имперским правительством».

Форсированная подготовка к троекратному увеличению численности рейхсвера началась в 1930 году. Прежде всего необходимо было получить оружие, военное имущество и боеприпасы для оснащения четырнадцати новых дивизий. Еще в 1928 году производство оружия и боеприпасов в Германии превысило нормы, установленные для рейхсвера председателем Межсоюзнической контрольной комиссии французским генералом Ноллэ. Немецкие военные заводы уже тогда начали производство некоторых видов тяжелого оружия, например, противотанковых пушек, орудий и т. д. Наряду с этим различные инстанции Министерства рейхсвера в сотрудничестве с промышленными кругами занимались вопросами конструирования новых типов военных самолетов, танков, подводных лодок и торпед. Административно-хозяйственному управлению сухопутных сил по согласованию с Войсковым управлением было поручено организовать и координировать исследовательскую работу и производство в области военной техники и снабжения войск. Важную роль играли при этом иностранные филиалы немецких фирм, в частности, в Голландии, Испании и Швеции.

Штабы военно-морских округов в Киле и в Вильхельмсхафене поддерживали тесный контакт с ответственными представителями гражданского судоходства, с тем чтобы на

случай мобилизации учесть гражданские суда самых различных типов.

В 1930 году Шлейхер по поручению Тренера и рейхсканцлера Брюннинга через французского посла в Берлине Франсуа-Понсэ, с которым он поддерживал дружеские отношения, запросил мнение французского и английского правительств о возможности увеличения рейхсвера. Шлейхер добивался сокращения двенадцатилетнего срока службы в армии до пяти лет при одновременном увеличении численности рейхсвера до 130 тысяч человек и территориальных контингентов, включая Пограничную стражу, до 200 тысяч, а также разрешения предоставить рейхсверу определенное количество еще запрещенных видов оружия — тяжелых орудий, танков и самолетов. Мне не известно, шел ли Шлейхер в ходе этих переговоров на какие-либо внешнеполитические уступки. Сам он, во всяком случае, заявлял, что в обоснование своих требований в ходе переговоров он приводил лишь внутриполитические соображения.

Определенная подготовка к трехкратному увеличению личного состава рейхсвера уже проводилась на базе существовавших семи дивизий. В основу при этом был положен принцип, согласно которому, все военнослужащие командного и младшего командного состава проходили боевую подготовку в объеме следующего очередного звания или должности. Так, например, ефрейтор получал подготовку унтер-офицера, командиры отделений — подготовку командиров взводов, последние, в свою очередь, — подготовку командиров рот и т. д. Этот план, разумеется, невозможно было осуществить на все сто процентов, но все же он сыграл важную роль в решении задачи трехкратного увеличения числа пехотных дивизий. Впрочем, в частях и подразделениях не знали, что эти формы боевой подготовки являются, по сути дела, подготовительными мобилизационными мероприятиями.

В порядке подготовки к трехкратному увеличению числа пехотных дивизий были поставлены на учет определенные категории лиц, годных к несению службы. В эту категорию входили те граждане, чье социальное происхождение и подготовка позволяли рассчитывать на то, что они в случае необходимости явятся на сборные пункты по первой повестке.

Форсированные военные приготовления отражались и на внешней политике. В Лиге Наций рейхсканцлер Мюллер с одобрения Тренера и Шлейхера в сентябре 1928 года фактически потребовал для Германии равноправия в области вооружений. С этого момента лозунг «равноправия в вооружениях» все более выдвигался на первый план. Шлейхер считал, что под таким

постоянным давлением западные державы в конце концов пойдут нам навстречу.

В поддержку этого требования была развернута широкая пропагандистская кампания, в которую включился, между прочим, и так называемый Имперский центр патриотической службы («Хейматдинст»). Созданный еще в 1917 году для пропаганды «войны до победного конца», этот центр продолжал свою деятельность и в Веймарской республике, сначала в непосредственном ведении рейхсканцлера, а позднее в составе Министерства внутренних дел. Теперь «Хейматдинст» развил бурную деятельность, издавая большими тиражами и усердно распространяя плакаты, брошюры, открытки и прочие материалы со статистическими данными и диаграммами, в которых сравнивалась оборонная мощь Германии и ее соседей. После того как социал-демократический кабинет одобрил тайные мероприятия министерства рейхсвера, Тренер и Шлейхер рассчитывали, что им удастся привлечь к сотрудничеству всю СДПГ, хотя ее лидеры под давлением рядовых членов партии и коммунистов вынуждены были неоднократно выступать против рейхсвера по частным вопросам. Это, впрочем, почти никогда не мешало им голосовать за военные бюджеты.

Шлейхер правильно оценил директивы по вопросам оборонной политики, принятые на Магдебургском съезде СДПГ в 1929 году. Несмотря на отдельные уступки пацифистским течениям, настроенным враждебно по отношению к рейхсверу, СДПГ в основных положениях своей «оборонительной программы» выступила в поддержку вооруженных сил. Именно это от нее и требовалось. Шлейхер был в общем и целом удовлетворен. «Что же, — говорил он, — поживем — увидим, как СДПГ намерена сотрудничать с рейхсвером на практике».

То, что социал-демократы вновь выдвинули свое старое требование «республиканизации армии», было, по мнению Шлейхера, в порядке вещей точно так же, как и включение в программу некоторых пацифистских положений, ведь в партии имелось много различных течений, которые, по его словам, нужно было «привести к одному знаменателю».

Референт по вопросам прессы военно-политического отдела майор Маркс опубликовал в журнале «Внесен унд вер» (№ 2 за 1930 год) статью «Государство и армия», предварительно одобренную Шлейхером. В статье говорилось:

«Мы с удовлетворением отмечаем, что самая крупная из наших политических партий [то есть СДПГ. — В. М.] в своей военной программе отказалась от идеи классовой борьбы и признала, хотя и в половинчатой и завуалированной форме,

необходимость сотрудничать с нашим государством и его вооруженными силами. Мы усматриваем в этом признак того, что настанет день, когда широкие массы рабочих в нашей стране поймут и поддержат цели и установки нынешней германской армии».

Последующие годы показали, однако, что многие рядовые члены СДПГ в отличие от своих лидеров отнюдь не отказались от идеи классовой борьбы. Классовая борьба в эти годы обострилась в результате политики нацистов и их покровителей, то есть прежде всего промышленных кругов. Не в последнюю очередь этому ходу развития способствовала и линия, проводившаяся командованием рейхсвера. Достаточно в этой связи упомянуть о традициях, культивировавшихся в рейхсвере, и о связях армии с военными союзами. Члены этих союзов, стремясь к военному реваншу, вначале сочувствовали нацистской партии, а затем и примкнули к ней. Некоторые из них вошли впоследствии в число наиболее активных нацистов.

Особое внимание Министерство рейхсвера уделяло охране восточных границ, и прежде всего секретным мероприятиям в этой области, которые не затрагивали непосредственно строевых частей. С 1929 года до конца сентября 1931 года я занимал в военно-политическом отделе должность референта по вопросам Пограничной стражи. В ходе работы мне приходилось поддерживать контакт главным образом с Т-2, организационным отделом Генштаба, точнее, с его III отделением, ведавшим вопросами территориальной обороны и пограничной охраны. Начальником отдела был в те годы подполковник Кейтель (произведенный вскоре в полковники), впоследствии начальник Главного штаба гитлеровского вермахта, казненный после войны в числе военных преступников по приговору Нюрнбергского трибунала. Кейтель уже в то время был «вхож в верхи», меня же допустили к нему лишь один раз — в конце сентября 1929 года, когда я был переведен из министерства в строевую часть и сдавал дела. Из сотрудников орготдела я встречался по работе лишь с майором Хейнрици, начальником III отделения, а главным образом с капитаном Бушенхагеном.

Я давал политические заключения по предлагаемым ими мероприятиям или докладывал о них Шлейхеру. Речь шла при этом чаще всего о текущих вопросах, связанных с территориальной обороной и Пограничной охраной: об одобрении отдельных предложений по этим вопросам; о постановке на воинский учет студентов, которые прошли или должны были пройти краткосрочные сборы или курс военизированной физической подготовки; и, наконец, о

чрезвычайных происшествиях, имевших место в ходе выполнения секретных мероприятий. Еще с 1923 года Министерство рейхсвера, до тех пор занимавшееся вопросами охраны восточных границ от случая к случаю, приступило к планомерным подготовительным мероприятиям в этих районах. Но особенно широкий размах приняли здесь военные приготовления после заключения Локарнского договора. Все мероприятия по охране границ, как и вопросы территориальной обороны, относились к компетенции Генштаба. Центром этой деятельности был I военный округ в Кенигсберге, которому в отличие от других военных округов были предоставлены широкие полномочия в организации Пограничной охраны. Штаб II военного округа в Штеттине помогал наладить пограничную службу вдоль восточных границ Померании на участке до южной части провинции Гренцмарк. Отсюда до самой Верхней Силезии Пограничная охрана входила в ведение III военного округа (со штабом в Берлине). Организация охраны границ считалась военной и политической задачей первостепенной важности. Именно поэтому все старое оружие военного времени, которое удалось утаить от Межсоюзнической контрольной комиссии, было предоставлено частям Пограничной стражи. Политические принципы, которыми надлежало руководствоваться при создании этих частей, были сформулированы в директивных указаниях, выработанных Гесслером в конце июня 1923 года в результате целой серии совещаний с министром внутренних дел Пруссии Зеверингом, в которых участвовали Шлейхер, а также сопровождавший его министериаль-директор Абегг. Директивы эти в общем и целом сохранили свою силу вплоть до 1931–1932 годов. Шлейхер говорил как-то, что по категорическому требованию Зеверинга Министерство рейхсвера и Министерство внутренних дел, сотрудничая при проведении секретных мероприятий в области территориальной обороны и пограничной охраны, должны были обходиться без каких-либо письменных документов. Из своего аппарата Зеверинг, по его словам, посвящал в эти вопросы лишь обер-президентов.

Впервые мне довелось ознакомиться с этими директивами в году. Впоследствии, в период с 1929-го по 1931 год, ведая в военно-политическом отделе вопросами Пограничной стражи, я не раз перечитывал их. Рабочий экземпляр документа по соображениям конспирации не имел ни грифа, ни заголовка, ни подписей. Согласно этим директивам, задачей Пограничной стражи и войск территориальной обороны являлись охрана границ от нападения противника, подавление насильственных антиконституционных акций и борьба со всеми прочими

нарушениями общественного порядка. По всем вопросам территориальной обороны и пограничной охраны военным учреждениям и гражданской администрации надлежало установить и поддерживать тесное взаимодействие. Конкретные мероприятия проводились штабами военных округов в сотрудничестве с обер-президентами соответствующих провинций при обязательном утверждении принятых решений в вышестоящих инстанциях. Запрещалось привлекать к подготовке и проведению этих мероприятий политические и общественные организации, какие-либо партии, военные союзы и т. д. Бесхозное оружие и военное имущество надлежало собирать и учитывать как собственность государства. К хранению его следовало привлекать лишь надежных граждан, отвергающих любое изменение конституционного порядка насильственным путем. Далее необходимо было организовать в каждой провинции учет конского поголовья и транспортных средств, наличных запасов продовольствия и других необходимых для военного снабжения материалов. В восточных пограничных областях допускалось проведение особых подготовительных мероприятий.

Пограничная стража входила в состав территориальных войск в районах, прилегавших к восточным границам Германии, включая Восточную Пруссию, и считалась организацией местного подчинения. Она была составной частью малоподвижной гражданской обороны. В ней служили главным образом бывшие фронтовики — солдаты, унтер-офицеры и офицеры, проживавшие в пограничных районах. Для создания Пограничной стражи в предельно сжатые сроки оружие, предназначенное для отдельных ее подразделений, хранилось на частных складах, у «политически благонадежных» лиц и в случае необходимости могло быть быстро распределено.

Одним из наиболее уязвимых пунктов Пограничной стражи с точки зрения упомянутых директив было хранение оружия у лиц, отнюдь не благонадежных, а также сотрудничество с военными союзами, в частности, со «Стальным шлемом», имевшее место вопреки категорическому запрету. Это был сложный вопрос. Согласно директивам, к несению пограничной охраны допускались лишь отдельные члены этих союзов как частные лица, но не сами союзы как организации. Однако практически этот порядок был лишен всякого смысла и, очевидно, был введен лишь в целях внешней маскировки. Его нарушали повсеместно. Так, например, в некоторых районах члены «Стального шлема» добровольно вступали в части Пограничной стражи якобы без ведома своего местного руководства. Это было совершенно неправдоподобно, если учесть тесные связи между рейхсвером и

«Стальным шлемом». В отряды Пограничной стражи надлежало принимать прежде всего жителей соответствующих районов. Но среди населения этих районов готовность к несению службы изъявляли главным образом члены «Стального шлема» и Немецко-национальной народной партии. К тому же большинство вольнонаемных служащих Пограничной стражи (так называемые гражданские служащие войск территориальной обороны), в подавляющем большинстве своем бывшие офицеры, сами состояли в «Стальном шлеме» и в других военных союзах и при комплектовании Пограничной стражи, естественно, отдавали предпочтение своим коллегам из этих союзов. Вступали ли члены «Стального шлема» в какой-либо деревне в Пограничную стражу индивидуально или местное руководство союза само подбирало и направляло добровольцев из числа своих членов, разница невелика. Дело все равно сводилось к тому, что в роте Пограничной стражи, расквартированной в этом районе, оказывались 30–40 членов местного отделения «Стального шлема». Случаи нарушения директив Министерства рейхсвера еще более участились после того, как с усилением влияния нацистской партии ее членов также стали привлекать к несению пограничной службы.

Наряду с вольнонаемными служащими рейхсвера, руководившими мероприятиями по организации Пограничной стражи, ее командные кадры составляли местные помещики, педагоги и чиновники, сплошь бывшие офицеры и, следовательно, люди правой ориентации.

Примечательно, что с легализацией тайных мероприятий Министерства рейхсвера изменилось и положение гражданских служащих территориальных войск. Они, правда, и впредь оставались вольнонаемными служащими, поскольку увеличение офицерского корпуса рейхсвера было запрещено Версальским договором. Однако если раньше они, как гражданские лица, имели право вступать в политические партии и союзы, то теперь под влиянием непрекращавшейся критики по адресу рейхсвера это было запрещено. Зато в качестве своего рода компенсации их должностные оклады были приравнены к окладам соответствующих категорий офицерского состава. Кроме того, для них был установлен определенный порядок продвижения по службе и назначения пенсий. Таким образом, эта категория гражданских служащих была уравнена в правах и обязанностях с кадровыми офицерами (за исключением избирательного права, которого последние были лишены).

В июне 1930 года по распоряжению Шлейхера я совершил инспекционную поездку в восточные пограничные районы. В те

дни последствия мирового экономического кризиса уже привели к серьезным трудностям в сельском хозяйстве страны, и Министерство рейхсвера опасалось, что это, в свою очередь, неблагоприятно скажется на Пограничной страже. На рабочих совещаниях у Шлейхера неоднократно обсуждалось положение сельского хозяйства в восточных районах. Шлейхер и Тренер считали, что государственные субсидии в рамках «Восточной помощи» следует предоставлять лишь рентабельным хозяйствам, сохранившим здоровую экономическую основу; помещичьи имения, отягощенные ипотекой, по их мнению, подлежали разделу с предоставлением земельных участков колонистам, в том числе и бывшим солдатам.

Готовясь к поездке, я побеседовал с капитаном в отставке Хольтцендорфом, который занимал в военно-политическом отделе должность референта по вопросам сельского хозяйства и сам владел имением в районе Пренцлау. Я проконсультировался с ним о положении в сельском хозяйстве, чтобы заранее уяснить себе нужды и интересы землевладельцев, которые одновременно несли пограничную службу в восточных районах.

Перед отъездом меня принял и прусский министр внутренних дел Зеверинг. Он сказал, что, за исключением отдельных случаев, жалоб и претензий по вопросам сотрудничества между рейхсвером и гражданской администрацией в пограничных районах к нему не поступало. Однако он обратил мое внимание на то, что трудности в сельском хозяйстве этих районов могут привести к непредвиденным последствиям и для пограничной службы. Местные землевладельцы недовольны. Зеверинг посоветовал мне встретиться с обер-президентом провинций Померании и Гренцмарк. Обер-президента Людемана в Бреслау, по его словам, «человека трудного», он пообещал «взять на себя». Во время аудиенции министр угощал меня яблоками вместо сигар — он не курил. Имперский министр внутренних дел Вирт, которого я посетил после этого, не дал мне никаких особых советов. Он попросил меня в случае необходимости обращаться по всем вопросам лично к нему или к его заместителю Эрбе, которого я хорошо знал. По словам Вирта, в его ведомстве кое-кто недолюбливал военных. На прощание министр просил передать привет его доброму другу Лукашеку и попотчевал меня крепкой баденской вишневкой, которая пришлась мне по душе куда больше, чем яблоки Зеверинга.

Прибыв в Штеттин, я узнал, что обер-президент Померании отсутствует. Обращаться к его заместителю с личными рекомендациями министра рейхсвера меня отговорили. В дальнейшей поездке меня сопровождал начальник разведотдела

штаба II военного округа майор барон фон Габленц. Я истолковал это как признак того, что штаб округа учел политические аспекты моей командировки. По пути в Нойштеттин мы посетили имение отставного капитана фон Хейдебрека, который в 1920–1922 годах играл известную роль в Силезии, командуя там отрядом фрейкора. Мы застали хозяина во дворе (с отрядом человек в 15 он как раз проводил тактические занятия на тему «Полк в обороне»). Здесь же я познакомился и с майором фон Бризеном, которого называли «некоронованным королем Померании». Фон Бризен служил в рейхсвере по вольному найму и был душой Пограничной стражи в этом районе. Что же до самого Хейдебрека, то, и прервав занятия, он беседовал с нами исключительно о военных делах. Входил ли он уже тогда в нацистскую партию, я не знаю. Так или иначе, он стал впоследствии обергруппенфюрером штурмовиков Померании и был убит по приказу Гитлера во время расправы со штурмовиками в «ночь длинных ножей» — 30 июня 1934 года.

На следующий день по дороге через Штольп мы поехали в имение некоего фон Цитцевица, пожилого человека, которого все называли «господин ротмистр». По соседству с его имением были расположены имения двух его сыновей. К вечеру в доме фон Цитцевица собрались дюжина местных помещиков и отставных офицеров, Один из сыновей хозяина выступил перед гостями с сообщением о положении в сельском хозяйстве и о причинах роста ипотечных долгов. Он подчеркнул, что без быстрой и радикальной помощи со стороны государства сельскому хозяйству в этих районах угрожает полный развал. При этом, по мнению докладчика, одного лишь единовременного погашения ипотечной задолженности было бы недостаточно. Он потребовал принятия долгосрочной программы помощи восточным районам, поскольку-де землевладельцы, избавившись от задолженности, все равно будут вынуждены искать кредит в периоды между сборами урожаев и вновь завязнут в долгах. Фон Цитцевиц-младший подчеркивал, что ввиду плохих почв в этих местах мелкие и средние крестьянские хозяйства обречены, а животноводство возможно лишь в ограниченных масштабах. Затяжной кризис в сельском хозяйстве восточных районов неминуемо отразится и на состоянии охраны границы, ибо крестьяне под угрозой разорения потеряют всякую охоту к несению пограничной службы. При этом, по словам докладчика, следовало учесть, что местные землевладельцы занимают руководящие посты в Пограничной страже и являются ее костяком и в идеологическом, и в военном отношении.

После нескольких выступлений в этом же духе слово было

предоставлено мне. В своем кратком резюме я подчеркнул, что Министерство рейхсвера осведомлено о тяжелом положении в сельском хозяйстве, но считает, что в рамках программы «Восточной помощи» нецелесообразно погашать ипотечную задолженность всех имений подряд. Помощь следует оказать лишь рентабельным помещичьим имениям и крестьянским хозяйствам. Нельзя забывать о том, что государство вынуждено расходовать значительные средства на выплату пособий по безработице, хотя опыт и подтвердил, что миграция сельскохозяйственного населения (колонистов, крестьян, батраков) неизбежна, сказал я в заключение, с военной точки зрения необходимо воспрепятствовать слишком большой утечке населения из этих районов.

В одном из округов местный ландрат повез меня в крупное помещичье имение, брошенное владельцем и его семьей на произвол судьбы. Земли в этом имении частью перешли к соседям, а частью остались невозделанными. Но во время поездки я видел и рентабельные крестьянские хозяйства. Впрочем, большинство их существовало лишь благодаря тяжелому труду всех членов крестьянской семьи, от мала до велика, а в некоторых из этих хозяйств пришлось продать часть угодий — прежде всего лес, — чтобы уплатить долги или хотя бы часть долгов.

Несколько лучше обстояло дело в провинции Гренцмарк, у обер-президента фон Бюлова. Он сказал мне, что плотность населения здесь выше, чем в соседних районах, и — что самое главное — крупные помещичьи имения здесь, к счастью, чередуются в разумной пропорции с крестьянскими хозяйствами. Это, по мнению обер-президента, объяснялось наличием более плодородных почв прежде всего в поймах рек Барте и Нетце, где много крестьян занимаются животноводством, продуктам которого обеспечен хороший сбыт. Правда, и здесь было несколько погрязших в долгах крупных имений, но Бюлов выразил надежду, что кредиты в рамках «Восточной помощи» помогут спасти эти имения, как и значительное количество обремененных долгами крестьянских дворов.

Фон Бюлов показал мне также несколько дворов крестьян-колонистов, брошенных своими хозяевами, которые не смогли расплатиться с кредиторами. Но и в провинции Гренцмарк я видел рентабельные крестьянские хозяйства. Как правило, и здесь не нанимали работников и хозяйство держалось только на труде членов крестьянской семьи, довольствовавшихся скромным достатком.

Говоря об этих хозяйствах, Бюлов, однако, подчеркнул, что, исходя из общих интересов сельского хозяйства, важнее

предоставить кредиты по программе «Восточной помощи» в первую очередь крупным землевладельцам, а не крестьянам. Но, конечно, не следует забывать и о крестьянах, особенно с военной точки зрения, учитывая, что именно крестьянские дворы являются основным резервом для комплектования Пограничной стражи.

Подготовительные мероприятия в области охраны границ проводились в соответствии с намеченными планами. В провинции Гренцмарк граф Шверин, крупный землевладелец, пользовавшийся большим влиянием среди местных помещиков и крестьян, принимал в этих мероприятиях самое активное участие. После бесед с обер-президентом Бюловым я пришел к выводу, что условия для организации охраны границ отнюдь не везде были столь неблагоприятными, как в пограничных районах Померании.

В городе Шнейдемюль я распрощался с майором фон Габленцем из штаба II военного округа и направился в Бреслау. По договоренности с Зеверингом я не пошел к обер-президенту Нижней Силезии Людеману и обратился прямо в штаб 2-й кавалерийской дивизии, подчиненной штабу III военного округа в Берлине и ответственной за организацию охраны границ в этом районе. Там я узнал, что кризис в сельском хозяйстве в Силезии развивался не столь остро, как в других районах. Однако в Нижней Силезии его последствия более ощутимы, чем в Верхней. В ходе организации пограничной службы штаб дивизии пока не сталкивался с затруднениями, но сотрудничество с обер-президентом Людеманом в Нижней Силезии и Лукашеком в Верхней Силезии оставляло желать лучшего. Социал-демократ Людеман в вопросах пограничной охраны не проявлял особого рвения и даже чинил различные препятствия, особенно в организации хранения оружия. Лукашек был слишком робок. Впрочем, по мнению штаба дивизии, это объяснялось в какой-то степени и этнической неоднородностью населения провинции.

В Оппельне я встретился и с самим Лукашеком, членом Партии центра. Первым делом я передал ему привет от имперского министра внутренних дел Вирта. Обер-президент сказал мне, что ничего не имеет против Пограничной стражи, но советует проявлять в этом деле максимальную осторожность, учитывая смешанный характер местного населения, состоящего из немцев и поляков. Серьезных затруднений при создании Пограничной стражи, по его словам, пока не было, но «господа военные иногда слишком нетерпеливы». Он, Лукашек, намерен и впредь оказывать содействие в организации охраны границ, но при этом по-прежнему будет учитывать местную специфику.

По возвращении в Берлин я представил докладную записку о результатах поездки фон Шлейхеру, теперь уже генералу. Доклад

этот сводился к тому, что последствия кризиса в сельском хозяйстве в различной степени ощущаются в пограничных провинциях, что сотрудничество соответствующих военных инстанций с прусской гражданской администрацией, в общем, налажено повсюду, за исключением Верхней и Нижней Силезии, и, наконец, что в данный момент еще нельзя предсказать, каково будет дальнейшее развитие сельскохозяйственного, кризиса в этом районе.

Комментируя мое донесение, Шлейхер сказал:

«Кризис в нашем сельском хозяйстве является, в сущности, частью общего экономического кризиса. Программа помощи восточным районам, вероятно, поможет кое в чем. Разумеется, исходя из наших интересов, мы не можем допустить, чтобы некоторые пограничные районы совсем обезлюдели. Но о сельском хозяйстве пусть думают те, кому поручено проводить в жизнь программу помощи восточным районам, это их дело. Мы же по-прежнему считаем, что следует погасить долги лишь рентабельных предприятий, независимо от того, крупные это имения или крестьянские хозяйства. Нерентабельные крупные имения придется разделить между колонистами, не считаясь с тем, нравится это землевладельцам или нет. В конце концов, у государства есть и другие заботы, которых хватит на много лет. В стране почти три миллиона безработных, о них тоже придется подумать. А налоговые поступления уменьшаются с каждым днем!»

Против выдвинутого Шлейхером плана раздела нерентабельных крупных имений между колонистами в целях укрепления охраны границ особенно резко выступил «Ландбунд» — союз крупных землевладельцев, сразу же поднявший крик об «аграрном большевизме».

Вопрос «восточной помощи» еще не раз обсуждался на шлейхеровских «летучках». Как-то в начале лета 1931 года он, между прочим, заметил: «К сожалению, у меня есть некоторые основания предполагать, что Старик [то есть президент Гинденбург. — В. М.] дал себя втянуть в распределение фондов помощи восточным районам и завяз в этом деле довольно основательно». Шлейхер имел при этом в виду, что в отдельных случаях Гинденбург лично вмешивался в распределение этих средств в Восточной Пруссии.

В результате дело дошло до того, что средства из «Восточного фонда» получили некоторые помещики, которые вовсе не нуждались в деньгах и использовали их для покупки новых земель.

Гинденбург не постеснялся оказать за счет государства

помощь кое-кому из своей помещичьей родни. Так, правительственный комиссар по распределению фондов «Восточной помощи» в Померании, крупный землевладелец Юрген фон Девиц, пользовавшийся особым доверием Гинденбурга, в ставке которого он служил в годы войны, сначала «санировал» на казенные деньги хозяйство одного из родственников Гинденбурга, а вскоре после этого выделил своему отцу из государственных фондов «Восточной помощи» сумму, превышавшую установленный законом предел.

Кроме Пограничной стражи, в стране существовала еще одна нелегальная военизированная организация — так называемый Фельдъегерский корпус. Он состоял из бывших добровольцев, которые в свое время действовали в Верхней Силезии, а в 1923 году были направлены в Рурскую область для организации там по заданию и под руководством рейхсвера актов саботажа против французских оккупационных войск. Позднее с одобрения фон Секта они были сведены в Фельдъегерский корпус, расквартированный на территории V и VII военных округов, штабы которых размещались, соответственно, в Штутгарте и Мюнстере. Впоследствии фельдъегерские отряды были созданы и в других военных округах. В них принимали и членов нацистской партии. Фельдъегерский корпус подчинялся непосредственно оперативному отделу. (В то время он условно назывался отделом сухопутных сил Войскового управления.) Всеми вопросами, связанными с фельдъегерскими подразделениями, занимался отставной полковник фон Фосс. Содержались эти отряды на пожертвования, поступавшие прежде всего от рурских промышленников. Гесслер еще в 1923 году потребовал распустить Фельдъегерский корпус, но фон Сект не выполнил этого распоряжения, Наконец, уже в декабре 1928 года был подписан приказ о роспуске фельдъегерских отрядов. Однако это относилось лишь к организации, а не к ее личному составу, который по тому же приказу был переведен в подразделения Пограничной стражи.

Несмотря на официальный запрет, продолжался и нелегальный набор добровольцев на краткосрочные воинские сборы. Так, в 1929–1930 годах такие сборы прошли многие студенты высших учебных заведений, главным образом из числа членов военных союзов. В Дрездене преподаватель пехотного училища капитан Роммель (будущий фельдмаршал) руководил военным обучением гимназистов старших классов. В качестве инструкторов он привлек к занятиям унтер-офицеров учебной роты своего училища.

Социал-демократический рейхсканцлер Мюллер узаконил

нелегальные акции рейхсвера, но КПГ в эти годы не прекращала борьбы против рейхсвера и его секретных военных мероприятий. Представители Коммунистической партии Германии, выступая в рейхстаге и в прессе, разоблачали подготовку новой войны, и прежде всего подготовку войны против Советского Союза, с участием Германии. В этой связи коммунисты напоминали о финансовой, экономической и политической зависимости Германии от Англии, Франции и в еще большей степени от США. Особое внимание КПГ уделяла разоблачению подготовки войны в промышленности, проводившейся в интересах германских промышленных кругов.

Здесь я подхожу к другой области военной политики, которая в отличие от Пограничной стражи не регламентировалась директивными указаниями 1923 года. Речь идет о взаимоотношениях вооруженных сил и промышленности в Веймарской республике.

Управление вооружений сухопутных сил сразу же после войны в тесном контакте с промышленниками начало изучать и осваивать опыт военных лет в области экономики и вооружений. По инициативе этого ведомства в 1926 году в Берлине под председательством тайного советника Борзига было основано статистическое общество, которое занялось изучением военно-промышленного потенциала отдельных предприятий. Общество являлось консультативным органом; оно, в частности, выявляло предприятия, способные выпускать военную продукцию, а также устанавливало и поддерживало связь с отдельными военными заводами. В штабах военных округов были введены должности офицеров — референтов по вопросам экономики, в задачу которых входили оценка и учет производственных мощностей предприятий, имеющих военное значение. Этим офицерам поручалось также установить, имеются ли на этих предприятиях машины и станки, необходимые для выпуска военной продукции, а если их не хватает, то как их приобрести или получить путем обмена с другими предприятиями. Вначале вся эта деятельность ограничивалась учетом и инвентаризацией, но собранные данные впоследствии принимались во внимание при распределении военных заказов. Управление вооружений и Войсковое управление руководили деятельностью «офицеров по экономическим вопросам» в централизованном порядке. Выше уже говорилось о тайных связях между Министерством рейхсвера и промышленными кругами по вопросу конструирования новых образцов оружия для различных родов войск. Штабы военных округов в пределах своей компетенции также устанавливали контакты с ведущими промышленниками и крупными

помещиками на местах.

Тесные связи между рейхсвером и промышленностью проявлялись и в том, что промышленные фирмы тотчас же принимали к себе на службу офицеров из Управления вооружений, вынужденных по тем или иным причинам выйти в отставку. Это вызвано бурные протесты общественности, и Гесслер вынужден был издать приказ, согласно которому, бывшим офицерам рейхсвера разрешалось поступать на службу в промышленные фирмы лишь три года спустя после выхода в отставку.

Особенно сложную и трудоемкую задачу военно-политического отдела Министерства рейхсвера, которую так и не удаюсь разрешить до моего ухода в сентябре 1931 года, представлял план координации высшего военного и политического руководства в стране в случае «развертывания», то есть мобилизации, и войны. На основании опыта прошедшей войны Войсковое управление считало, что в годы мировой войны в Германии не удалось объединить и скоординировать должным образом политическое руководство и высшее военное командование. Поэтому было решено обеспечить это единство в будущем путем заранее продуманных организационных мероприятий. В соответствии с этим на случай войны намечалось создать под руководством рейхсканцлера имперский военный кабинет в составе министра рейхсвера, министра внутренних дел и еще пяти-шести министров, чьи ведомства приобретают первостепенное значение с началом военных действий. Министр рейхсвера Тренер поручил начальнику оперативного отдела разработать соответствующий проект. В связи с моим откомандированием в войска я так и не узнал, какое решение было принято по этому вопросу.

Свержение социал-демократического правительства Пруссии

Позиции, которые занимала СДПГ в государственном аппарате Пруссии — самой крупной и самой важной в экономическом и политическом отношении провинции (земли) Веймарской республики, были помехой для германской финансовой олигархии на ее пути к установлению в стране открытой фашистской диктатуры. Многие члены Социал-демократической партии и Всегерманской федерации профсоюзов возлагали большие надежды на СДПГ и профсоюзы и были уверены, что лидеры этих организаций используют свое влияние для отражения фашистского натиска.

Легальным путем подорвать позиции СДПГ в Пруссии было невозможно. Результаты выборов в прусский ландтаг 24 апреля 1932 года ясно показали, что нацистам и реакционерам не удастся образовать собственное правительство. На коалицию с СДПГ им также не приходилось рассчитывать. Поэтому германские империалисты и милитаристы взяли курс на государственный переворот и стали готовиться к свержению законного прусского правительства, возглавлявшегося социал-демократами.

Руководство СДПГ в этот ответственный момент и не помышляло о том, чтобы поднять рабочих на борьбу против назревавшего государственного переворота. Вместо этого оно решило «не выходить из конституционных рамок», то есть, иными словами, предоставить империалистам и военщине полную свободу действий в борьбе против социал-демократического прусского правительства. Оно даже поощряло их в этом. Так, в середине июля 1932 года министр внутренних дел Пруссии Зеверинг, обсуждая с имперским министром внутренних дел фон Гайлом вопрос о назначении в Пруссию чрезвычайного имперского комиссара, заметил: «Не теряйте времени! Чего вы ждете?»

В личном архиве Винценца Мюллера, с октября 1931 года командовавшего ротой в мюнхенском гарнизоне, сохранились нижеследующие записи о его участии в акции рейхсвера 20 июля 1932 года:

«19 июля 1932 года начальник военно-политического отдела Министерства рейхсвера полковник Отт позвонил из Берлина в

служебное помещение роты 7-го саперного батальона в Мюнхене и попросил меня по возможности скорее взять отпуск и сразу же выехать в Берлин. По его совету я должен был объяснить моему начальнику, что отпуск мне необходим ввиду личных обстоятельств.

В Берлин я приехал 20 июля к 9 часам утра. На вокзале меня встретил капитан в отставке Ганс Геннинг фон Хольтцендорф, вольнонаемный сотрудник военно-политического отдела. Он сообщил мне следующее: "С сегодняшнего дня в черте Большого Берлина и в провинции Бранденбург будет объявлено чрезвычайное положение для того, чтобы сместить правительство Брауна — Зеверинга. Возможно, не пройдет и часа, как президент республики подпишет соответствующий декрет. Исполнительная власть в этом районе перейдет к командующему III военным округом генералу фон Рундштедту. Вы будете прикомандированы к нему в качестве референта по вопросам, связанным с введением чрезвычайного положения. Задача осложняется тем, что в частях 3-й дивизии, дислоцированных в этом районе (в Берлине практически можно рассчитывать только на войска из гарнизона Потсдама и Франкфурта-на-Одере), сейчас отпускной период и многих офицеров и солдат вы не досчитаетесь. Под рукой у вас только берлинский караульный полк. Впрочем, надо полагать, крупных воинских контингентов вам и не потребуется. В крайнем случае можете рассчитывать на подразделения других дивизий, которые в соответствии с планом боевой подготовки находятся сейчас неподалеку, в летних лагерях Добериц и Ютербог. Следует, однако, иметь в виду, что в распоряжении полицей-президента Берлина имеются около 20 тысяч человек. Залог успеха — внезапность. Она обеспечена. Сразу же после обнародования декрета президента генерал фон Рундштедт отстранит от должности полицей-президента Берлина Гржезинского, его заместителя Вейса и начальника полиции полковника Хеймансберга, прежде чем они успеют принять контрмеры. Если они откажутся тут же добровольно подать в отставку, их следует взять под арест. После этого имперское правительство сможет предпринять дальнейшие необходимые шаги".

Вскоре после этого я явился в штаб III военного округа к генералу фон Рундштедту. Не успел я доложить о прибытии, как на столе у генерала зазвонил телефон. Звонил министр рейхсвера фон Шлейхер. Он сообщил, что президент подписал декрет о введении чрезвычайного положения. Министр передал мне привет и закончил разговор словами: "Надеюсь, что вы справитесь с этим делом. Ни пуха ни пера!"

Декретом, принятым на основании статьи 48 Конституции, президент назначил рейхсканцлера чрезвычайным имперским комиссаром Пруссии, возложил на него функции премьер-министра Пруссии и предоставил ему право сместить членов прусского кабинета и поручить руководство отдельными министерствами другим лицам по своему усмотрению. Поскольку декрет этот был уже на пути к нам, я продиктовал под копирку следующий текст уведомления Гржезинскому, Вейсу и Хеймансбергу: "На основании декрета президента республики о восстановлении общественного порядка и безопасности от 20 июля 1932 года вы увольняетесь с должности (следовала должность адресата). В случае вашего отказа сдать дела предьявитель настоящего приказа уполномочен арестовать вас".

Тут же я срочно вызвал в штаб III военного округа капитана Гауффе и трех фельдфебелей из 3-го батальона 9-го пехотного полка, расквартированного в Шпандау. Из числа офицеров 3-й дивизии, которым можно было поручить это дело, Гауффе просто первый подвернулся мне под руку. По поручению Рундштедта я дал ему следующие указания:

"По приказу командующего округом вы возьмете два штабных лимузина и поедете со своими тремя фельдфебелями в полицейское управление Берлина. Там вы вручите адресатам три полученных от меня уведомления. Если означенные лица добровольно сдадут дела, вы проследите за тем, чтобы они немедленно покинули служебные помещения и не возвращались к своим прежним обязанностям. Предварительно вы потребуете, чтобы они подписали соответствующие обязательства. Если же они откажутся выполнить приказ, возьмите их под стражу и доставьте их поначалу на военную гауптвахту в Моабит".

Не успел я проинструктировать капитана Гауффе, как позвонил полковник Маркс, ведавший в Министерстве рейхсвера вопросами прессы, и сообщил, что по желанию президента Гинденбурга следует Гржезинского, Вейса и Хеймансберга в случае их отказа сдать дела подвергнуть лишь "почетному аресту".

После этого Гауффе получил указание препроводить означенных лиц в случае необходимости не на гауптвахту, а в офицерское казино Берлинского караульного полка и держать их там под соответствующей охраной. В доверительном порядке я проинформировал Гауффе и о том, что новым полицей-президентом Берлина назначен бывший полицей-президент города Эссена Мельхер, а новым командиром полицейских войск — полковник полиции фон Потен.

Капитан Гауффе отбыл со своими фельдфебелями на двух

лимузинах в полицейское управление. Не прошло и часа, как он доложил мне оттуда по телефону:

"Сначала все трое согласились выйти в отставку. Но после затянувшихся переговоров, в ходе которых особенно упорствовал заместитель полицей-президента Вейс, они передумали. Вейс заявил, что государственного чиновника могут уволить лишь вышестоящие инстанции после разбирательства его дела в административном порядке. Во всех других случаях чиновника можно лишь временно отстранить от исполнения его служебных обязанностей".

Я договорился с Гауффе по телефону, что как можно скорей вышлю к нему мотоциклиста с тремя новыми уведомлениями, текст которых мне практически подсказал сам Вейс. Я тут же продиктовал письма примерно следующего содержания:

"В соответствии с декретом президента республики от 20 июля 1932 года, принятым на основании статьи 48 конституции, вы немедленно отстраняетесь от исполнения ваших служебных обязанностей. В случае неисполнения настоящего приказа предъявитель сего уполномочен взять вас под стражу".

Генерал фон Рундштедт подписал эти уведомления, и связной мотоциклист выехал с пакетом к капитану Гауффе в приемную полицей-президента.

Тем временем Гржезинский позвонил Рундштедту и сказал ему:

— Господин генерал, вы отстраняете меня от должности! За что? Я сделаю все, что вы хотите. Но вы же еще ничего от меня не требовали!

— То есть как это не требовал? — ответил Рундштедт. — Я же в письменной форме предложил вам и двум вашим коллегам сдать дела. Добавить мне к этому нечего. К тому же я действую не по своей инициативе, а выполняю приказ министра рейхсвера!

Рундштедт сразу же передал мне содержание своего разговора с Гржезинским. Капитан Гауффе то и дело звонил из полицей-президиума, докладывая обстановку. Еще до прибытия мотоциклиста с новыми приказами в полицей-президиум между

Гржезинским, Вейсом и Хеймансбергом в присутствии Гауффе произошел следующий разговор.

— Рундштедт настаивает на выполнении полученного им приказа, — сказал полицей-президент. — Нам остается только подчиниться.

— Я не собираюсь добровольно уходить в отставку, — возразил Хеймансберг. — Это несовместимо с честью офицера.

— Но что прикажете делать? — вмешался Вейс. — Они [то есть рейхсвер. — В. М.] добьются своего. Сила на их стороне.

Упрячут вас за решетку — и дело с концом. Так что не надо громких слов! К тому же без пенсии вы все равно не останетесь!

К 11 часам утра связной мотоциклист из штаба округа прибыл в полицей-президиум и передал капитану Гауффе новые уведомления, составленные "по всей форме". Вскоре Гауффе сообщил мне по телефону:

— Все трое хотя и заявили, что, ознакомившись с приказом, они слагают с себя полномочия, но дать соответствующую подписку отказались. Вообще говоря, здесь становится неуютно. Смена полицейских в городе происходит в 12 часов, и во дворе как раз выстроилась дежурная полицейская рота для развода по постам.

Я доложил обо всем Рундштедту и тут же по телефону передал Гауффе распоряжение генерала:

— Арестуйте всю троицу и препроводите их в офицерское казино караульного полка. На смену полицейских постов не обращайте никакого внимания — им сейчас не до вас. Как только прибудете в казино, звоните сюда.

Не прошло и получаса, как Гауффе доложил по телефону об исполнении приказа.

Генерал фон Рундштедт связался с командиром караульного полка, проинформировал его о случившемся и приказал разместить арестованных в казино под надежной внутренней и наружной охраной и обращаться с ними во всех отношениях корректно. Вслед за этим он поручил главному военному прокурору III округа Золлю, которого тем временем специально вызвали из отпуска, переговорить с "арестантами" в казино и урегулировать все необходимые формальности.

После того как полицейская верхушка была таким образом обезврежена, рейхсканцлер фон Папен приступил к осуществлению дальнейших запланированных мероприятий по ликвидации правительства Пруссии. Он пригласил к себе Зеверинга, Хиртзифера, заменявшего премьер-министра Брауна, который с начала июня находился в отпуске по болезни, и еще одного министра прусского кабинета и сообщил им, что декретом президента он, рейхсканцлер фон Папен, назначен чрезвычайным имперским комиссаром Пруссии, а Браун и Зеверинг отстраняются от должности. Руководство прусским Министерством внутренних дел фон Папен поручил вновь назначенному заместителю имперского комиссара Пруссии д-ру Брахту, до тех пор обер-бургомистру города Эссена.

Зеверинг протестовал и заявил, что он вынужден подчиниться силе. Когда Брахт после обеда явился в свое новое министерство и потребовал от Зеверинга сдать дела, тот отказался, повторив,

что подчинится лишь насилию.

— Какая форма насилия вас больше устраивает? — любезно осведомился Брахт.

— Пусть с наступлением темноты два полицейских офицера выведут меня из министерства, — ответил Зеверинг.

Брахт заметил, что, поскольку в Пруссии введено осадное положение, Зеверинга могли бы вывести из кабинета два офицера рейхсвера, а не полицейские, которые как-никак бывшие подчиненные министра. Но тот стоял на своем. С наступлением темноты в министерство прибыли новый полицей-президент Мельхер и новый начальник полиции полковник фон Потен, которые и выпроводили Зеверинга из его кабинета.

В течение того же дня были выпущены на свободу и "узники казино" Гржезинский, Вейс и Хеймансберг, предварительно подписавшие обязательство, что они полностью слагают с себя свои служебные обязанности и впредь не будут пытаться установить какой-либо контакт со своими бывшими учреждениями.

Во второй половине дня 20 июля и в последующие дни до нас доходили слухи о готовящейся забастовке протеста, в частности, о назревающей забастовке на железных дорогах. Ничего, однако, не произошло. К тому времени Шлейхер сообщил Рундштедту, что слухи эти не подтвердились. 21 или 22 июля — не помню точно — ко мне в штаб округа явился полицейский вахмистр Шумахер, служивший в полицейском участке Хазенхейде в Нейкёльне, и сообщил, что в Шёнебергском полицейском управлении по инициативе майора полиции Энке хотят провести под председательством Хеймансберга тайное совещание, на котором будет обсуждаться вопрос о возможном противодействии мероприятиям имперского правительства.

Доложив об этом Рундштедту, я по его указанию снова вызвал в штаб капитана Гауффе и, проинформировав его о положении, дал ему следующие инструкции:

"Нужно захватить всех участников этого совещания, намеченного Хеймансбергом. Чтобы никто из них не ускользнул из Шёнебергского полицейского управления, разведайте предварительно все ходы и выходы, уточните, сколько солдат вам необходимо. Операцию начнете в 21 час — это самое удобное время. Главное — застать их врасплох. Вы сами в сопровождении одного-двух унтер-офицеров и сотрудника уголовной полиции, которого я вам пришлю, пойдете на квартиру к Хеймансбергу при Шёнебергском полицейском управлении и составите протокол, в котором перечислите присутствующих. Запишите также их объективные данные. Выясните, с какой целью они там собрались.

Затем сотрудник уголовной полиции по вашему указанию произведет обыск квартиры Хеймансберга. Если среди присутствующих действительно окажутся сам Хеймансберг и майор полиции Энке, возьмете их под стражу и доставите на военную гауптвахту. Ордер на арест за подписью Рундштедта вы получите сейчас от меня. Он составлен таким образом, что вы, смотря по обстановке, сможете внести туда еще несколько фамилий. Рундштедт предоставляет вам в этом отношении полную свободу действий".

Около полуночи капитан Гауффе сообщил, что поручение выполнено и Хеймансберг доставлен на гауптвахту.

На основании декрета о введении чрезвычайного положения в стране были запрещены забастовки, а типография газеты КПГ "Роте фане", выход которой с 21 июля был запрещен на пять дней, занята полицией. Вскоре новый полицей-президент Мельхер позвонил Рундштедту и договорился о занятии Дома Карла Либкнехта — резиденции ЦК КПГ. После того как были отданы соответствующие распоряжения, в штабе округа дополнительно издали приказ, уполномочивающий полицейское управление принимать необходимые меры, чтобы воспрепятствовать «нарушениям общественного порядка коммунистами». Однако тут же последовал телефонный звонок от полковника Маркса из Министерства рейхсвера: "Разве можно накануне выборов делать такие вещи? Это же только на руку коммунистам! К тому же перед выборами, когда в стране шесть миллионов безработных, никаких забастовок и так не будет. Трубите отбой".

Если мне не изменяет память, 23 июля Рундштедту позвонил не то сам Шлейхер, не то полковник Отт или полковник Маркс. Рундштедту сообщили, что Геринг собирается предложить Шлейхеру поддержку штурмовых отрядов и с этой целью лично выехал к нам в штаб округа. Рундштедт получил указание отклонить это предложение на том основании, что рейхсвер не нуждается в поддержке и к тому же акция уже завершена. Вскоре после этого в штаб явился Геринг. В его беседе с Рундштедтом принял участие и начальник штаба III военного округа полковник Генштаба Шведлер, незадолго до этого досрочно прибывший по вызову из отпуска. Сразу же после недолгой беседы я узнал от Рундштедта и Шведлера о ее содержании.

Геринг действительно предложил нам поддержку своих штурмовиков, заявив, что в Берлине, Магдебурге, Штеттине и Франкфурте-на-Одере в его распоряжении достаточно людей, которых можно немедленно использовать. При этом, по его словам, в каждом из этих городов штурмовые отряды насчитывают десятки тысяч человек — от 30 тысяч до 60 тысяч.

Рундштедт поблагодарил и сказал, что рейхсверу помощь не требуется, а кроме того, акция против прусского правительства уже завершена. "Если же, — закончил генерал, — придется предпринимать еще какие-либо меры, то рейхсвер справится с этим своими силами".

25 июля Государственная судебная палата отклонила просьбу смещенного прусского кабинета о временном возвращении его к своим обязанностям вплоть до окончательного решения суда о законности действий имперского правительства.

Вскоре после этого решения Государственной судебной палаты президентским декретом от 26 июля 1932 года военное положение в черте Большого Берлина и земле Бранденбург было отменено в связи с предстоявшими 31 июля выборами в рейхстаг. Я возвратился в свою часть в Мюнхен».

Разработка инструкции «Об использовании рейхсвера внутри рейха»

Нарастающая волна забастовок осенью 1932 года, и прежде всего забастовка на городском транспорте в Берлине, а также усиление антифашистского движения под руководством компартии побудили кабинет Шлейхера поручить командованию рейхсвера подготовку мероприятий по использованию рейхсвера в борьбе против революционного рабочего движения. В этой связи была заново пересмотрена инструкция «Об использовании рейхсвера внутри рейха». Капитан Мюллер принимал участие в переработке этого документа. В его личном архиве сохранилась об этом следующая запись:

«Внутренние акции рейхсвера регламентировались специальной инструкцией, принятой в 1919 году и переработанной в 1921 году. Этот документ состоял из трех частей: общие принципы руководства войсками при боевых действиях по подавлению внутренних беспорядков (эта часть была разработана на основе наставления по применению огнестрельного оружия); взаимодействие рейхсвера с гражданской администрацией и полицией; вопросы связи и снабжения. Ввиду возросшего уровня боевой подготовки рейхсвера в описываемый период многие положения этой инструкции оказались перегружены ненужными подробностями, а то и вовсе устарели. В декабре 1932 года служебная инструкция "Об использовании рейхсвера внутри рейха" подверглась переработке с учетом сложившейся к тому времени внутриполитической обстановки. Еще раньше один из сотрудников военно-политического отдела спросил как-то Шлейхера, не настала ли пора "освежить" эту инструкцию. В тот раз Шлейхер ответил: "Неплохо было бы, но сейчас нельзя. Ведь об этом все узнают".

По прибытии в Берлин я получил от полковника Отта указание о переработке инструкции.

— Существующая инструкция, как известно, устарела, — сказал Отт, — но по соображениям политического характера в 1931 году не удалось приступить к ее пересмотру. Теперь необходимо составить короткую, предельно ясную инструкцию, учитывающую все возможности и устанавливающую общие принципы использования войск для подавления беспорядков

внутри страны и применения оружия в подобных акциях. Необходимо, далее, предусмотреть полномочия, предоставляемые при этом командирам воинских частей и соединений, порядок взаимодействия с гражданскими властями и, наконец, меры по обеспечению связи и военной охраны важных объектов.

В отличие от старой инструкции новый вариант в феврале 1933 года был разослан в соответствующие инстанции в качестве секретного документа, однако вскоре после этого военный министр Бломберг приказал возвратить в министерство отосланные экземпляры.

В первой половине декабря 1932 года я имел пятиминутную беседу со Шлейхером. Когда я зашел в его кабинет, он как раз надевал шинель, собираясь уходить. После нескольких замечаний личного характера я сказал:

— Пока я еще не вижу разницы между правительством Шлейхера и предыдущим кабинетом фон Папена. Можно сказать лишь, что рейхсканцлер Шлейхер, будучи одновременно министром рейхсвера, может единолично решить все вопросы, связанные с использованием рейхсвера, тогда как при Папене вполне могло случиться, что рейхсканцлер и министр рейхсвера разошлись бы при этом во мнениях.

— Потерпите несколько дней, — ответил Шлейхер. — После моего правительственного заявления вам все станет ясно. Быть может, инструкция, в составлении которой вы сейчас принимаете участие, нам еще пригодится.

Во время моей работы в военно-политическом отделе Министерства рейхсвера в декабре 1932 года полковник Отт рассказывал мне о том, как по поручению Шлейхера он встречался с Гитлером. В конце ноября 1932 года в связи с затянувшимся правительственным кризисом Гитлер выехал в Берлин, чтобы присутствовать при сформировании нового кабинета. Еще в дороге он узнал, что Гинденбург собирается назначить Шлейхера рейхсканцлером. Тогда Гитлер и сопровождавшие его нацистские главари решили сделать остановку в Веймаре и переждать здесь развитие событий. Туда-то и выехал 1 декабря полковник Отт, чтобы выяснить, какую позицию займет Гитлер по отношению к кабинету Шлейхера: будет ли он относиться лояльно к новому правительству или, быть может, захочет сам войти в его состав. Отт предложил Гитлеру пост вице-канцлера и несколько министерских портфелей для нацистской партии. После этого в свите Гитлера развернулась оживленная дискуссия, в ходе которой выражались самые противоположные точки зрения. Сам Гитлер долго говорил, уставившись в потолок, о развитии и задачах своего

"движения", не обращая ни малейшего внимания на ожесточенный спор среди своих приближенных. В конце концов он отказался от участия в новом правительстве, независимо от того, кто займет в нем пост рейхсканцлера. Отт в беседе со мной истолковал это как желание Гитлера сохранить свободу рук. Однако в ту же ночь Геринг согласился немедленно встретиться в Берлине со Шлейхером. Во время этой встречи он заявил, что нацисты будут относиться лояльно к новому правительству. В последующие дни Шлейхер приступил к формированию своего кабинета».

Последняя беседа со Шлейхером

За несколько недель до убийства нацистами генерала фон Шлейхера В. Мюллер беседовал с ним о событиях 1932–1933 годов.

В личном архиве Мюллера сохранилась следующая запись об этой беседе:

«29 апреля 1934 года Шлейхер пригласил меня к себе домой. Кроме меня, приглашены были фон Бредов и одна супружеская пара из Западной Померании. После обеда Шлейхер довольно долго беседовал со мной с глазу на глаз в своем саду. Генерал очень резко говорил об Оскаре Гинденбурге, сыне и личном адъютанте президента республики. Он назвал его низким и коварным интриганом, подорвавшим доверие президента к нему, Шлейхеру. По словам хозяина, в интригах против него принимал участие и фон Папен. "В то время (то есть в период канцлерства Шлейхера) Папен чаще всего проходил в президентский дворец с черного хода, через парк, — рассказывал Шлейхер. — Вкусив власти, он не хотел от нее отказаться и старался любыми средствами поддерживать контакт с Гинденбургом. Сыграла свою роль и позиция, занятая Бломбергом. Так, я узнал, что Бломберг приезжал к Гитлеру еще из Женевы, где он принимал участие в конференции по разоружению в качестве уполномоченного министерства рейхсвера, Эту встречу организовал по его поручению фон Рейхенау. Но этого мало. Еще более некрасиво выглядел вызов Бломберга из Женевы в Берлин к Старику [то есть к Гинденбургу. — Ред.], организованный тайком от меня Оскаром. Я твердо решил тогда заявить Старику самый энергичный протест и потребовать отставки Бломберга, Но события упредили меня".

По поводу своих разногласий с Папеном Шлейхер сказал, что Папен требовал распустить рейхстаг, ввести осадное положение и разработать новую конституцию, которую он рассчитывал в подходящий момент навязать стране. Он же, Шлейхер, был против введения осадного положения, считая, что оно разлагает армию.

— Вы ведь сами по опыту 1923–1924 годов знаете, — добавил Шлейхер, — что чрезвычайное положение можно вводить лишь на короткий срок для решения определенных задач по восстановлению общественной безопасности и порядка. В противном случае чрезвычайное положение деморализует армию и подрывает ее авторитет.

Шлейхер подчеркнул, что на посту рейхсканцлера ему все же

удалось добиться целого ряда успехов. Усиление рейхсвера было обеспечено. По этому вопросу он с 1930 года поддерживал через французского посла в Берлине Франсуа-Понсэ сугубо доверительные контакты с правительствами Англии и Франции, которые, в принципе, уже дали свое согласие на меры по дальнейшему укреплению рейхсвера. Оставалось лишь урегулировать формальную сторону дела, но соответствующие переговоры, к сожалению, очень затянулись. Это очень осложнило его,

Шлейхера, положение. Ведь до завершения переговоров он не мог говорить об этом открыто. Далее, мировой экономический кризис, по словам Шлейхера, в период его правления уже шел на убыль. Его переговоры с профсоюзами (и со Всегерманской федерацией профсоюзов, и с христианскими профсоюзами) развивались весьма успешно.

— В руководстве профсоюзов сидели люди, понимавшие, что к чему, — заметил в этой связи генерал. — Они уяснили себе, в частности, что у них появился наконец шанс успокоить рабочих.

Но, разумеется, для достижения практических результатов и здесь требовалось какое-то время. Вообще, по мнению Шлейхера, ни одно антирабочее правительство не могло долго продержаться — рабочих слишком много. Поэтому он и пытался привлечь СДПГ к проведению конструктивной политики в вопросах обороны,

— В моей правительственной программе были, конечно, свои слабости, — сказал Шлейхер, — но мне вообще не дали времени, чтобы претворить ее в жизнь.

На мой вопрос о том, что послужило непосредственной причиной падения кабинета Брюннинга — Тренера, Шлейхер ответил:

"Брюннинг был выдающимся канцлером. Худо ли, бедно ли, а он провел нас через первый период экономического кризиса. В области внешней политики его переговоры с Англией и Францией привели к улучшению наших отношений с этими державами и, в конечном счете, к успеху в Лозанне [имеется в виду прекращение Германией выплаты репараций. — В. М.]. Но он вечно колебался. Каждый раз, когда надо было действовать быстро и энергично, Брюннингу не хватало решимости. Прежде всего он ни за что не хотел ссориться с СДПГ, считая необходимым ее лояльное отношение к своему кабинету. Далее, он лишь с большими оговорками одобрял мою тактику по отношению к Национал-социалистской партии; в результате всего дело дошло до открытого конфликта, связанного с запретом штурмовых отрядов. А ведь Брюннинг знал о моих переговорах с национал-социалистами.

Мое отношение к Тренеру вам хорошо известно, — продолжал Шлейхер. — Как я отговаривал его от запрещения СС и СА тогда, в апреле 1932 года! Однажды я просидел с ним до поздней ночи за бутылкой его любимого мозеля, пытаясь переубедить его. Моя тактика по отношению к Гитлеру, по сути дела, не отличалась от тактики нашего Верховного командования в революции 1918–1919 годов. Мы стремились тогда привлечь СДПГ к государственной власти и одновременно вели борьбу против ее радикальных элементов, стараясь парализовать их активность. Так и в данном случае. Я был убежден, что в СА имеется немало положительных сил, в сотрудничестве с которыми рейхсвер был, без сомнения, заинтересован и которые могли бы стать для него источником резервов. Знал я и о противоречиях в нацистской партии, и о серьезных разногласиях среди нацистов в вопросе о том, чего им следует добиваться — неограниченной полноты власти в стране или участия в кабинете демократического правительства. Меня не раз упрекали в том, что я от имени правительства вступил в официальные контакты с национал-социалистами и самим Гитлером. Но я не мог достигнуть своей цели без переговоров с ними".

Обнаружив направленные против него интриги, Шлейхер, по его словам, 23 января 1933 года потребовал у президента назначить новые выборы в рейхстаг и ввести чрезвычайное положение. Однако президент отказался предоставить ему требуемые полномочия.

«Потом, когда в конце января 1933 года стало ясно, что Старика окончательно обработали и я уже принял решение об отставке моего кабинета, фон Хаммерштейну, начальнику Главного управления сухопутных сил, пришла в голову мысль упрятать Старика куда-нибудь, иными словами, убрать его со сцены. Но я сразу же отклонил этот проект. Что вы хотите! Перепрыгнуть через собственную тень я не мог, несмотря на весь гнев и ожесточение против Старика, который, вместо того чтобы говорить со мной, законным главой правительства, вел прямые переговоры с Папеном и — через посредников — с нацистской партией. Переданные Старику слухи, что потсдамский гарнизон приведен в боевую готовность для вступления в Берлин, разумеется, были чистейшей выдумкой. Ничего подобного не произошло да и не могло произойти хотя бы уже потому, что я не допускал и мысли об этом».

Мюнхен 30 июня 1934 года

В 1933–1934 годах среди сторонников нацизма, особенно в штурмовых отрядах, усилилось недовольство и распространились оппозиционные настроения против Гитлера, который не сдержал ни одного из своих псевдосоциалистических обещаний, получивших отражение прежде всего в программе национал-социалистской партии. Нацистской верхушке «национальная революция» дала богатство и власть, но многим, так называемым рядовым участникам движения она не принесла решительно ничего. Главарь штурмовиков Рем и его клика решили использовать в своих интересах кризис в фашистских организациях, подорвавший массовую базу нацизма. Стремясь нажить на этом политический капитал, они требовали, между прочим, зачисления в рейхсвер значительного числа руководителей штурмовых отрядов с сохранением за ними соответствующих командных должностей. Ведь не только они сами, но и официальная пропаганда нацистской партии до 1933 года не уставала говорить о штурмовых отрядах как о «ядре армии будущего». Теперь они хотели, чтобы за словами последовали наконец и дела. Рем собирался даже объединить рейхсвер и СА, СС и «Стальной шлем» под властью единого военного министерства, возглавить которое рассчитывал сам. Однако генералы, обеспокоенные разногласиями среди нацистов, опасаясь выступления вооруженных банд штурмовиков, которое нелегко было бы подавить, и вовсе не желая уступать свои позиции главарям СА, резко выступили против этих планов и пригрозили в случае необходимости двинуть рейхсвер.

Ради достижения общих целей Гитлер уступил требованиям рейхсвера об «умиротворении» штурмовиков.

Для этого решено было ликвидировать руководителей СА, предъявив им обвинение в подготовке путча.

Однако в проскрипционные списки, составленные при подготовке этой акции, нацистские главари включили не только верхушку СА, но и ряд других, не угодных им лиц, устранения которых они добивались по разным причинам. Некоторые из этих людей слишком много знали о методах и темных делах гитлеровской верхушки, другие имели несчастье почему-либо вызвать неудовольствие главарей нацистской партии.

В канун кровавой резни командование рейхсвера привело его части в полную боевую готовность, во-первых, желая тем самым показать Гитлеру и его ближайшему окружению, что настала пора действовать, и, во-вторых, намереваясь вмешаться в случае

сопротивления со стороны штурмовиков. Желая еще раз подчеркнуть, что решающее слово в военных делах принадлежит рейхсверу, а не СА, но что при этом армия безоговорочно поддерживает фашистскую диктатуру, министр рейхсвера генерал фон Бломберг выступил 29 июня 1934 года со статьей в гитлеровской газете «Фёлькишер беобахтер». В этой статье он подчеркивал, что армия служит нацистскому государству, которое она «принимает безоговорочно, исходя из глубочайшего внутреннего убеждения», и полностью поддерживает его руководителей, «вернувших вооруженным силам страны их святое право пользоваться безграничным доверием народа и государства».

«Армия, — писал в заключение Бломберг, — сохраняя железную дисциплину и исполненная сознания своего долга, пойдет за рейхспрезидентом Гинденбургом и фюрером рейха Адольфом Гитлером, который сам вышел некогда из ее рядов и которого мы всегда будем считать своим человеком».

В личном архиве Мюллера, с апреля 1933 года проходившего службу в штабе VII военного округа, сохранились следующие записи о событиях 30 июня 1934 года:

«29 июня 1934 года я находился в служебной командировке в городе Регенсбурге. Во второй половине дня начальник штаба VII округа полковник Кюблер по телефону приказал мне немедленно вернуться в Мюнхен. К пяти часам пополудни я прибыл в баварскую столицу.

В штабе командующий округом генерал Адам сказал мне следующее:

— Согласно сообщению, поступившему из Берлина от начальника военно-политического отдела генерала фон Рейхенау, сегодня ночью рейхсканцлер на самолете прибудет из Годесберга в Мюнхен. По прибытии он тотчас же направится в баварское Министерство внутренних дел, где устно передаст важные распоряжения специально откомандированному туда офицеру из штаба нашего округа. Этим офицером будете вы, поскольку, занимаясь вопросами территориальной обороны, вы уже не раз вступали в контакт с баварским министром внутренних дел Вагнером. На аэродроме Гитлера встретит подполковник Зинцених, который доложит ему об обстановке в Мюнхене. Откровенно говоря, мы сами пока не знаем точно, о чем ему надо докладывать. Во всех частях гарнизона запрещены отпуска и выдача увольнительных в город. О подробностях нам пока ничего не известно. По словам связного от СС, который был здесь сегодня утром, дело идет о штурмовых отрядах. Между прочим, он сказал, что особенно важно не дать штурмовым отрядам

возможность завладеть оружием. Вот и все. Остальное вы сами узнаете в Министерстве внутренних дел и доложите нам. Не теряйте времени и тотчас же отправляйтесь к Вагнеру. Прежде всего узнайте у него точно, когда сюда прибудет Гитлер.

В приемной баварского Министерства внутренних дел я застал начальника канцелярии министра Кёгльмейера, приземистого, тучного бригадефюрера СС по фамилии Вебер (во всяком случае, представляясь, он так назвал себя) и Шауба, личного шофера Гитлера (если мне не изменяет память, Шауб тоже был в эсэсовском мундире со знаками различия бригадефюрера).

В приемной было полно народу — одни уходили, другие приходили, образовалась целая очередь к министру, и лишь час спустя меня провели в его кабинет.

— По указанию генерала Рейхенау командующий военным округом направил меня к вам, — доложил я, — чтобы получить от рейхсканцлера, прибывающего сегодня ночью, важный приказ частям нашего военного округа.

Вагнер прежде всего осведомился, получили ли мы приказ об отмене увольнительных в казармах гарнизона.

Я ответил утвердительно. Тогда министр сказал, что время прибытия фюрера ему еще точно не известно — говорили лишь, что он приедет вечером, часов в 10–11. Я обратил внимание министра на то, что штаб округа вообще еще не в курсе дел.

— Речь идет о подавлении готовящегося путча штурмовиков, — сказал Вагнер. — Фюрер вызвал все высшее руководство СА на совещание в Висзее. Об этом вы можете сообщить только командующему округом. Все остальное скажет вам сам фюрер.

Во время беседы со мной Вагнер один раз подошел к двери и, приоткрыв ее, спросил своего начальника канцелярии:

— Кстати, вы уже уточнили, где находятся сейчас Шнейдхубер и Шмидт [обергруппенфюрер СА в Баварии и группенфюрер СА в Верхней Баварии. — Нем. ред.]: еще в Мюнхене или они уже выехали в Висзее?

Кёгльмейер ответил, что это еще неизвестно.

— Давно уже пора это выяснить. Уточните немедленно! — недовольно заметил Вагнер.

Прощаясь, я сказал министру, что возвращаюсь в штаб округа и вновь буду у него к десяти часам вечера. Выйдя из кабинета, я немного задержался в приемной и успел услышать, как Кёгльмейер и бригадефюрер СС Вебер говорили, что на исходе дня на учебный плац Обервизенфельд в северной части Мюнхена прибыли с неизвестной целью два вооруженных отряда

штурмовиков.

Я доложил генералу Адаму в присутствии начальника штаба округа о своем разговоре с министром. Адам, в свою очередь, рассказал, что он тем временем позвонил в Берлин, в Министерство рейхсвера, барону фон Фричу и спросил его, что, собственно, случилось. Фрич подтвердил приказания Рейхенау и сказал, что все остальное в штабе округа узнают после прибытия в Мюнхен Гитлера. Втроем мы тут же стали гадать, что же все-таки могло произойти. Дело, во всяком случае, было связано с СА — об этом свидетельствовало все, что я услышал в Министерстве внутренних дел. Мы вспомнили в этой связи и о том, что еще весной этого года штурмовые отряды требовали "продолжать и развивать национальную революцию" и что с самого начала года мюнхенское руководство СА вело себя по отношению к штабу округа крайне настороженно. Впрочем, личные контакты между командирами штурмовых отрядов и офицерами гарнизона не прерывались. Далее, генерал Адам знал о том, что уже несколько месяцев руководство СА стремится усилить свое влияние в рейхсвере. Наконец, весьма примечателен был и следующий эпизод. В апреле 1934 года начальник штурмовых отрядов в Австрии бригадефюрер СА Решны по своей инициативе, без договоренности с мюнхенским руководством СА явился в штаб VII военного округа с просьбой предоставить для австрийских штурмовиков оружие и боеприпасы. Запросив указаний у Рейхенау, который в ответ вообще запретил выдавать штурмовым отрядам оружие и боеприпасы, штаб округа отказал Решны в его просьбе.

Точно в 22 часа я снова явился в приемную министра Вагнера и вновь застал здесь Кёгльмейера, Вебера и Шауба. Вагнер как раз принимал кого-то и передал мне через Кёгльмейера, что Гитлер задерживается и пока еще не вылетел из Годесберга. Однако министр попросил меня не уходить. Приемная постепенно наполнялась людьми, и вскоре работа закипела. Среди штурмовиков и эсэсовцев в форме здесь появились и несколько штатских, которые шепотом докладывали что-то Кёгльмейеру и Веберу. Днем, дожидаясь приема, я устроился в углу на диване, теперь же придвинул стул к письменным столам, за которыми сидели Вебер и Кёгльмейер. Вебер успел, судя по всему, пропустить пару кружек пива и настроен был более общительно, чем днем. Он на чем свет стоит ругал "этих собак-штурмовиков", которые "свое получат", и, между прочим, сказал:

— Штурмовики постоянно жмут на фюрера да и на всех нас. Пора с этим кончать!

На мой вопрос, что он имеет в виду, Вебер ответил:

— А то не знаете? СА хочет занять место рейхсвера.

Это замечание показалось мне заслуживающим особого внимания, и я счел необходимым как можно скорее доложить об этом генералу Адаму.

Некоторое время я еще прождал в приемной, прислушиваясь к разговору Вебера и Кёгльмейера, которые рассказывали друг другу о безобразиях, творящихся в руководстве СА: попойках, вымогательствах и т. д. Кто-то из собеседников заметил:

— Да и вообще этот маньяк Рем метит на место самого фюрера.

Сведений о том, что Гитлер вылетел из Годесберга, не поступало, и я сказал Кёгльмейеру и Веберу, что возвращаюсь в штаб округа — там я доложу, что рейхсканцлер задерживается в Годесберге, и заодно узнаю последние новости. Кёгльмейер на всякий случай записал номер моего телефона.

Доложив обо всем услышанном генералу Адаму, я к полуночи в третий раз направился в Министерство внутренних дел. В приемной сидели теперь еще несколько, человек, одни в нацистской, другие в эсэсовской форме. Из кабинета Вагнера доносился гул голосов, а временами гневные выкрики самого министра. Но обитая кожей дверь мешала разобрать отдельные слова. Потом я узнал, что Вагнер в это время "устраивал головомойку" обергруппенфюреру баварских штурмовиков Шнейдхуберу. Вскоре нам сообщили, что Гитлер прилетит в Мюнхен к двум часам ночи.

В третьем часу ночи Гитлер прибыл в Министерство внутренних дел. Еще на пороге он спросил, прибыл ли офицер из штаба округа для получения указаний. Сказав "Так точно", я надел фуражку, стал перед Гитлером по стойке "смирно" и получил от него следующие распоряжения:

— Передадите командующему округом, что все события, которые произойдут здесь в ближайшие часы, являются внутренним делом партии. Части гарнизона должны оставаться в казармах. Армия не имеет отношения ко всему этому делу. Мы сами постираем свое грязное белье. Скверно лишь, что в этом замешаны генералы фон Шлейхер и фон Бредов. Я позабочусь о том, чтобы ничто впредь не мешало рейхсверу выполнять его задачи по обороне страны. Последующие распоряжения получите после моего возвращения из Висзее.

Сказав это, Гитлер повернулся к Вагнеру.

— Шнейдхубер и Шмидт задержаны? Они здесь?

— Сидят в моем кабинете, — ответил министр. — С них уже сорвали погоны.

— Слишком много на себя берете! — резко сказал Гитлер. —

Что с ними делать — решаю я один!

Он прошел вместе с Вагнером в его кабинет, и до меня долетели его слова: "…Надеюсь, вы меня не задержите надолго. Я хочу как можно скорее выехать в Висзее".

Гитлера сопровождали Геббельс, личный референт Ханке и еще трое-четверо людей в штатском.

Войдя в приемную, Геббельс уселся на диван и тут же заснул. Ханке разбудил его и стал обсуждать с ним дальнейший план действий. Он извлек список на двух страницах, в котором были перечислены высшие главари СА, вызванные на совещание в Висзее. Я слышал, как Геббельс и Ханке в течение нескольких минут перечитывали этот список, комментируя его вполголоса. По их замечаниям я понял, что речь шла о том, где и как предполагается задержать этих людей. Некоторые из "фюреров" СА должны были, видимо, приехать прямо в Висзее на машинах. В этих случаях Ханке неизменно повторял: "Поручено СС". Других, очевидно, ожидали с утренним поездом в Мюнхене. "Этих я со своими людьми перехвачу на вокзале", — говорил о них Ханке. Наконец, называя некоторые фамилии, он добавлял: "Этими займется Геринг в Берлине".

Вернувшись в штаб округа, я проинформировал обо всем генерала Адама.

— Будем надеяться, что для нас все обойдется благополучно, — заметил командующий округом, — и нам не припомнят контактов, которые многие офицеры поддерживали со штурмовиками.

Я поделился с генералом соображениями о том, какую роль могли играть в этом деле Шлейхер и Бредов.

— Во время последней встречи со мной Шлейхер говорил о Реме крайне пренебрежительно, — сказал я. — Правда, раньше Шлейхер вел с ним переговоры, но я не могу себе представить, что он до сих пор поддерживал с ним связь. Быть может, Шлейхеру ставят в вину контакты со Штрассером или то, что после своей отставки он открыто ругал нацистов, в частности, в беседах с французским послом Франсуа-Понсэ?

Генерал Адам не допускал мысли, что Шлейхер предпринимал что-либо против нацистской партии. Я спросил его, нельзя ли как-нибудь предупредить Шлейхера о грозящей ему опасности.

— Как вы это себе представляете? — возразил генерал. — Ведь они наверняка подслушивают его телефонные разговоры, а быть может, он уже и арестован.

В 8 часов утра 30 июня я, как было условлено, снова направился к Вагнеру, но не застал его в министерстве. Я решил

обождать в приемной, куда мне позвонил начальник штаба округа. От него я узнал, что Рейхенау уже осведомлялся из Берлина, получили ли мы указания от Гитлера. Однако никаких других происшествий не было. Около полудня мне сообщили, что Гитлер больше не будет в Министерстве внутренних дел, а отправится сразу в Коричневый дом [тогдашняя резиденция нацистской партии в Мюнхене. — Нем. ред.], где и примет решение о дальнейшей судьбе арестованных руководителей СА. Я договорился с Кёгльмейером, что зайду еще раз к вечеру, а он, в свою очередь, позвонит мне, если я понадоблюсь раньше.

Прибыв в министерство к семи часам вечера, я встретил в приемной знакомого мне капитана баварской полиции фон Килиани. Отведя меня в угол комнаты, Килиани рассказал мне, что сегодня в шесть часов вечера эсэсовцы расстреляли в Штадельхеймской тюрьме группу руководителей местных штурмовых отрядов. При этом он назвал несколько фамилий, в том числе Шнейдхубера, который, как ни странно, крикнул перед смертью: "Да здравствует фюрер!"

Погиб и фон Кар, занимавший в 1923 году во время гитлеровского путча пост чрезвычайного государственного комиссара Баварии. Его вывезли в концлагерь Дахау и там убили.

Теперь, по словам Килиани, разыскивают бывшего начальника баварской полиции отставного полковника полиции Зейссера.

Мне сказали, что Вагнер должен скоро прийти; я решил дождаться его и узнать, не поступило ли от Гитлера новых указаний штабу округа. Вскоре приехал министр, он был в крайне возбужденном состоянии. На мой вопрос он, подумав немного, ответил:

— Фюрер счел нужным еще раз напомнить штабу округа, что впредь до новых указаний его приказ, отданный сегодня утром, сохраняет полную силу.

После этого Вагнер, пройдя со мной в свой кабинет, сказал, что вся операция успешно завершена и отныне СА не будет больше помехой для рейхсвера. Фюрер поступил с бунтовщиками по всей строгости закона. Некоторые из них уже расстреляны. Я сделал вид, что это для меня новость, и спросил, правда ли, что Кар тоже убит.

— Да. Вы этого не ожидали? — сказал Вагнер. — Если уж наводить порядок, то до конца!

На вопрос министра, не было ли каких-нибудь непредвиденных происшествий в рейхсвере, я ответил отрицательно и добавил, что, как мне кажется, необходимо по возможности скорее проинформировать обо всем случившемся

штаб округа. На это Вагнер напыщенно заявил:

— Не только армия, но и весь германский народ, весь мир узнает правду о сегодняшнем дне!

Выйдя из его кабинета, я еще поговорил в приемной с Килиани, который обещал мне сообщить штабу округа обо всем, что станет известно в полиции. Было уже около 10 часов вечера, когда я явился наконец с докладом к генералу Адаму. Выслушав меня, он заметил, что ничего не имеет против изоляции ненадежных элементов, но считает неправильным ставить людей к стенке без суда и следствия. Это, по его мнению, неминуемо произведет тягостное впечатление за границей. Неприятно также то, что все произошло за широкой спиной рейхсвера, который в результате несет за это свою долю ответственности.

Тем временем в штаб округа также поступило несколько сообщений об имевших место расстрелах и убийствах. Так, например, музыкальный критик газеты "Мюнхнер нойестен нахрихтен" Шмидт, однофамилец группенфюрера СА Верхней Баварии, был убит на глазах своей семьи какими-то якобы неизвестными людьми, ворвавшимися в его дом. Убили и некоего д-ра Штемпфле. В свое время этот Штемпфле сотрудничал в баварской шовинистической газете "Мисбахер анцейгер", для которой Бавария являлась эпицентром мировой истории. Этот погромный листок поддерживал кампанию, развернутую тогда нацистами против Берлина и имперского правительства, а сам Штемпфле в двадцатые годы был в дружеских отношениях с Гитлером, Я познакомился с ним в апреле 1934 года в одном из мюнхенских летних кафе, куда забрел в свободный вечер. Один из моих знакомых, майор фон Тома, пригласил меня к своему столику, за которым сидел и Штемпфле. Они продолжали прерванный моим появлением разговор о противоречиях в нацистской партии, в ходе которого Штемпфле заметил: "Попомните мое слово, если у них начнется междоусобица, они немедленно отправят меня к праотцам". На вопрос фон Тома "За что?" Штемпфле ответил: "Тут все очень просто: у меня еще с прежних времен сохранилась картотека с компрометирующими материалами на многих членов нацистской партии, да еще с какими! До сего времени я по указанию Гитлера никого не подпускал к этому архиву. Но все равно я знаю слишком много, рано или поздно они со мной покончат".

После полуночи начальник штаба округа полковник Кюблер по поручению генерала Адама позвонил в Берлин, в Министерство рейхсвера, начальнику Генштаба барону фон Фричу, доложил ему обстановку в Мюнхене и попросил принять меры, чтобы по возможности скорее проинформировать армию

обо всех происшедших событиях. Кюблер спросил также о судьбе Шлейхера и Бредова; Фрич ответил, что, насколько ему известно, Шлейхер и его жена застрелены, а Бредов арестован, и на этом закончил разговор.

Утром 1 июля я вновь явился в приемную Вагнера. Узнав от Кёгльмейера, что министр занят, я уселся на диван. В этот момент Вагнер приоткрыл дверь в приемную и сказал Кёгльмейеру:

— Кстати, вам известно, что сегодня начальник штаба округа звонил Фричу в Берлин и сказал ему, что здесь дело пахнет беззаконием и резней и что Кара уже прикончили, а Зейссера разыскивают?

Я оказался в неудобном положении, ведь не далее как прошлым вечером именно я спрашивал у министра о судьбе Кара. Кёгльмейер поспешил сказать Вагнеру, что майор Мюллер уже пришел и сидит на диване в приемной. Министр сделал вид, что не расслышал, и спросил Кёгльмейера:

— А Зейссера вы наконец нашли?

И лишь после того, как тот ответил отрицательно, Вагнер вышел в приемную, поздоровался со мной и пригласил меня в свой кабинет.

Он показал мне список уже расстрелянных руководителей СА, в котором, между прочим, Рем не значился.

— Как видите, в Берлине тоже все в полном порядке, — заметил Вагнер.

На его вопрос, не было ли непредвиденных происшествий в рейхсвере, я ответил:

— Нет. Части находятся в казармах и ждут новых распоряжений. С завтрашнего дня мы намерены вернуться к обычному распорядку службы, но увольнительных в город по-прежнему не выдаем.

О ночном телефонном разговоре Кюблера с Фричем министр больше не упоминал. Я обратил его внимание на то, что, по мнению командующего округом, чрезвычайно важно как можно скорее полностью проинформировать армию о происшедших событиях.

— Не беспокойтесь, — сказал Вагнер, — в надлежащий момент фюрер сделает это сам. Я полагаю, что дело, в основном, уже сделано.

Отпустив еще несколько крепких словечек в адрес "предателей из СА", Вагнер сказал в завершение:

— Господин майор, думаю, что вашу миссию можно считать выполненной. Давайте договоримся, что мы вновь созвонимся в случае необходимости. Впрочем, до этого едва ли дойдет. Во

избежание возможных недоразумений еще раз напоминаю вам, что впредь до новых распоряжений из Берлина части гарнизона должны оставаться в казармах.

После того как я доложил генералу Адаму о своем последнем визите в министерство, командующий провел совещание, в котором, кроме начальника штаба и меня самого, приняли участие начальник разведотдела штаба полковник Кёрбис и, если мне не изменяет память, начальник оперативного отдела подполковник Мацки. В ходе совещания обсуждались дополнительные сообщения, полученные в штабе округа. Мы к этому времени знали уже совершенно точно, что Шлейхер и Бредов застрелены и что в числе убитых в эти дни были и некоторые представители распущенных Гитлером политических партий, например, лидер "Католического действия" Клаузнер, бывший министериаль-директор в прусском Министерстве внутренних дел, и другие.

Генерал Адам следующим образом подвел итоги нашего совещания:

— Расстрел генералов Шлейхера и Бредова непосредственно затрагивает рейхсвер. В этом вопросе не должно оставаться никаких неясностей. Если их устранили просто как нежелательных политических свидетелей, мы не оставим это без последствий. Далее, мне представляется важным обеспечить надежный контроль наших линий телефонной связи. Об этом придется как следует подумать. Вообще надо сказать, что события последних дней крайне осложняют положение рейсхвера. Необходимо как можно скорее выяснить, как относится к ним армия, и потребовать исчерпывающих разъяснений. Встает также вопрос о будущих отношениях между рейхсвером и СА, особенно в области военного обучения. Характер и методы проведенной акции нанесут тяжелый удар по нашему международному престижу. Они вызовут также смятение в самой НСДАП и среди населения, хотя многие, бесспорно, одобрят меры, принятые для того, чтобы положить конец недопустимым притязаниям СА. Сейчас для нас важно прежде всего позаботиться о безупречном моральном состоянии войск. Солдаты не должны сложа руки сидеть в казармах. Поэтому приказываю с понедельника 2 июля вновь приступить к обычному прохождению службы в расположении частей гарнизона и продолжить подготовку к боевым учениям в Графенвере. Но с увольнительными и отпусками пока подождем.

Во второй половине дня 2 июля меня вызвал к себе полковник Кюблер.

— Мне только что звонил командир 7-го саперного

батальона, — сказал он [батальон был по-прежнему расквартирован в Мюнхене. — В. М.]. — Он запрашивает указаний от штаба округа в связи с тем, что акция против штурмовиков вызвала серьезное беспокойство у части офицеров батальона. Поговаривают, что все это было затеяно высшим командованием рейхсвера. Офицеры батальона, ваши бывшие сослуживцы, хотят поговорить с вами. Поезжайте туда.

Спустя полчаса эта встреча состоялась. Я сообщил офицерам батальона, что объявил мне Гитлер в баварском Министерстве внутренних дел. Лейтенант Рааль, один из офицеров моей бывшей роты, который во время моей службы в батальоне не раз откровенно обсуждал со мной взаимоотношения между рейхсвером и СА, на сей раз не был удовлетворен моими разъяснениями.

— Я вам верю, господин майор, — заявил он. — Вы действительно сообщили нам все, что вам известно. Но ведь не исключено, что наши высшие инстанции в Берлине сами все это подстроили. К тому же мне вовсе не нравится, что основную роль в этом деле играли эсэсовцы.

В ответ на мои слова, что Гитлер в ближайшие дни выступит в рейхстаге с заявлением по этому вопросу, Рааль только усмехнулся. В заключение слово взял командир батальона подполковник Мейзе:

— Нам остается лишь дожидаться разъяснений сверху. Мы солдаты, и вмешиваться в такие дела нам не положено. Мы должны выполнять приказы начальства.

Под вечер того же дня ко мне в штаб округа зашел ротмистр Иванд, незадолго до этого прикомандированный к штабу СС в качестве офицера связи от Министерства рейхсвера. Иванд рассказал мне, как эсэсовские команды расстреливали арестованных штурмовиков в Штадельхеймской тюрьме. Что касается самого Рема, то по распоряжению Гитлера ему была предоставлена возможность покончить с собой. Вечером 30 июня два эсэсовских командира пришли в камеру Рема, сообщили ему о первых расстрелах штурмовиков и ушли, оставив на столе заряженный пистолет. Однако на следующее утро один из эсэсовских фюреров, князь цур Липпе, войдя в камеру, увидел, что Рем, живой и невредимый, лежит на своей койке. Цур Липпе дал ему еще десять минут на размышление. По истечении этих десяти минут он подошел к Рему, по-прежнему лежавшему неподвижно, и несколько раз выстрелил в него в упор.

Я расспросил его, что происходило в эти дни в Берлине. Иванд рассказал мне, что в здании кадетского корпуса в Лихтерфельде эсэсовцы расстреляли целый ряд лиц, по большей

части мне не известных. Среди них был и обергруппенфюрер СА Эрнст, которого схватили при попытке сесть на пароход, отплывающий за границу. Иванд заметил, что уже давно пора было разделаться с СА, ибо их требования означали на практике поглощение рейхсвера штурмовыми отрядами. Этот вопрос обсуждался, по его словам, несколько месяцев, причем фюрер долгое время терпеливо выслушивал претензии руководства СА и неоднократно предупреждал Рема. Штурмовики были уже готовы выступить с оружием в руках, а приказ о разрешении отпусков в отрядах СА Рем отдал лишь д ля отвода глаз.

В штабе округа тем временем возобновилась обычная работа. Полным ходом продолжалась подготовка к большим учениям в лагерях в Графенвере на тему "Разведка боем". В ходе этой подготовки генерал Адам в середине июля, кажется числа 14-го, выехал в Бад-Рейхенхаль, где будущей осенью предполагалось сформировать и временно расквартировать новый горно-егерский батальон. Я сопровождал командующего округом в этой поездке. Беседуя со мной в дороге, генерал Адам вновь коснулся событий 30 июня. По его словам, Гитлеру в результате этой акции удалось преодолеть серьезный кризис в своей партии и в то же время в еще большей степени подчинить себе рейхсвер. Примечательным в этой связи генерал считал, однако, то обстоятельство, что эсэсовцы выдвинулись на передний план именно в тот момент, когда рейхсвер был наконец избавлен от СА.

25 июля к нам поступили первые сообщения о неудавшемся путче СА в Австрии и об убийстве австрийского федерального канцлера Дольфуса. В тот же день пришло указание от Рейхенау, что рейхсвер никак не должен реагировать на эти события. В этот момент командующий округом генерал Адам находился на маневрах в Графенвере. Оттуда он несколько раз заезжал в Байрейт на Вагнеровский фестиваль. Там он встретился с Гитлером, который еще за несколько дней до событий 25 июля предупредил его, что "в ближайшие дни в Австрии может разразиться национальная революция". Гитлер подчеркнул при этом, что по внешнеполитическим соображениям рейхсвер никоим образом не должен вмешиваться в это дело, и сказал, что штаб округа еще получит соответствующие указания по этому вопросу от начальника военно-политического отдела Министерства рейхсвера генерала Рейхенау. Гитлер пообещал еще раз проинформировать Адама об изменении обстановки в Австрии при встрече с ним в Байрейте, Графенвере или ином месте. Однако необходимость в этом отпала, ибо путч австрийских штурмовиков был вскоре подавлен».

Встречи с военным министром фон Бломбергом

В статье, напечатанной 26 июля 1945 года в газете «Фрейес Дейчланд» — органе Национального комитета «Свободная Германия», В. Мюллер на основании личных впечатлений и сведений, полученных им за время службы, описывал деятельность фон Бломберга в качестве военного министра в правительстве Гитлера. Ниже публикуется отрывок из этой статьи.

«Занимая пост военного министра, фон Бломберг считал своей единственной задачей координировать и совмещать на практике политические концепции Генерального штаба и гитлеровской партии, которые, преследуя одну и ту же цель, иногда придерживались разных точек зрения в отношении некоторых конкретных методов.

Генерал фон Бломберг, будучи лично предан Гитлеру — этому лакею германской плутократии, планомерно и последовательно перекраивал рейхсвер по указке нацистской партии: из армии увольняли офицеров, не угодных нацистам; в приказном порядке устанавливалось тесное взаимодействие между военными инстанциями и учреждениями и организациями нацистской партии; разрабатывались и вводились в практику новые принципы идеологической подготовки офицерских кадров, основанные на нацистской трактовке "чести" и "долга"; наконец, при Бломберге в рейхсвере стали беспощадно применять расовое законодательство в полном объеме.

Все это началось 30 июня 1934 года с убийства генералов фон Шлейхера и фон Бредова. При этом Бломберг, как видно, в полном соответствии со своими представлениями о воинской чести сам предпочел устраниться, прикрываясь, как щитом, начальником военно-политического отдела военного министерства фон Рейхенау. Впрочем, это мало помогло — Гитлер в одном из своих выступлений перед генералитетом назвал Бломберга "человеком чести", а его поведение в те дни "безупречным". Бломберг проглотил этот сомнительный комплимент и, в свою очередь, на совещании высшего генералитета в Берлине выразил благодарность Гитлеру за то, что он 30 июня 1934 года "отстоял независимость рейхсвера". После того как невиновность зверски убитых фон Шлейхера и фон Бредова уже нельзя было скрывать, Бломберг издал циркуляр, запрещавший офицерам рейхсвера обсуждать смерть обоих

генералов.

Бломберг принимал самое активное участие и в подготовке нацистского путча в Австрии, завершившегося убийством австрийского канцлера Дольфуса.

С февраля 1934 года вся Бавария была наводнена вооруженными бандами австрийских штурмовиков-эмигрантов, которые открыто говорили о предстоящем вторжении в Австрию. Командующий военным округом в Мюнхене генерал пехоты Адам неоднократно докладывал об этом в военное министерство в Берлине. Однако никаких мер принято не было. В апреле 1934 года эти банды сосредоточились на границе между Австрией и Баварией. Генерал Адам командировал меня (в то время я служил в штабе VII военного округа в Мюнхене) в Берлин к главнокомандующему сухопутными силами генерал-полковнику фон Фричу. Тот направил меня к Бломбергу. Выслушав мое донесение, Бломберг сказал: "Я не собираюсь противодействовать планам фюрера и партии!" Я еще раз подчеркнул, что мой начальник, командующий VII военным округом генерал фон Адам ввиду грозящих серьезных внешнеполитических осложнений считает своим долгом довести о происходящем до сведения руководства. Вместо ответа Бломберг закончил аудиенцию словами: "Мне нечего больше добавить к сказанному".

После этого Фрич сам обратился к Бломбергу. В результате меня снова вызвали к военному министру, который на сей раз приказал штабу VII округа запросить указаний по этому вопросу у самого Гитлера, который тогда как раз находился в Мюнхене. Таким образом, Бломберг по личным соображениям вновь уклонился от исполнения своих обязанностей и переложил ответственность на подчиненную ему инстанцию.

Заслушав соответствующий доклад командующего Мюнхенским военным округом, Гитлер приказал рейхсверу принять на хранение оружие австрийского СА и не выдавать его владельцам до особого распоряжения. Это распоряжение последовало очень скоро — во второй половине июля 1934 года. Гитлер и Бломберг готовили в те дни акцию против Австрии. Но Бломберг опять укрылся за спиной Рейхенау, который прилетел из Берлина в Мюнхен и лично распорядился выдать оружие австрийским штурмовикам. Тем временем Гитлер в Байрейте, а Бломберг в Берлине ждали исхода путча, который завершился, как известно, убийством канцлера Дольфуса.

Бломберг никогда не противоречил Гитлеру и безоговорочно выполнял все "компетентные" указания ефрейтора, особенно в области вооружений, которые форсировались в бешеном темпе с целью обеспечить материально-технический перевес для

планировавшейся "молниеносной войны".

Главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник фон Фрич, не возражая против вооружения, опасался, однако, что слишком быстрые его темпы отрицательно скажутся на организационной структуре армии, и прежде всего на подготовке командного состава, Бломберг возражал на это следующим образом: "У фюрера, бесспорно, есть свои причины, чтобы форсировать вооружение в таком темпе. Кстати сказать, офицеры должны быть благодарны ему за то, что он так много делает для армии, а стало быть, и для них самих". Вообще Бломберг не уставал повторять, что каждый офицер должен быть материально заинтересован в росте вооружений, сознательно призывая таким образом к подкупу офицерского корпуса, к его моральному разложению. С другой стороны, он постоянно грозил, что будет беспощадно гнать из армии офицеров, отказывающихся беспрекословно повиноваться. Оба эти, с позволения сказать, принципа воспитания офицерского состава Бломберг объединил в своем основном программном лозунге: "Вермахт будет национал-социалистским!"

Так Бломберг разлагал германское офицерство, приучал его к нарушению воинского долга в личных интересах. В подтверждение хочу привести два примера из моей собственной служебной деятельности.

Летом 1937 года немецкая военная делегация в составе нескольких офицеров Генштаба присутствовала в качестве наблюдателей на маневрах и учениях итальянской фашистской армии. По возвращении члены делегации докладывали о серьезных недостатках в оперативном руководстве и оснащении итальянской армии. Однако Бломберг охарактеризовал это как "попытку скомпрометировать политику фюрера" и приказал впредь воздерживаться от критических замечаний по этому вопросу.

Осенью 1937 года в Академии вермахта была прочитана лекция, в которой говорилось, что принцип «деньги не играют роли в вооружении» ведет либо к инфляции, либо к агрессивной войне. Бломберг категорически запретил «подобные лекции, подрывающие доверие к фюреру».

Постоянное стремление Бломберга подменить исполнение воинского долга личной лояльностью и угодничеством особенно наглядно проявилось в его отношении к эсэсовским воинским частям, созданию которых он активно содействовал. Однако при этом, по иронии истории, он стал сам жертвой своего унизительного лакейства.

Осенью 1935 года в учебном лагере Альтен-Грабов был

размещен вновь сформированный армейский пехотный полк. В том же лагере проходил подготовку и эсэсовский полк личной охраны Гитлера. С первого же дня эсэсовцы вели себя с вызывающей наглостью — они дебоширили, нарушали служебный распорядок, намеренно портили лагерное имущество в учебных помещениях, казармах и столовых, оскорбляли словами и действиями солдат и офицеров армейской части. Дело кончилось массовой дракой солдат с эсэсовцами в лагерном кино.

Главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник фон Фрич представил Бломбергу акты расследования этого и целого ряда других подобных инцидентов и потребовал от него расформирования эсэсовских частей. Четырнадцать дней Бломберг отмалчивался, а потом вернул Фричу его доклад с пометкой: "Прошу впредь не представлять мне подобных предложений".

Фрич после этого обратился к Гитлеру и Гиммлеру. Гитлер лицемерно пообещал "справедливо разобраться в этом деле"; Гиммлер дал уклончивый ответ, но не простил этого Фричу: он возненавидел его и стал добиваться его увольнения из армии».

О заговоре против Гитлера

После нападения на Польшу некоторые генералы и высшие офицеры вновь обратились к планам устранения Гитлера, в разработке которых принимали участие также ряд дипломатов и промышленников. К группе заговорщиков, которые снова зашевелились к концу осени 1939 года, принадлежал, в частности, генерал-полковник фон Витцлебен, командующий 1-й армией группы армий «Ц», которой командовал генерал-полковник Риттер фон Лееб, там служил полковник Остер из абвера — Управления разведки и контрразведки Главного штаба вермахта, возглавляемого адмиралом Кипарисом.

Полковник В. Мюллер, в то время начальник оперативного отдела штаба армейской группы «Ц» во Франкфурте-на-Майне, был посвящен в заговор фон Витцлебеном, о чем свидетельствует следующая запись из его личного архива.

«Полковник Остер, о приезде которого меня заранее уведомил Витцлебен, прибыл 7 ноября 1939 года ночным поездом из Берлина во Франкфурт. "Вы уже знаете от Витцлебена, о чем идет речь, — заявил он мне при встрече. — По его поручению я прежде всего зашел к вам и сегодня же к вечеру встречусь с ним самим". Он сказал затем, что обращение с населением Польши, в частности, с интеллигенцией, вызвало недовольство и возмущение в армии. Гитлера надо устранить еще до начала кампании на Западе, подчеркнул Остер. Однако по вопросу о сроках этой акции нет единодушия, поскольку существуют различные точки зрения и по поводу сроков наступления на Западе. Некоторые считают, что следует начинать немедленно, невзирая на время года и не дожидаясь, пока противник укрепится. Другие же придерживаются мнения, что Гитлер еще надеется на соглашение с Англией.

Он достал из портфеля и передал мне напечатанные на папиросной бумаге копии двух воззваний: к немецкому народу и к вермахту. В обоих документах говорилось о жертвах польской кампании, об опасности длительной войны, о еще более сложных задачах и о предстоящих еще больших жертвах в случае войны на Западе, а также о падении престижа Германии, развязавшей войну. Чтобы вовремя закончить эту войну, говорилось в воззвании, следует устранить Гитлера и Геринга. В обращении к вермахту особенный упор делался на успешные действия германской армии в польской кампании и понесенные при этом жертвы и подчеркивалась необходимость сплоченности вермахта в интересах всего германского народа.

Далее Остер сказал, что при проведении планируемой акции можно рассчитывать только на офицеров сухопутных сил. Флот целиком на стороне Гитлера. В авиации успехи и быстрое продвижение по службе всем вскружили голову. В армии не следует полагаться на главнокомандующего Браухича. Все зависит от начальника Генерального штаба сухопутных сил Гальдера и от Витцлебена. Успех будет обеспечен, если армия не выйдет из повиновения своим генералам. Нельзя, конечно, полностью исключить возможность столкновения и даже боевых действий на местах. СС еще не располагает большими силами, хотя явно стремится к укреплению своих собственных воинских частей. Адмирал (имелся в виду Канарис) воздержится от активных действий, ибо не хочет нарушать своих многочисленных связей внутри страны и за ее пределами, однако он поможет советом.

Я спросил Остера:

— Кто, где и при каких обстоятельствах должен устранить обоих [Гитлера и Геринга. — В. М.]?

— В этом-то все и дело, — ответил Остер. — Никто не хочет брать это на себя. Кое-кто предлагал нанять для этой цели профессионального бандита за большую сумму денег. Это, конечно, чепуха. Проще обстоит дело с местом и временем покушения. Гитлер наверняка будет часто ездить на Западный фронт. Ясно одно: это надо сделать не в Берлине. Геринг доставит больше хлопот — ведь, кроме как на службе и в Каринхалле, он почти нигде не бывает.

Остер сказал далее, что в дело посвящены также обер-квартирмейстер Генштаба сухопутных сил генерал-лейтенант Генрих фон Штюльпнагель, подполковник фон Тресков из штаба группы армий "А" и подполковник Гроскурт из отделения службы войск Главного командования сухопутных сил. Я сказал ему, что, учитывая недостаток времени, подготовка к акции ведется пока еще очень слабо. Трудности заключаются прежде всего в том, что, с одной стороны, посвященных должно быть как можно меньше, а с другой стороны, необходимо выявить надежных людей, на которых можно было бы положиться сразу же после осуществления акции. Следует особенно тщательно проследить за тем, чтобы в ходе подготовки не составлять никаких письменных документов.

Остер согласился со мной, и тогда я спросил его, зачем же он привез с собой тексты воззваний.

— Чтобы обсудить их и придать им наиболее действенную форму, а также для того, чтобы они были под рукой для опубликования в ответственный момент, — объяснил Остер. —

Кроме того, — добавил он, — я храню их в своем абсолютно надежном сейфе и лишь сегодня взял с собой, чтобы показать Витцлебену.

— Вы же старый разведчик, — возразил я ему, — и должны знать, что нынче нет абсолютно надежных сейфов. Кроме того, вы приехали во Франкфурт ночным экспрессом, а к Витцлебену поедете на машине. Мало ли что может произойти в дороге! Мне кажется, было бы достаточно определить лишь основные идеи воззваний и поручить кому-нибудь из людей, владеющих пером, составить возможно более краткий предварительный вариант. Не менее важно подготовить все необходимое для их типографского размножения в надежном месте.

Остер заметил:

— Воззвания нужно будет прежде всего передать по радио. Мы уже думали об этом.

Я предложил ему сжечь оба воззвания в моей большой пепельнице, что он и сделал.

В заключение нашей беседы Остер подчеркнул, что встречаться в Берлине следует как можно реже. Лучше он или кто-либо другой будет приезжать во Франкфурт, где наши встречи не так заметны. Затем он простился со мной — ему надо было уладить еще некоторые дела во Франкфурте и поспеть после обеда к Витцлебену в Бад-Крейцнах, откуда он вечером собирался выехать в Берлин. Когда я сказал, что тоже хотел бы поговорить с Витцлебеном, он заметил:

— Обязательно! В таких делах, как говорится, семь раз отмерь — один раз отрежь. Главное — чтобы Витцлебен нажал на Гальдера.

После ухода Остера я тотчас же разыскал начальника штаба группы армий "Ц" генерал-лейтенанта фон Зоденштерна, посвященного в заговор Витцлебеном. Вместе мы пошли к командующему группой армий генерал-полковнику Риттеру фон Леебу, которого Витцлебен также проинформировал о плане устранения Гитлера. Узнав о визите Остера, Лееб ограничился тем, что поручил мне немедленно выехать в Бад-Крейцнах к Витцлебену.

Связавшись с Витцлебеном по телефону, я выехал к нему. Витцлебен одобрительно отнесся к моему разговору с Остером, существо которого я ему изложил. Генерал-полковник сказал, что в своем штабе он ни с кем не может говорить об этом. Кое на кого из своих офицеров он мог бы еще положиться, но его начальник штаба генерал-майор Мит — всего лишь исправный служака, совершенно не разбирающийся в политических вопросах. Витцлебен заметил также, что мои частые поездки в Бад-

Крейцнах из вышестоящего штаба армейской группы могут привлечь внимание. Ему пришлось бы тогда объяснять своим ближайшим сотрудникам причины моего появления здесь. Поэтому он лучше сам приедет во Франкфурт 9 ноября.

В назначенный день Витцлебен вошел в мой кабинет, поговорив предварительно с Леебом. Он поручил мне ночью выехать в Цоссен, в место расположения главного командования сухопутных сил, и посетить Гальдера.

"Передайте ему, — сказал Витцлебен, — что Лееб подготовил для главнокомандующего сухопутными силами докладную записку о военном положении и о нецелесообразности нападения на Запад. Спросите Гальдера, поможет ли ему такой документ оказать соответствующее влияние на Гитлера. Прежде всего следует всеми силами помешать скоропалительному наступлению на Западе. Спросите также Гальдера, не думает ли он, что этот документ способен усилить влияние Браухича на Гитлера. Потом расскажите о визите Остера и подчеркните, что я безгранично и безусловно доверяю Остеру, который нуждается в большой поддержке. Скажите, наконец, Гальдеру, что необходимо лучше соблюдать конспирацию, в частности, ничего не записывать. Если уж в отдельных случаях без записей не обойтись, то их следует хранить не в служебных сейфах и не на квартирах участников заговора, а в более безопасных местах. Спросите Гальдера, что можно и нужно сделать, чтобы форсировать нашу подготовительную работу. А то может случиться и так, что представится удобный момент, а мы не будем готовы. На какие танковые дивизии мы сможем рассчитывать, учитывая настроения их командиров и их дислокацию в данный момент? Понадобятся две или три дивизии? На первых порах, быть может, хватит и одной. Какие дивизии не годятся для наших целей или ненадежны с нашей точки зрения и можно ли направить такие дивизии на смену фронтовым частям?"

Он поручил мне также посетить Штюльпнагеля и попросить его заехать к нему.

Около 9 часов утра 10 ноября я прибыл в Цоссен. Сначала я зашел в оперативный отдел к полковнику фон Грейфенбергу, которого я хорошо знал по Академии вермахта. Мы обсудили с ним ряд вопросов текущей работы. Затем я пошел на доклад к Гальдеру. Он с большим уважением говорил о Леебе. Относительно докладной записки последнего он сказал, что доложит о ней, но успеха не ожидает. Сомнительно, отважится ли Браухич вообще направить ее выше. На докладах у Гитлера по текущим вопросам Браухич часто ведет себя, как кадет перед

своим командиром. По словам Гальдера, нетерпение Витцлебена было ему вполне понятно. Однако сам он не может переместить какую-либо дивизию без соответствующего приказа Браухича. В занятии должностей командующих войсковыми соединениями последнее, решающее слово также принадлежит Браухичу. Гитлер недолюбливает Браухича, и тот усердствует так именно потому, что боится за свое место.

Гальдер обещал все же предпринять попытку получить санкцию Браухича на некоторые мероприятия в соответствии с пожеланиями Витцлебена. Он выразил, однако, глубокую озабоченность по поводу всего последующего развития событий в случае успеха акции.

— Я имею в виду, — сказал Гальдер, — не мелкие локальные конфликты, которые могут иметь место в вермахте, а позицию гражданского аппарата. В то же время вести подготовку и в этих кругах мы не можем, ибо это значило бы безгранично расширить число посвященных. Я сказал Гальдеру, что, по моему впечатлению, остается еще очень много неясных вопросов, но что, по словам Витцлебена, дело продвинулось довольно далеко.

Затем я направился к Штюльпнагелю, чтобы сообщить ему то же, что я передал Гальдеру. Он был настроен весьма оптимистично и пообещал приехать в ближайшие дни к Витцлебену в Бад-Крейцнах.

11 ноября я снова был во Франкфурте и сообщил Витцлебену на его квартире о своих беседах с Гальдером и Штюльпнагелем. То, что он узнал от меня, привело его в ярость. Однако он решил все же дождаться визита Штюльпнагеля. Мне он поручил немедленно связаться с моим знакомым подполковником фон Тресковым, который был племянником главнокомандующего группой армий "Б" генерал-полковника фон Бока. Тресков должен был организовать встречу своего дяди с Витцлебеном.

С Тресковым я встретился на следующий же день в бывшем монастыре близ Висбадена. Тресков поддерживал контакт с Остером и был хорошо осведомлен о состоянии наших дел. По его словам, он неоднократно пытался позондировать позицию главнокомандующего группой армий "А" генерал-полковника фон Рундштедта. Последний, однако, ничего не хочет и слышать о планах заговора против Гитлера. Начальник его штаба генерал-майор фон Манштейн также отрицательно относится к этим планам. Тогда я передал Трескову поручение Витцлебена, сказав, что, если удастся приобщить к этому делу Бока, последний вместе с Витцлебеном мог бы воздействовать на Рундштедта.

На следующий день во Франкфурт прибыл Штюльпнагель. Нельзя терять времени, заявил он, ибо не исключено, что скоро

начнется наступление на Францию, а во время военных действий будет труднее что-либо предпринять. По его словам, уже имеются гражданские лица, готовые взять на себя руководство государственными делами, хотя придется, конечно, объявить чрезвычайное военное положение в стране. После его беседы с Витцлебеном мы снова собрались вместе. Штюльпнагель предложил выяснить, соблюдая необходимую осторожность, на кого из командиров и на какие из полков можно будет положиться в решающий момент.

Потом я снова встретился в Майнце с Тресковым, который сообщил, что, как он и предполагал, на его дядю рассчитывать нечего. Бок слишком честолюбив. Он, вероятно, не будет мешать исполнению намеченного плана, но и самому Витцлебену едва ли удастся привлечь его к участию в заговоре. Когда я сообщил об этом Витцлебену, он сказал, что в таком случае колебаться будет и Гальдер, с которым, впрочем, он намерен переговорить еще раз.

Витцлебен встретился с Боком на совещании главнокомандующих у Гитлера 23 ноября 1939 года. По словам Витцлебена, речь Гитлера произвела большое впечатление на генералов. Из беседы с Гальдером Витцлебен сделал вывод, что перспективы осуществления намеченной акции еще более ухудшились. Однако он считал, что подготовку нужно продолжать. По всей вероятности, сказал он, Гитлер посетит в конце декабря, под Рождество, Западный фронт, и тогда, быть может, представится возможность для решительных действий.

Гитлер действительно выезжал в Саарбрюкен накануне Рождества. Однако ничего подготовлено не было. Впоследствии я больше не слышал о дальнейшей подготовке к осуществлению этого плана».

Нападение на Советский Союз

В декабре 1940 года полковник Винценц Мюллер получил назначение на пост начальника штаба новой 17-й армии и приказ сформировать ее командование и штаб. В его личном архиве сохранилась следующая запись об этом периоде его деятельности:

«Командование 17-й армии формировалось с 20 декабря 1940 года по 6 января 1941 года в Закопане, южнее Кракова. Территориально и по линии боевой подготовки оно было в этот период подчинено группе армий "Б", штаб которой находился в Познани. В январе 1941 года я узнал, что задачи 17-й армии в предстоящем нападении на Советский Союз определяет штаб группы армий "А", во главе которой стоял фельдмаршал фон Рундштедт: уже к середине апреля штаб этой группы, получившей теперь название группы армий "Юг", был переведен из Сен-Жермена под Парижем в город Тарное.

Еще в начале февраля по приказу начальника Генерального штаба сухопутных сил генерал-полковника Гальдера в Сен-Жермене была проведена оперативная военная игра, которой руководил начальник штаба группы армий "А" генерал-лейтенант фон Зоденштерн. Для участия в игре в Сен-Жермен были командированы начальники штабов и начальники разведотделов штабов 6-й, 17-й и 11-й армий и 1 — й танковой группы [все эти соединения вошли затем в группу армий «Юг» на Восточном фронте, которой командовал фон Рундштедт. — Нем. ред.].

Заданная по игре обстановка соответствовала, в основном, плану развертывания "Барбаросса", разработанному для нападения на СССР.

Согласно этому плану, группа армий под командованием фельдмаршала фон Рундштедта должна была, действуя на южном фланге Восточного фронта, обеспечить прежде всего уничтожение советских вооруженных сил в Западной Украине, то есть западнее Днепра. План предусматривал следующие задачи для соединений, входивших в группы Рундштедта, в порядке их расположения по фронту с севера на юг: 6-я армия с приданной ей первой танковой группой действует на главном ударном направлении всей группы армий; из Люблина и района южнее его она наносит удар по пограничной обороне противника вдоль границы; прорвав ее, танковые авангарды должны были двигаться на Киев и южнее его выйти к Днепру. 17-я армия наносит удар из района Перемышль — Томашув и западнее по Виннице и затем, в зависимости от обстановки, должна была продвигаться дальше в юго-восточном или восточном направлении. Из района Ясс

(Румыния) движутся в северо-восточном направлении 11-я армия и румынские части (дата начала наступления на этом направлении зависела от развития операций на всем участке группы армий, в частности, от продвижения 17-й армии). 4-й воздушный флот под командованием генерал-полковника Лёра должен был обеспечить поддержку действий группы армий с воздуха.

В марте 1941 года командующий 17-й армией генерал фон Штюльпнагель сообщил мне подробности совещания командующих у Гитлера. Гитлер начинает новую войну, рассказал он, чтобы затем сокрушить Англию [то есть используя захваченные советские ресурсы. — Нем. ред.]. С одной стороны, Гитлер хочет при этом предупредить нападение Советской России на Германию, а с другой стороны, война против Советской России, которая, по его расчетам, продлится не более трех месяцев, даст ему русское зерно для продовольственного снабжения фронта и тыла, некоторые виды стратегического сырья, которыми богата Украина, и, самое главное, кавказскую нефть для вермахта.

За все время подготовки к войне против СССР вопрос о превентивном нападении со стороны России ни разу серьезно не рассматривался. Необходимые на этот случай оборонительные мероприятия не проводились — ни в пограничных районах, ни в глубине расположения германских войск не было создано никаких укрепленных рубежей. Напротив, чтобы обеспечить внезапность нападения, занятие из районов развертывания исходных позиций оттягивали до последнего момента. Расположение частей Красной Армии в районе действий группы армий "Юг", как свидетельствовали об этом разведсводки Главного командования сухопутных сил, подтверждало наличие у противника лишь оборонительных намерений.

Эта оценка намерений противника не изменилась и в ходе подготовки к захвату Югославии и Греции, начатой весной 1941 года, и после начала кампании на Балканах в апреле 1941 года. На Балканы было брошено три десятка германских дивизий, большая часть которых предназначалась до этого для нападения на Советский Союз. Таким образом, запланированное на май 1941 года нападение на СССР было отложено на четыре-пять недель. В результате этого переброска на Восток значительной части германских войск, дислоцированных во Франции или формировавшихся в самой Германии, была отсрочена, с тем чтобы возможно дольше скрывать от противника подготовку нападения. Это относилось и к 17-й армии. Действовавший на Балканах 49-й горно-егерский корпус (1-я и 4-я горно-егерские

дивизии), а также некоторые дивизии из рейха присоединились к ней позже, чем это было вначале предусмотрено. Если бы руководители Советского Союза собирались напасть на Германию, то они наверняка бы использовали эту временную задержку развертывания противостоявших им германских сил.

В первой половине июня 1941 года штаб 17-й армии посетил командующий 4-м воздушным флотом генерал-полковник Лёр. Он прибыл для того, чтобы обсудить возможные варианты поддержки действий 17-й армии с воздуха. При этом учитывалось, что значительная часть его воздушного флота будет выделена для поддержки операций 6-й армии и 1-й танковой группы, назначенных для операции на главном направлении. Лёр подчеркнул в ходе обсуждения, что "сколько-нибудь серьезного участия в боях советской авиации не предвидится"».

После завершения подготовки к нападению на Советский Союз Гитлер и высшие офицеры Главного командования сухопутных сил совершили несколько инспекционных поездок, проверяя боевую готовность войск. Винценц Мюллер пишет об этом следующее:

«В первой половине июня 1941 года в расположение штаба 17-й армии прибыли командующий сухопутными войсками фельдмаршал фон Браухич и начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер. Браухич интересовался главным образом положением противника. Он подчеркнул уже известный факт, что развертывание и дислокация частей Красной Армии носят ярко выраженный оборонительный характер. Основная масса русских сил на участке группы "Юг" эшелонирована в глубину вплоть до Днепра. В этом районе, по мнению Браухича, и должны были развернуться решающие бои в ходе предстоящего наступления. Стратегические резервы противника находятся в глубине русской территории. Это обстоятельство особенно убедительно подтверждало чисто оборонительные намерения русских.

Браухич отметил, что необходимо принять в расчет формирование новых частей Красной Армии в ходе мобилизации. Однако недостаточная оснащенность, по мнению Браухича, должна была ограничить боеспособность этих частей. Браухич особо подчеркнул значительное превосходство германской авиации над советской.

Генерал-полковник Гальдер, полностью соглашаясь с Браухичем в оценке противника, интересовался прежде всего вопросами руководства предстоящими операциями и взаимодействия отдельных армий группы "Юг" в соответствии с планом развертывания. По его мнению, с самого начала

следовало ожидать упорное сопротивление русских не только в пограничных районах, но и во всей полосе наступления, вплоть до Днепра. Поэтому он считал, что 17-я армия, даже если она на первых порах и не будет располагать танковыми и моторизованными силами, должна быстро продвигаться к Виннице в целях эффективной поддержки 6-й армии и 1-й танковой группы, наносивших главный удар в направлении Киева. Гальдер не исключал, впрочем, что на отдельных этапах операции будет установлено прямое взаимодействие между частями 17-й армии и 1-й танковой группой. От успешного продвижения 17-й армии будет, кроме того, в значительной степени зависеть, смогут ли 11-я армия и румынские войска развернуть наступление в предельно сжатые сроки. Это, в свою очередь, должно помешать противнику перебросить с юга значительные силы на главное направление удара группы армий "Юг". Необходимо прочно захватить инициативу и вынудить противника вводить в бой преждевременно и частями новые или высвобожденные с других участков фронта резервы, с тем чтобы громить их поодиночке и не дать возможности свести их в крупные стратегические группировки. От этого прежде всего будет зависеть выполнение главной задачи — уничтожение основных сил противника в районе западнее Днепра.

В середине июня по поручению начальника Генштаба сухопутных сил к нам прибыл начальник организационного отдела Генштаба полковник Буле, который уже посетил штабы ряда армий и должен был проинспектировать после нас еще несколько армейских штабов. Он сообщил, что после ожидаемого разгрома Красной Армии, то есть самое позднее — осенью 1941 года, примерно 60 дивизий будет отведено в Германию и расформировано, чтобы удовлетворить насущные потребности военной промышленности в кадрах. В связи с этим штабу нашей армии поручалось в ходе предстоящих боев изучить боевые качества частей, входящих в ее состав, а затем внести предложения о расформировании наименее боеспособных дивизий. Меня это указание порядком насмешило, но Буле заметил: "К этому времени война с русскими закончится, по крайней мере в основном. Когда она окончательно завершится, конечно, трудно сказать. Спору нет, границы на Востоке еще долго будут тревожить нас. Но задача сейчас состоит в том, чтобы быстро выиграть кампанию, и мы в состоянии это сделать". На мое замечание, что русские могут уклониться от решающих сражений, используя обширные пространства своей страны, Буле возразил: "Они не смогут этого сделать. Не могут же они без боя отдать такие важные для них районы, как Донбасс, Москва или

Ленинград. Без них им не продержаться, поэтому они и вынуждены будут вступить в решающие сражения". Когда я указал на пример наполеоновского похода, Буле сказал: "Сейчас совершенно другая обстановка. Самое главное — наша армия уже закалена в боях. Одно это обстоятельство обеспечивает нам превосходство над русскими".

Полученные от Буле указания наглядно показывают, как представляли себе Генштаб сухопутных войск и Главное командование вермахта молниеносную войну против СССР».

22 июня 1941 года германская армия вторглась в пределы Советского Союза. Мы находим об этом в архиве В. Мюллера следующую запись:

«Группа армий "Юг" с 22 июня 1941 года, то есть с самого начала боевых действий, встретила ожесточенное сопротивление советских войск. В полосе наступления на участке 17-й армии наиболее сильное сопротивление противник оказал в районе Рава-Русская, где были оборудованы оборонительные позиции, частично укрепленные бетонными сооружениями. 23 или 24 июня русские бросили в бой на этом участке около 3 тысяч курсантов одного из военных училищ, переброшенных в спешном порядке из летних лагерей.

Среди полученных к тому времени сведений о противнике были данные, имевшие принципиальное значение для действий всей группы "Юг". Так, в начале июля было установлено, что русские бросили против 6-й армии Первую Пролетарскую дивизию, которая 22 июня грузилась в эшелоны в Москве. Столь быстрое появление этой дивизии на фронте означало, что советское руководство было вынуждено вводить в бой по частям свои стратегические резервы.

17-я армия преследовала отступающего на восток противника. Сначала она прорвала его оборону на участке Збруж, а затем, в середине июля, — западнее Винницы. Во второй половине июля, продвигаясь на восток, армия натолкнулась в районе Умани на мощную, вновь сформированную группировку советских войск, которая была охвачена с севера и востока, а затем и с юга частями 1-й танковой группы, продвинувшейся на юго-восток из района юго-западнее Киева…

Советские войска проявили неожиданную для нас боеспособность. Они стойко оборонялись и переходили в контратаки большего или меньшего масштаба, но всегда яростные и упорные; русские часто сражались до последнего солдата. В то же время в ряде случаев им удавалось в последний момент оторваться от наступающего противника. Измотанные в боях дивизии и подразделения противника пополнялись в

кратчайшие сроки и снова вводились в бой…

Нападение на Советский Союз, не завершивший даже первоочередных оборонительных мероприятий, естественно, принесло вначале крупные успехи вермахту. Красная Армия понесла тяжелые поражения и покинула ряд важных районов страны. Однако преимущества внезапного нападения и блицкрига были сведены на нет в результате непредвиденного героического сопротивления Красной Армии, которая проявила неожиданную для нас боеспособность в защите своего социалистического отечества. Это снизило боеспособность германских войск и привело к окончательному провалу бредовых планов победоносного блицкрига. Поражение под Москвой, куда были брошены шесть германских армий (около 80 дивизий), развеяло миф о непобедимости гитлеровского вермахта. В результате этого поражения советское руководство перехватило зимой инициативу, навязало вермахту на всем протяжении Восточного фронта тяжелые и кровопролитные отступательные бои и отбросило германские войска на Запад. Поражение под Москвой способствовало также развертыванию и дальнейшему подъему движения Сопротивления во всех оккупированных странах».

С осени 1941 года германское военное командование вынашивало план наступления в район Волги и на Кавказ. В ходе подготовки этой операции 13 ноября 1941 года в Орше состоялось совещание начальников штабов армейских групп и армий у начальника Генштаба сухопутных войск Гальдера. На совещании присутствовал также В. Мюллер, сделавший об этом следующую запись:

«Взяв с нас обязательство не говорить друг с другом об обстановке на участках отдельных армий, Гальдер поочередно вызывал к себе всех начальников штабов. Ко мне он, естественно, обратился с вопросом об обстановке на участке 17-й армии. "Хотя я, конечно, в курсе дел, — заявил он, — но мне хотелось бы убедиться в правильности имеющихся у меня данных". Я ответил, что на нашем участке фронта установлено передвижение частей противника — в последнее время, в частности, в направлении Ростова. В наших пехотных частях осталось сейчас лишь около половины строевого состава. Отдельные дивизии растянуты по фронту на 2,5 и 30 километров. Подвижность армии в настоящее время существенно ограничена. Часть машин застряла в грязи во время сильных осенних дождей, а затем после неожиданно ранних морозов окончательно вышла из строя. Гальдер задал мне затем второй вопрос, заметив, что ответ на него, собственно, уже вытекает из моего доклада об обстановке на участке армии. "Что вы скажете, — спросил он, — о такой идее: 17-я армия наступает

вдоль железной дороги на Миллерово в направлении Сталинграда. 1-я танковая армия [так стала называться с октября 1941 года 1-я танковая группа. — Нем. ред.] обеспечивает при этом ваш южный фланг, а 6-я армия будет продвигаться левее 17-й армии". Я сказал, что при нынешнем состоянии 17-й армии это исключено. Гальдер согласился со мной. В заключение он, между прочим, сказал, что скоро мы двинемся на Кавказ. Поговорив со всеми начальниками штабов в отдельности, Гальдер еще раз собрал их у себя и заявил, что обнаружил у них полное единодушие в оценке обстановки и что это очень важно и для него самого и для доклада фюреру».

После того как 17-я армия в ходе наступления на Кавказ заняла в сентябре 1942 года Новороссийск, в штаб армии прибыл старший военный адъютант Гитлера Шмундт. В. Мюллер вспоминает о краткой беседе со Шмундтом:

«В сентябре к нам прибыл шеф-адъютант Гитлера и начальник управления кадров сухопутных сил Шмундт. Он беседовал с командующим 17-й армией генерал-полковником Руоффом, в частности, по кадровым вопросам и о смещении фельдмаршала Листа [последний был снят 10 сентября с поста главнокомандующего группой армий «А»; на его место в конце ноября был назначен генерал-полковник фон Клейст. — Нем. ред.], а также о предстоящем решающем наступлении на южном участке фронта.

Шмундт зашел также ко мне. Кратко обсудив со мной обстановку, он сказал: "Не волнуйтесь, Сталинград скоро падет, и это новое серьезное поражение русских изменит всю ситуацию". Далее произошел следующий разговор.

Мюллер. А если русские снова уклонятся от решающего сражения и начнут сосредотачивать силы для контрнаступления, что тогда? В этом случае мы лишимся инициативы, хотя и являемся наступающей стороной.

Шмундт. Как сказать! Ведь и в этом году русские постоянно откатывались, за исключением лишь операции "Фридерикус-1" [операция 1-й танковой армии и 6-й армии в мае 1942 года против советского наступления в районе Харькова. — Нем. ред.].

Мюллер. Да, это верно. Однако не следует ли из этого сделать вывод, что в отличие от предыдущего года они как раз и не дают втянуть себя в решающие бои, не располагая достаточными силами. Как бы не повторились события последней зимы!

Шмундт. Исключено! Правда, война в России протекала до сих пор несколько иначе, чем предполагал фюрер. Но теперь мы уже перестроились и все пойдет на лад. Впрочем, фюрер сказал, что война против Советской России особенно убедительно

подтвердила правильность его взглядов. Рано или поздно она все равно началась бы, для Германии же выгоднее было вступить в нее именно в этот момент, после успехов и побед 1940 года, и не только ввиду достигнутой военной мощи, но и учитывая боевую готовность германского народа, вдохновленного этими успехами. Позже было бы очень трудно вселить в германский народ и вермахт такую уверенность в победе и вызвать такой энтузиазм. Ход войны против России до сего времени как раз и доказал, насколько правильным было превентивное нападение в 1941 году. Хотя мы и недооценивали военный и экономический потенциал русских, но теперь силы их уже на исходе».

В сентябре 1943 года В. Мюллер был назначен начальником штаба 4-й армии, входившей в группу «Центр». К тому времени фашистский вермахт уже потерпел новое поражение под Курском. Мюллер сделал в связи с этим следующую запись, сохранившуюся в его архиве:

«После Сталинграда германское Верховное командование потеряло инициативу, она прочно перешла к Красной Армии, которая начала осуществлять решающий перелом не только на Восточном фронте, но и во всей мировой войне. Еще одна попытка командования и Генерального штаба завладеть инициативой под Курском в июле 1943 года, разгромить сосредоточенные там советские соединения, уничтожить наличные советские резервы и выиграть таким образом войну потерпела полное крушение. Это стало ясно уже после нескольких дней советского контрнаступления, в ходе которого вермахт понес огромные потери. В итоге битва под Курском привела к обратным результатам: Красная Армия окончательно захватила инициативу и добилась перелома как на Восточном фронте, так и в ходе всей войны за год до создания второго фронта американцами и англичанами. После Курска вермахт стал терпеть одно поражение за другим. Немецкий восточный фронт постепенно разваливался на куски».

Во время отпуска, после совещания генералов в Зонтхофене, Мюллер встретился в Берлине в экипировочном фонде со своим бывшим сослуживцем по Первой мировой войне, сотрудником ведомства Канариса Вальтером Боймельбургом, братом известного в свое время националистического историка Вернера Боймельбурга. В архиве Мюллера мы находим следующую запись о состоявшейся между ними беседе:

«На вопрос Боймельбурга, ожидается ли в ближайшее время на участке группы армий "Центр" наступление русских, я ответил утвердительно. "Хотя с начала марта, — сказал я, — у нас спокойно, но на некоторых участках, и, кстати, на очень важных,

ясно видно, что русские готовятся к наступлению. При взгляде на карту становится очевидным, что русские будут наступать прежде всего на участке группы армий "Центр", где наша линия фронта образует глубокий выступ". Боймельбург возразил, что, по сведениям, полученным из Швейцарии, русские продолжат сначала наступление на Украине и против Румынии. Когда я высказал сомнение по этому поводу, Боймельбург заявил: "Главный штаб вермахта все же склоняется к мнению, что в этом году русские начнут наступление именно на южном участке фронта"».

После начала Нюрнбергского процесса В. Мюллер сообщил в письме советскому правительству некоторые известные ему подробности о нападении на Советский Союз. Этот документ, из которого видно также отношение самого Мюллера к этому преступлению фашистов, впервые полностью публикуется:

«Правительству СССР

На Нюрнбергском процессе впервые были приведены исчерпывающие доказательства, подтверждающие чудовищные преступления нацистов против мира и их варварские методы ведения войны. Эти злодеяния завершились вероломным нападением на Советский Союз, предпринятым в нарушение существовавших соглашений.

Как бывший генерал германской армии, принимавший участие в этой войне, я несу свою долю ответственности и поэтому считаю своим долгом сообщить все известные мне подробности о подготовке и осуществлении нападения на Советскую Россию.

Я прошу поэтому правительство СССР принять изложенные мною данные и предоставить мне возможность сделать публичное заявление по вопросу о нападении Германии на Советский Союз.

Подготовка к нападению на Советскую Россию началась еще в июле 1940 года. Я был тогда начальником оперативного отдела штаба группы армий "Ц", расположенного в Дижоне (Франция). В состав этой группы входили 1-я, 2-я и 7-я армии, осуществлявшие оккупацию Франции. Кроме того, во Франции были дислоцированы: группа армий "А" (командующий Рундштедт), подготавливавшая операцию "Морской лев" (высадка в Англии), и группа армий "Б" (командующий фон Бок). Штаб армейской группы "Б" был переведен в июле на восток, в город Познань. Группа "Б" была усилена рядом соединений, дислоцированных во Франции; в число их входили: 12-я армия (командующий фон Лист), 4-я армия (командующий фон Клюге) и 18-я армия (командующий фон Кюхлер), несколько армейских корпусов и около тридцати дивизий, большая часть которых входила до этого

в состав армейской группы "Ц" (командующий фон Лееб).

Сразу после завершения кампании на Западе был получен приказ Главного командования сухопутных сил о демобилизации двадцати дивизий. Однако этот приказ был вскоре отменен. Дивизии были не демобилизованы, а лишь отведены в Германию с предоставлением отпусков личному составу и, таким образом, могли быть вновь отмобилизованы в краткие сроки.

Эти два мероприятия — переброска почти полумиллиона человек в пограничные с Россией районы и отмена приказа о демобилизации около 300 тысяч человек — явились первыми признаками того, что уже в июле 1940 года существовали планы войны на Востоке.

Следующим этапом подготовки нападения Германии на Советский Союз было поступившее в сентябре 1940 года письменное распоряжение Генштаба сухопутных сил о сформировании в Лейпциге новой 11-й армии, а также нескольких армейских корпусов и примерно сорока пехотных и танковых дивизий. Формирование этих новых частей и соединений осуществлялось, начиная с октября 1940 года, главным образом в Германии и частично во Франции под общим руководством командующего войсками резерва генерал-полковника Фромма.

В конце сентября 1940 года я был вызван в Главное командование сухопутных сил в Фонтенбло. Там я получил от обер-квартирмейстера Генштаба сухопутных сил генерал-лейтенанта Паулюса (впоследствии фельдмаршала) устный приказ о переводе нашего штаба к 1 ноября в Дрезден, а подчиненного нам штаба 2-й армии (командующий — генерал-полковник фон Вейхс) — к тому же сроку в Мюнхен. Нам было поручено руководить боевой подготовкой упомянутых выше вновь формируемых сорока дивизий. Этот приказ, поступивший к нам затем в письменном виде за подписью начальника Генштаба Гальдера, был выполнен в назначенный срок. Упомянутые сорок дивизий были введены в действие с самого начала нападения на Советский Союз.

В начале декабря 1940 года мой непосредственный шеф, начальник штаба группы армий "Ц" генерал-лейтенант Бреннеке получил от начальника Генштаба Гальдера оперативную схему — предварительный проект оперативного плана нападения на Советский Союз. Этот проект был передан ему на заключение. В середине декабря состоялось обсуждение этого плана у начальника Генштаба сухопутных сил генерал-полковника Гальдера с участием начальника штаба группы армий "Б" (командующий — фон Бок, ставка — Познань) генерала пехоты

фон Зальмута и начальника штаба армейской группы "А" (командующий — фон Рундштедт, ставка — Сен-Жермен, близ Парижа) генерала пехоты фон Зоденштерна.

По возвращении от Гальдера мой начальник сообщил мне о предстоящей войне против Советской России и сказал, что разработка плана сосредоточения и развертывания в соответствии с утвержденным оперативным планом уже началась. Далее Бреннеке сообщил мне, что штаб группы армий Бока в Познани вначале будет по-прежнему осуществлять руководство всеми войсками, расположенными вдоль восточной границы, а затем, согласно оперативному плану, будет преобразован в группу армий "Центр". Позже наш штаб будет переименован в штаб группы армий "Север" и переведен в Восточную Пруссию. Группа армий Рундштедта, которая пока еще находится во Франции, будет впоследствии действовать в качестве группы армий "Юг" на южном участке Восточного фронта. Мне лично Бреннеке передал приказ от Гальдера немедленно направиться в Закопане, близ Кракова, для создания штаба 17-й армии, начальником которого я назначен тем же приказом. Эта армия должна была впоследствии действовать на Восточном фронте в составе группы армий Рундштедта.

До начала военных действий 17-й армии была поручена охрана границ вдоль верхнего течения реки Сан и по реке Буг, на протяжении примерно 600 километров. На самой границе стояли лишь два корпуса, состоявшие всего из четырех дивизий, рассредоточенных по фронту. Зато в 250–300 километрах западнее, в Верхней Силезии, был дислоцирован еще один армейский корпус, состоявший из шести дивизий. Значительное удаление от границы основных сил являлось общей тактикой германского командования, рассчитанной на то, чтобы скрыть от русских сосредоточение наших войск и ввести их в заблуждение относительно своих истинных целей.

Поскольку основной задачей армии являлась подготовка к нападению на Советскую Россию, командование ее в этот период уделяло основное внимание боевой подготовке войск и штабного аппарата.

В конце января 1941 года на основании переданного по телеграфу приказа начальника Генштаба Гальдера я был командирован в штаб группы армий Рундштедта в Сен-Жермен, близ Парижа, для участия в военной игре. В ходе игры отрабатывалось "наступление из Румынии и южных районов Польши на Киев и далее в южном направлении". Заданная обстановка предусматривала участие румынских войск и в общих чертах соответствовала полученному позднее плану

развертывания, о котором я скажу ниже. Ведущим был начальник штаба группы армий Рундштедта. Участие в этой игре принимали: сам Гальдер, начальники штабов 6-й армии (полковник Гейм), 11-й армии (полковник Велер), танковой группы Клейста (полковник Цвиклер), а также несколько генералов 1-й танковой группы. Игра проводилась с 31 января по 2 февраля 1941 года в квартире штаба группы армий Рундштедта. В результате участники единодушно пришли к выводу о необходимости максимального сосредоточения танковых сил. В начале февраля, после моего возвращения из Франции, в Закопане прибыл вновь назначенный командующий 17-й армией генерал пехоты фон Штюльпнагель (Генрих), до этого возглавлявший комиссию по перемирию с Францией.

Примерно в то же время штаб группы армий Рундштедта получил первый приказ о развертывании по плану "Барбаросса". Так был назван план подготовки нападения на Советский Союз. В штабных документах 17-й армии я в целях сохранения строжайшей конспирации обозначил этот план условными цифрами; название "Барбаросса" употреблялось только в исходящих документах, направляемых в вышестоящие инстанции.

Этот первый приказ о развертывании ставил главным образом исходные задания по разведке и по проведению других подготовительных мероприятий, как то: наведение мостов, строительство дорог и т. д.

Затем поступили указания от генерал-квартирмейстера Генштаба сухопутных сил по вопросам снабжения в ходе наступления. Согласно этим указаниям, склады следовало перенести как можно ближе к русской границе для обеспечения намеченного наступления.

В середине февраля 1941 года по приказу Рундштедта, который все еще оставался во Франции, командованию 17-й армии была придана рабочая группа от штаба 6-й армии, также находившегося во Франции. Эта труппа должна была провести организационную подготовку развертывания 6-й армии, которая, как и намечалось, действовала впоследствии под командованием фельдмаршала фон Рейхенау в составе группы армий Рундштедта на Восточном фронте, севернее 17-й армии. Эта группа, возглавлявшаяся начальником оперативного отдела штаба 6-й армии полковником Вёльтером, работала под моим наблюдением как отдел нашего штаба. Таким образом, у противника должно было создаться впечатление, что нашей задачей по-прежнему является лишь оборона границы.

В середине апреля 1941 года в штаб 17-й армии поступил окончательный приказ о развертывании по плану "Барбаросса".

Одновременно Рундштедт со своим штабом был переведен из Франции в Тарнов (Польша).

Полагая, что этот приказ о развертывании ныне известен советским инстанциям, я не буду останавливаться здесь на этих аспектах плана "Барбаросса".

Таким образом, если до того момента с военной точки зрения речь шла лишь о подготовке нападения на Советский Союз, то теперь были даны конкретные указания об осуществлении этого плана. В этой связи я хотел бы откровенно сказать, что на основании всех подготовительных мероприятий, проводившихся с июля 1940 года, и моему тогдашнему начальнику, командующему 17-й армией генералу пехоты фон Штюльпнагелю (Генриху), и мне самому, и другим уже в апреле 1941 года было абсолютно ясно, что дело идет к новой агрессивной войне. Это подтверждали все описанные выше подготовительные мероприятия: переброска войск с Запада на Восток, формирование многочисленных новых частей в самой Германии, необычное размещение войск вдоль восточной границы в тот период, когда на самой границе находились лишь незначительные силы, а основная масса войск была оттянута на 200–300 километров к западу. Об этом свидетельствовали, наконец, и оперативная схема, составленная Главным командованием сухопутных сил в декабре 1940 года, которая предусматривала выход на дальние рубежи в глубине России, и военная игра в Сен-Жермене, главным содержанием которой являлись захват Украины и боевая подготовка войск, носившая ярко выраженный наступательный характер, и методы маскировки и дезориентации противника. Последним звеном в этой цепи явился апрельский приказ о развертывании, подтвердивший, что ближайшие цели наступления находятся уже в глубине советской территории, как это и было предусмотрено в упомянутой оперативной схеме Главного командования сухопутных сил.

Хочу привести еще два факта, являющихся, по моему мнению, важным доказательством подготовки к агрессии против Советского Союза.

1. В приказе от апреля 1941 года было специально оговорено, что развертывание и переброску основных сил к границе следует провести как можно позже — перед самым началом наступления. Сама по себе эта тактика является обычной. Однако если бы нам действительно угрожало нападение со стороны русских, как это в течение восьми месяцев утверждало Верховное командование вермахта, и если именно этим и объяснялись наши подготовительные мероприятия, то подобная оттяжка развертывания противоречила бы всякой логике, ибо давала бы

наступавшему противнику выигрыш времени и пространства.

2. В подтверждение мнимой угрозы со стороны русских Верховное командование вермахта не уставало твердить о сосредоточении крупных соединений Красной Армии на границе. Однако это утверждение находилось в явном противоречии с таким мероприятием, как упомянутое выше размещение складов снабжения вблизи границы. Это мероприятие осуществлялось генерал-квартирмейстером сухопутных сил по приказу верховного командования вермахта. Все это доказывает, что последнее целиком и полностью поддерживало агрессивные планы нацистского руководства.

Таковы чисто военные доказательства нацистской агрессии. Еще более очевидной была ее политическая подготовка. В начале сентября 1943 года в одном из лесных лагерей западнее Смоленска проездом на фронт я беседовал с начальником штаба группы армий "Центр" генерал-лейтенантом Кребсом, с тем самым, который в 1939 году входил в состав немецкой делегации на германо-русских переговорах, закончившихся подписанием договора о ненападении. Он, между прочим, сообщил мне, что делегация получила тогда от Гитлера указание идти на любые уступки русским. Эти высказывания Кребса недвусмысленно свидетельствуют о том, что заключение договора с СССР было лишь уловкой со стороны нацистов и преследовало единственную цель — прикрыть подготовку к агрессии против Советского Союза. Это доказывает и следующий эпизод.

В начале 1943 года я встретился на аэродроме в Полтаве с адъютантом Гитлера и доверенным лицом Кейтеля и Йодля Шмундтом, в то время еще полковником. В связи с тяжелой обстановкой на участке моей армии я спросил тогда Шмундта, нужна ли была вообще эта война с Россией. По словам фюрера, ответил Шмундт, эта война все равно должна была начаться, а после наших побед на Западе поднять немецкий народ на борьбу против России было легче.

Таким образом, подписание договора для отвода глаз, вероломное его нарушение и агрессия — все это звенья одной цепи, подтверждающие общую вину нацистских руководителей, таких, как Риббентроп, Геринг, "колонизатор России" Розенберг и их пособники из Верховного командования вермахта Кейтель и Йодль.

Война, навязанная Советской России, была захватнической войной. Поэтому она неизбежно сопровождалась жестокостью и другими преступлениями, возведенными в систему нацистскими и военными поджигателями войны. Перед вторжением в Россию Гитлер вместе с приказом о задачах СС по истреблению

населения издал и чреватый тяжелыми последствиями приказ, отменивший уголовную ответственность солдат за преступные действия против мирного населения. Советники Гитлера из Верховного командования вермахта несут наряду с Гитлером ответственность за этот приказ.

Нацистские руководители хотели превратить Россию в колонию, и в этом вопросе я располагаю конкретным доказательством. Генерал пехоты фон Зоденштерн, начальник штаба группы армий "Юг", ездил в начале июня 1942 года по служебным делам в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. Во время обеда Гитлер заявил, что он собирает теперь все книги о методах колонизации, чтобы применить эти методы при "колонизации России".

В заключение мне хотелось бы особо остановиться на военном преступнике Кейтеле, которого, судя по всему, до самого конца не покидала мысль о новых захватах и кровопролитии. 5 мая 1944 г. на генеральском совещании в Зонтхофене (в так называемом Орденском замке нацистской партии) он произнес перед ста двадцатью генералами всех родов оружия, в числе которых находился и я, речь о нацистском влиянии в армии. Касаясь вопроса о военном положении, он, в частности, сказал: "Мы снова вернем потерянные на Востоке богатейшие русские земли". И это было сказано накануне нашего полного разгрома! Вдобавок Кейтель недвусмысленно пригрозил: "Я прикажу расстреливать офицеров, которые усомнятся в нашей победе".

Винценц Мюллер, генерал-лейтенант, бывший командующий XII армейским корпусом.

Лагерь для военнопленных, 8.1.1946 г.»

На новый путь

Летом 1944 года группа армий «Центр» была разгромлена Красной Армией. В начале июля войска 2-го Белорусского фронта окружили под Минском 4-ю армию, входившую в состав этой группы. Командующий 4-й армией Типпельскирх еще до этого покинул расположение армии, передав командование генерал-лейтенанту Винценцу Мюллеру, командиру XII армейского корпуса. В личном архиве В. Мюллера сохранились следующие записи, посвященные событиям тех дней:

«Во второй половине июня 1944 года советские войска начали наступление на армейскую группу "Центр" (командующий — генерал-фельдмаршал фон Буш) с целью ее полного разгрома и уничтожения. Наступление на участке 3-й танковой армии в районе Витебска началось 23 июня, а на участке 9-й армии в районе Бобруйска — 24 июня; на участке 4-й армии (XII и XXVII армейские корпуса и XXXIX танковый корпус) — центральном участке фронта всей группы — русские наносили лишь вспомогательный удар. Главный удар был направлен на фланги группы. На участке XII армейского корпуса, которым я командовал, советские войска вообще в наступление не перешли и вначале оставались на прежних позициях.

Утром 28 июня штаб нашего корпуса получил по телефону указание командующего 4-й армией генерала пехоты фон Типпельскирха начать в ночь с 29-го на 30-е отход в западном направлении, в район южнее Минска.

Утром 1 июля я был вызван по радио на командный пункт генерала фон Типпельскирха у моста через реку Березину (около местечка Березине) и получил от него следующие устные указания: "Советские войска приближаются к Борисову (город Борисов, расположенный на берегу реки Березины, севернее Березино, к началу советского наступления находился примерно в ста километрах к западу от линии фронта). Обстановка на участке 9-й армии неясна. Вообще говоря, мое место здесь, но начальник штаба убедил меня, что мы можем помочь 4-й армии, лишь покинув район непосредственных боевых действий. По некоторым, пока не подтвержденным данным из штаба группы нам на помощь идет 5-я танковая дивизия. Я уполномочиваю вас отдавать все необходимые приказания по армии в том случае, если будет прервана связь [то есть связь с Типпельскирхом и его штабом, отошедшим в тыл. — Нем. ред.]. Ближайшей задачей 4-й армии является дальнейшее отступление с выходом в район 50–60 километров южнее Минска".

"Уже сейчас видно, что это — тяжелое поражение, но последствия его пока трудно предвидеть, — добавил Типпельскирх. — Нам остается лишь одно — попытаться вывести как можно больше людей из окружения".

Отступление XII армейского корпуса сначала шло планомерно. Однако уже в лесах западнее и южнее Могилева участились ночные засады партизан, их огневая мощь нарастала. Находившиеся на фронте перед XII корпусом советские части не оказывали большого давления на наш арьергард, так как их командование знало, что мы сами движемся в готовящийся котел и что иного выхода у нас нет. Примерно 3 или 4 июля XII корпус вошел в соприкосновение с блокирующими советскими подразделениями, которые все более усиливались за счет частей прорыва.

Одновременно возникли новые трудности: полностью прекратилось снабжение. В результате боев с партизанами и регулярными советскими войсками часть наших подразделений была раздроблена, связь постоянно прерывалась. Мы потеряли ориентировку, ибо карт района боевых действий у нас не было.

Не только с соседних, но и с более отдаленных участков фронта — из-под Витебска — в наше расположение пробивались многочисленные группы солдат, отставших от своих частей; некоторые из них были без оружия. Стали прибывать и раненые, их везли целыми обозами на крестьянских подводах, и по нескольку дней не оказывали им медицинской помощи.

Все эти трудности, как и общее положение на фронте, оказали деморализующее воздействие на части XII корпуса. Процесс разложения усиливался по мере того, как советские войска во взаимодействии с партизанами, завершив общее окружение в районе юго-восточнее Минска, стали окружать отдельные части и соединения, попавшие в этот огромный котел. Наши попытки прорвать это кольцо были тщетны. Штаб нашего корпуса был рассеян. 5 июля мы направили в тыл последнюю радиограмму: "Сбросьте с самолета хотя бы карты местности или вы уже списали нас?" Ответа не последовало.

Положение стало совершенно безвыходным. 7 июля я обратился к офицерам и солдатам с предложением прекратить бессмысленное сопротивление и вступить в переговоры с русскими о капитуляции. Однако все настаивали на новых попытках прорвать кольцо окружения.

Каждый день дальнейших боев стоил нам бессмысленных жертв. Поэтому я около четырех часов утра 8 июля 1944 года в сопровождении одного офицера и горниста выехал верхом из нашего расположения и направился наугад навстречу русским,

ориентируясь по огню их артиллерии. Мы наткнулись при этом на охрану штаба крупного артиллерийского соединения; меня немедленно препроводили к одному из старших советских офицеров. Я рассказал ему об обстановке в котле и заявил, что хочу отдать приказ о прекращении сопротивления, но не располагаю больше средствами довести этот приказ до моих подчиненных. Советский командир выразил готовность помочь мне в этом. Тогда я продиктовал одному из немецких военнопленных приказ о прекращении сопротивления, который был тут же отпечатан на немецкой пишущей машинке. Этот приказ был затем размножен и сброшен с советских легких самолетов над скоплениями германских солдат на территории котла. Я решился на этот шаг, кроме всего прочего, еще и потому, что, предвидя свое неизбежное пленение, не хотел оставлять своих офицеров и солдат на произвол судьбы».

Приказ, отданный Винценцем Мюллером по частям 4-й армии, гласил:

«8.7.1944 года.

Всем солдатам 4-й армии, находящимся в районе к востоку от реки Птич!

Наше положение после многодневных тяжелых боев стало безнадежным. Мы выполнили свой долг. Наша боеспособность практически сведена на нет, и рассчитывать на возобновление снабжения не приходится. По сообщению Верховного командования вермахта, русские войска стоят уже под Барановичами. Путь по течению реки блокирован, и прорвать кольцо своими силами мы не можем. У нас огромное количество раненых и солдат, отбившихся от своих частей.

Русское командование обещает:

а) медицинскую помощь всем раненым;

б) офицерам оставить ордена и холодное оружие, солдатам — ордена.

От нас требуется: собрать и сдать в исправном состоянии все наличное оружие и снаряжение.

Положим конец бессмысленному кровопролитию!

Приказываю:

Немедленно прекратить сопротивление; собраться группами по 100 человек и более под командованием офицеров или старших по званию унтер-офицеров; сконцентрировать раненых в пунктах сбора; действовать четко, энергично, проявляя товарищескую взаимопомощь. Чем большую дисциплинированность мы

покажем при сдаче, тем скорее будем поставлены на довольствие.

Настоящий приказ надлежит распространять устно и письменно всеми имеющимися в распоряжении средствами.

Мюллер,

генерал-лейтенант и командующий XII армейским корпусом».

9 июля 1944 года В. Мюллер имел беседу с одним военнопленным немецким фельдфебелем, уполномоченным Национального комитета «Свободная Германия» (НКФД) по работе среди немецких солдат, который описал ее впоследствии в органе НКФД, газете «Фрейес Дейчланд». Поздоровавшись с фельдфебелем и осведомившись, кто является его непосредственным руководителем, Мюллер испытующе посмотрел на него и спросил: «Вы явились ко мне как представитель Национального комитета "Свободная Германия"?»

Получив утвердительный ответ, Мюллер заявил:

«Еще находясь в германской армии, я много читал и слышал о деятельности Национального комитета. Нам не было ясно, однако, действует ли этот комитет свободно и самостоятельно как немецкая организация. Поэтому я и спросил вас сначала о вашем руководстве. Кроме того, мы считали, что от исхода войны зависит само существование Германии; я лично был в этом убежден. Новая катастрофа, разгром группы армий "Центр", конечно, на многое открыла мне глаза…»

После того как уполномоченный НКФД указал на необходимость свержения Гитлера для спасения Германии, Мюллер сказал:

«Нужно время, чтобы после всего пережитого, после огромного напряжения тяжелых боев и отчаянных попыток прорвать кольцо осмыслить все это заново. Сейчас мне ясно одно: война проиграна и мы должны с ней покончить. Отдав вчера приказ о немедленном прекращении сопротивления, я сделал это по велению разума и из гуманных побуждений».

В первые дни пребывания в плену В. Мюллер проанализировал причины поражения группы армий «Центр». Результаты своих размышлений он подытожил в заявлении, переданном представителям Национального комитета «Свободная Германия». Газета «Фрейес Дейчланд» в номере от 23 июля 1944 года опубликовала следующий отрывок из этого заявления:

«Не имея с 4 июля 1944 года никакой связи с командованием и другими частями, я отдал 8 июля приказ солдатам 4-й армии

прекратить сопротивление в районе Минска. Я действовал при этом исключительно по собственному усмотрению.

С имевшимися в моем распоряжении силами и средствами я не был в состоянии прорваться на юго-запад. Общая обстановка: занятие русскими войсками Барановичей и их выход в район западнее этого города, продвижение крупных русских соединений на запад от района окружения — все это сделало дальнейшее сопротивление бессмысленным и заставило отказаться от последних надежд на помощь с запада. Снабжение наших частей прекратилось; мы располагали лишь очень слабой артиллерией и почти не имели противотанковых средств.

В этой ситуации я лично вступил в переговоры с командованием частей Красной Армии, расположенных в данном районе. Получив заверения, что нам гарантируют почетные условия сдачи и уход за ранеными, я приказал своим частям прекратить сопротивление с полудня 8 июля 1944 года. 10 июля 1944 года я повторил этот приказ, подписанный также генералом пехоты Фёлькерсом, поскольку мой первый приказ не дошел до всех подразделений, расчлененных на небольшие по составу боевые группы.

Ответственность за судьбу вверенных мне частей, обескровленных в боях и все еще ждавших помощи, большое количество отставших солдат, которые группами и поодиночке присоединялись к ним, наконец, жестокие страдания раненых — все это заставило меня задуматься над причинами катастрофы и сделать соответствующие выводы.

Еще в середине мая было известно, что русские готовят наступление на нескольких направлениях: у реки Пронь, вдоль шоссе Москва — Минск, а также, насколько я знал, в районе Витебска. Общая обстановка у противника была мне не известна. Следовало учитывать, что русские летом бросят в наступление пополненные и свежие ударные соединения. У нас же еще до начала русского наступления некоторые дивизии были вынуждены "отдать взаймы" целые батальоны. В результате наши подразделения накануне тяжелых боев оказались раздробленными и рассредоточенными, что и сыграло впоследствии роковую роль.

Но и после того, как русские в ходе своего наступления неожиданно быстро прорвали фронт на нескольких широких участках, мы не сделали единственно правильного вывода из создавшегося положения. Из-за отсутствия резервов необходимо было как можно быстрее оторваться от противника. Мы же, напротив, получили приказ удерживать позиции, несмотря на то что прорвавшиеся подразделения противника уже охватывали нас

с флангов.

Если наше Верховное командование, исходя из своей оценки обстановки, считало необходимым концентрацию стратегических резервов на других участках фронта, то следовало бы своевременно выровнять фронт и ликвидировать "выступы", подобные тому, который образовала линия фронта на нашем участке. Наша порочная стратегия привела к уничтожению целого ряда частей и соединений, не говоря уж о дальнейших последствиях, которые и сегодня еще трудно предвидеть.

Поражение группы армий "Центр", в котором повинно наше командование, настолько поколебало доверие к нему, что его уже невозможно было восстановить. Сколько немецкой крови было пролито напрасно! Как все это скажется на моральном состоянии наших войск на других участках фронта и каковы будут последствия этого разгрома для дальнейшего хода войны? Понесенное поражение вызвало у нас чувства горечи и гнева, направленные против нашего Верховного командования, которое обманывало нас, постоянно твердя, что силы русских на исходе. Оно ничего не предприняло, чтобы улучшить наше положение: не провело своевременно операций, направленных на срыв планов противника, и не оказало нам помощи впоследствии. Верховное командование, по существу, предало вверенную ему армию, выполнявшую свой долг на поле боя. Его дилетантские методы, безответственность и азартная игра ва-банк нанесли нам удар в спину. Логическим завершением этого обмана и предательства явился лозунг "Победа или смерть!". Германский народ хотят принести в жертву ради того, чтобы дать возможность кучке нацистских фюреров "величественно" сойти со сцены. Но народ живет и будет жить, тогда как существование правительств всегда ограничено историческими рамками.

Смятение в умах наших военачальников не в последнюю очередь было вызвано лживыми, противоречащими друг другу установками Верховного командования, которое возвещает, что "война решается на Западе", и тут же, не переводя дыхания, провозглашает, что "большевизм — главный враг" и что "враг у восточных ворот рейха". Нас убеждают в том, что решающим фактором остается моральное состояние войск, и одновременно обещают нам спасительное "новое оружие". Вывод один: наше положение безвыходно. Нужно покончить с виновниками всех обрушившихся на нас бедствий и проложить обманутому и побежденному германскому народу новый путь в семью миролюбивых народов.

О победе Германии не может быть и речи. Вся стратегия Гитлера — это цепь непрерывных поражений, причиной которых

являются пренебрежение к противнику и переоценка своих сил.

Для того чтобы спасти Германию, надо устранить Гитлера. У меня, как и у многих других офицеров старой школы, это не вызывает сомнений».

В 12-м заседании Национального комитета «Свободная Германия», состоявшемся 3 августа 1944 года, принял участие и В. Мюллер вместе с другими военнопленными генералами бывшей группы армий «Центр». В своем выступлении Мюллер, в частности, заявил:

«Решающий кризис наступил для Германии значительно раньше, чем его ожидали в результате внезапной катастрофы — развала значительной части Восточного фронта и вторжения в Европу, осуществленного на Западе.

Это катастрофическое военное положение уже вызвало последствия внешнеполитического порядка: Турция разорвала отношения с Германией; Болгария, бывшая союзница Германии, требует вывода германских войск со своей территории; военные и экономические ресурсы Румынии на исходе, и маршал Антонеску уже пытается установить контакты с оппозицией; в Венгрии началось открытое брожение, антиправительственные настроения там усиливаются; в Финляндии ушли в отставку президент и премьер-министр — сторонники продолжения войны на стороне Германии. Все это ведет к полной политической изоляции Германии.

Гитлер пытается еще удержать народ и вермахт в повиновении, обещая дать им секретное сверхоружие или найти какой-то политический выход из создавшегося положения. Но прежде всего он старается запугать страну призраком большевизма и повторением катастрофы 1918 года.

Каждый солдат знает, что никакое оружие само по себе не может решить исход войны. Это недавно признал даже Геббельс.

Упомянутая выше прогрессирующая внешнеполитическая изоляция Германии и нарастающая мощь ударов противника с востока, запада и юга не оставляют никакой надежды на "спасительные" внешнеполитические маневры.

Советский Союз — это государство, которое до нападения на него Гитлера никогда не угрожало нашей стране. Идеологическое влияние большевизма на немецких коммунистов было всегда исключительно внутренним делом Германии.

Наконец, сравнение с 1918 годом — подлая ложь. "Удар кинжалом в спину" — это легенда, и об этом заявил не кто иной, как сам Людендорф в своем докладе имперскому правительству после начала наступления свежих американских войск 8 августа 1918 года. Силы Германии были тогда на исходе. В настоящее

время положение еще более катастрофическое.

Гитлеровский режим обанкротился. Германский народ стоит на краю гибели. Велением времени является сплочение германского народа ради спасения того, что еще можно спасти! Надо прекратить бессмысленное кровопролитие и предотвратить новые разрушения. Теперь уже каждому ясно, к каким гибельным последствиям привела нас национал-социалистская идеология с ее демагогией и бредовыми планами мирового господства. Вся нацистская система держится на насилии и терроре против собственного народа.

Разыгрывая из себя героев, преступные правители Германии намереваются мобилизовать последние силы народа и бросить их в мясорубку. Речь идет уже о призыве в армию пятнадцати- и шестнадцатилетних подростков, а также лучших, высококвалифицированных немецких рабочих, столь необходимых для грядущего восстановления Германии; их хотят "разбронировать" и превратить накануне полного разгрома в пушечное мясо.

Лживая пропаганда и разветвленная система слежки до сих пор не давали возможности противникам Гитлера объединиться для решительных действий. Вооруженные до зубов эсэсовские убийцы грозили потопить в крови любое выступление против Гитлера.

Однако положение изменилось. Война проиграна. Каждый мыслящий немец видит теперь, что неоспоримые факты опровергают лживую пропаганду. Поэтому появилась реальная возможность ослабить систему слежки, выявить нацистских соглядатаев и даже привлечь на свою сторону некоторых из них, заблуждающихся или запуганных. Мир не может понять, почему германский народ терпеливо влачит свои рабские цепи и не положит конец войне и гитлеровскому режиму. Следует развернуть работу по созданию нелегальных антигитлеровских организаций и начать массовую борьбу за свержение нацистского режима.

Против террора Гиммлера есть лишь одно средство: насилию надо, не колеблясь, противопоставить насилие во имя жизненных прав германского народа. Но, неорганизованное, разобщенное и безоружное, наше население бессильно. Только вермахт в состоянии начать открытую борьбу против нацизма. Иначе это завершат войска противника без нашей помощи. Восстание генералов 20 июля, предвидевших военную катастрофу, окончилось неудачей. В распоряжении генералов не было достаточно сильных, надежных военных частей. Заговорщики не опирались на организованную силу и поддержку широких,

сочувствующих им слоев народа.

Только единый фронт всех немцев, настроенных против гитлеровского режима, от консерваторов до коммунистов, всех противников нацистского режима, независимо от социального положения и религиозных убеждений, только новое германское государство, созданное на демократической основе, только подлинно миролюбивая политика и упорный труд могут преодолеть последствия гитлеровского банкротства и повести Германию к лучшему будущему. К процветанию и благосостоянию наш народ может прийти, лишь став на путь искреннего сотрудничества со всеми народами, прежде всего опираясь на тесную дружбу с Советским Союзом. У нас остаются буквально считаные минуты! Если мы сами не свергнем гитлеровского режима и не покончим таким образом с бессмысленной войной, война пройдет по территории Германии, сея смерть и разрушения. Мы покроем себя несмываемым позором, если союзные державы сами решат стоящую перед нами задачу обновления Германии. С каждым новым днем войны условия будущего мира становятся все тяжелее.

Жизненные интересы и честь нации требуют, чтобы вермахт силой устранил нынешнюю систему и чтобы все слои германского народа поддержали его в этой борьбе».

5 сентября 1944 года В. Мюллер впервые выступил с комментариями в радиопередачах комитета «Свободная Германия», в которых он впоследствии принимал активное участие. Он сказал следующее:

«Дорогие соотечественники на фронте и в тылу! Близится военный разгром гитлеровской Германии. События развиваются с нарастающей быстротой. Гитлеровская система союзов на юго-востоке Европы рухнула. Фронт в этом районе разваливается. В этом нет ничего неожиданного. Переворот в Румынии назревал уже несколько недель. Германское Верховное командование не могло не знать о подготовке русского наступления на румынском фронте. И снова Гитлер, этот, с позволения сказать, "полководец", проявил полную беспомощность. Он упорно бездействовал, даже не пытаясь предотвратить надвигающуюся катастрофу. Он отлично знал, что резервы с этого участка фронта были переброшены в Польшу и во Францию. Знал он и об обострившихся противоречиях между Румынией и Венгрией, и все же он ничего не предпринял, обрекая, таким образом, еще две армии на уничтожение. После крушения гитлеровской обороны на Балканах Балканский фронт союзников становится реальностью. Народная армия маршала Тито, которая до сих пор вела ожесточенную партизанскую войну, теперь благодаря

объединению с русскими и румынскими войсками получила возможность вести наступательные операции. При этом она может рассчитывать и на поддержку западных союзников, успешно развивающих наступление в Италии, и прежде всего на Адриатическом побережье.

Таким образом, на юго-востоке назревает новый удар союзников, на этот раз в направлении Вены. Какие силы противопоставит им здесь Гитлер, это будет в первую очередь зависеть от того, сколько войск он сможет еще оттянуть с Балкан, из Греции, с Крита, с Карпат и из Венгрии.

Между Карпатами и Балтийским морем уже сосредоточены значительные силы русских, готовые к штурму "крепости Германии".

На западе, несмотря на огромные потери, Гитлеру не удалось создать стабильной линии фронта от берегов Ла-Манша до швейцарской границы, то есть на участке протяженностью около 600 километров. Танковые авангарды союзников уже завязали бои у "Западного вала". Перед Гитлером стоит теперь задача закрепиться на этих оборонительных рубежах раньше, чем союзники их преодолеют. При этом следует учесть, что основные силы союзников еще на подходе и мощь их наступления постоянно нарастает. Франция, по существу, уже потеряна для Гитлера.

Войска союзников на востоке, юго-западе и западе готовятся перенести наступательные операции на территорию Германии, а это значит, что война вступает в свою последнюю стадию.

Каковы перспективы у Гитлера в этой борьбе? Прежде всего следует ожидать небывалых по силе воздушных ударов союзников по Германии. Германская авиация, которая и до этого не могла оказать действенное сопротивление союзникам, вскоре окажется вообще не в состоянии поддерживать наши войска с воздуха и защищать территорию Германии от воздушных налетов. А наступление союзников теперь будет непрерывно нарастать по мере сокращения линии фронта и концентрации сил противника на границах Германии. У Гитлера нет больше стратегических резервов внутри страны, на которые он мог бы опереться в этой тяжелой борьбе. Значительная часть немецких войск все еще обороняется на безнадежных позициях за пределами Германии. Проведя вторую тотальную мобилизацию, Гитлер до конца исчерпал свои резервы. Наличных материальных запасов надолго не хватит. Шквал воздушной войны вскоре еще сильнее обрушится на военную промышленность, а главное — на коммуникации. Это, в свою очередь, роковым образом отразится как на перебросках войск, так и на снабжении вермахта и всего

населения страны.

Предстоящее наступление союзников на Германию станет для вермахта и германского народа новым гигантским Сталинградом.

Что ожидает немецкие части, находящиеся сейчас на рубежах вне пределов Германии? Что могут они сделать на завершающем этапе войны? Стратегические позиции, которые Гитлер еще удерживает вне Германии, эти остатки хваленого "европейского оборонительного пояса" не помешают союзникам развернуть генеральное наступление на Германию. Если даже Гитлер и сумел бы своевременно оттянуть часть этих сил, они не имели бы решающего значения в обороне сравнительно небольшой территории Германии. Но, сковывая силы противника на внешних рубежах, как это делают по приказу Гитлера группа армий "Север", окруженная в Прибалтике, или германские дивизии в Финляндии, они вообще не могут повлиять на ход событий ввиду подавляющего превосходства союзников. К тому же оккупационные немецкие войска в таких странах, как Норвегия и Дания, не выполняют и этой задачи. Готовясь к решающим операциям, противник может вообще сбросить со счета эти районы.

И в подобной стратегической обстановке германская пропаганда еще пытается обмануть народ и вермахт, болтая об успешных перспективах и "конечной победе"! Это преступное безумие, подстрекательство к самоубийству! С военной точки зрения развязанная Гитлером война была проиграна уже с момента нападения на Советский Союз. Такие лозунги, как "Европа — неприступная крепость" и "Время работает на нас", из-за колоссального превосходства сил противника являются либо непростительной ошибкой, либо прямым обманом. Произошло именно то, о чем, по обещанию Гитлера, не могло быть и речи: борьба переносится на немецкую территорию. Поэтому окончательное военное поражение гитлеровской Германии — это теперь лишь вопрос времени.

Каждый новый день бессмысленного кровопролития еще более омрачает нашу будущую участь. Единственная задача вермахта состоит сейчас в том, чтобы вместе со всем народом свергнуть Гитлера и расчистить таким образом путь для мира и новой Германии, которой предстоит восстановить доверие со стороны других народов».

Выступая в передачах радиостанции «Свободная Германия», В. Мюллер одновременно работал и в газете «Фрейес Дейчланд». 17 сентября 1944 года в ней была опубликована одна из его первых статей, озаглавленная «Сегодня и завтра». Ниже приводится текст этой статьи.

«Каково положение на фронтах?

Летнее наступление Красной Армии опрокинуло всю военную стратегию Гитлера. До сих пор Верховное командование вермахта руководствовалось принципом: "Исход войны решается на Западе". Согласно этому принципу, на Востоке необходимо было выиграть время и удерживать занимаемые позиции. Теперь же огненный вал войны неумолимо надвигается с Запада и с Востока на территорию Германии. Для того чтобы закрыть брешь, образовавшуюся на фронте в результате уничтожения группы армий "Центр" и значительной части группы армий "Северная Украина", Гитлер вынужден был перебросить сюда дополнительные силы откуда только возможно, даже из Италии и Франции, где развертывались бои, решающие судьбу Западного фронта. Это привело к ускорению разгрома на Западе и в Италии. Однако даже такой ценой Гитлеру не удалось стабилизовать Восточный фронт, южный фланг которого был разгромлен в конце августа. Румыния и Болгария перешли на сторону союзников. В начале сентября Финляндия разорвала союз с Германией. Геббельсовская пропаганда пытается теперь делать хорошую мину при плохой игре, указывая на выгоды сокращения фронта, происходящего в результате наших непрырывных поражений.

Как же в действительности обстоит дело с сокращением фронта?

К югу от Карпат образовалась практически сплошная линия фронта, доходящая до Адриатики. Этот южный фланг до сих пор открыт, и, чтобы укрепить его, нужны новые силы. Между Карпатами и Финским заливом линия фронта, по существу, не сократилась. Отпадение Финляндии высвободило значительно больше русских войск, чем немецких. При этом еще неизвестно, удастся ли вывести немецкие войска из Финляндии и сохранили ли они свою боевую технику. Во всяком случае, не ясно, сможет ли командование вермахта располагать этими войсками, и если сможет, то когда.

Подведем итоги: Красная Армия, которая во время последних наступательных операций понесла по сравнению с вермахтом незначительные потери, постоянно усиливается за счет внутренних резервов. Кроме того, на ее стороне Румыния, Болгария, освободительная армия Югославии и польская армия, которая в последнее время получила значительное пополнение из освобожденных районов Польши. Напротив, силы Гитлера за тот же период непрерывно уменьшались в результате невосполнимых потерь в многочисленных "котлах", уничтожения группы армий "Центр", изоляции группы армий "Север" и разгрома группы

армий "Южная Украина", выхода из войны всех союзников, кроме Венгрии, и, наконец, из-за увеличения протяженности фронта на юго-востоке.

В активе союзников — кроме побед Красной Армии — успехи на других фронтах, Гитлер же лишен возможности использовать преимущества внутренней оборонительной линии, поскольку генеральное наступление союзников развертывается одновременно со всех сторон, а безраздельное господство союзников в воздухе затрудняет быструю переброску крупных немецких соединений.

Красная Армия располагает полной свободой действий при проведении дальнейших операций и сосредоточении сил на любых участках фронта. Гитлер обречен на пассивное ожидание. Немецкие войска расположены на полевых позициях, укрепленных на скорую руку. Точно такие же оборонительные линии противник неоднократно преодолевал в течение всего прошедшего лета. Немецкое командование вынуждено рассредоточивать свои силы по всему фронту и лишено возможности быстро перебрасывать крупные соединения для сосредоточения их на угрожаемых участках.

Что будет дальше?

На юго-востоке союзники готовятся к наступлению по всему фронту. Вновь созданный фронт между Карпатами и Балтийским морем как будто стабилизовался. Однако он еще не подвергался серьезным испытаниям. И здесь следует ожидать большое русское наступление, в ходе которого Красная Армия не ограничится фронтальным нажимом, а, судя по всему, прибегнет к своему испытанному методу сочетания массированных прорывов с широкими операциями по окружению и уничтожению противника. Она располагает для этой цели достаточными мощными танковыми и моторизованными соединениями. Гитлер не в состоянии обеспечить маневренное ведение войны на оставшемся в его распоряжении узком оперативном пространстве. Красная Армия уже создала важные плацдармы на среднем течении Вислы. Далее к западу до самого Одера нет больше ни одного естественного рубежа обороны. Последние решающие бои будут теперь навязаны Гитлеру в еще более неблагоприятных условиях, чем минувшим летом. Вермахт не сможет противостоять этому натиску.

Геббельсовская пропаганда утверждает, что выигрыш времени создаст предпосылки для окончательной победы. Это сплошная бессмыслица и подлый обман. С каждым днем положение становится все более безнадежным, ибо охарактеризованное выше соотношение сил и боевая обстановка непрерывно изменяются в

пользу союзников.

Какие же выводы надлежит сделать вермахту?

Если вермахт и впредь будет исполнять приказы Гитлера и продолжать борьбу, то можно с уверенностью сказать, что все германские солдаты будут уничтожены, будь то на нынешних позициях или в завершающих сражениях на территории Германии. В этом случае вся Германия станет кладбищем и для вермахта и для населения.

Вермахт, подчиняясь Гитлеру, борется не за германский народ и его будущее. Гитлер отправляет сегодня на смерть юношей пятнадцати и шестнадцати лет лишь для того, чтобы спасти себя и свое ближайшее окружение и избежать ответственности за преступления, содеянные им самим, его кликой и СС. Для вермахта и германского народа есть лишь один выход из этого ада: прекращение борьбы и свержение Гитлера».

В речи по радио 3 октября В. Мюллер говорил, в частности, о посулах геббельсовской пропаганды, обещающей «новое оружие», новые дивизии и новую стратегию:

«Чего стоят эти посулы? "Сверхоружие Фау-1" не помешало англоамериканцам успешно провести чрезвычайно сложные операции по вторжению на континент, несмотря на то что силы их были тогда сосредоточены на небольшом пространстве в Южной Англии. Количество самолетов-снарядов, выпущенное за двенадцать недель, равнялось по своей мощи бомбовому грузу, который англо-американская авиация в среднем сбрасывает на Германию за каждые два дня. Как же после этого можно говорить о том, что какое-то мифическое новое "сверхоружие", которое к тому же будет готово неизвестно когда, решит исход войны или хотя бы отдельных сражений на всей протяженности "фронтов"?

А новые дивизии? Начиная с июня сего года, вермахт потерял 2 миллиона человек убитыми, ранеными и пленными, а также огромное количество боевой техники и снаряжения. Число новых дивизий, которые можно сформировать в результате второй тотальной мобилизации — последнего резерва Гитлера, — весьма ограниченно. Следует учесть еще, что наличные дивизии остро нуждаются в пополнении. А в то же время союзники располагают большими внутренними ресурсами для пополнения личного состава войск и усиления их мощи, не говоря уже о примкнувших к ним целых странах. Их военная промышленность превосходит нашу по своему потенциалу и располагает неограниченными запасами сырья.

Наконец, о какой новой стратегии может идти речь? До сих пор Гитлер полностью пренебрегал старыми, испытанными принципами стратегии. Как показал опыт войны во Франции, на

узком оперативном пространстве в самой Германии при господстве союзников в воздухе и маневренности их танковых и моторизованных частей вообще уже не может быть никакой эффективной стратегии. Сокращение фронта и концентрация сил лишь на руку наступающим союзникам, которые, располагая количественным превосходством, получают в результате возможность беспрепятственного сосредоточения на избранных направлениях ударов. Каждый новый день войны несет вермахту и населению бесполезные жертвы, грозит новыми разрушениями, ухудшает положение и перспективы Германии».

В своей статье в газете «Фрейес Дейчланд» от 26 ноября 1944 года, посвященной годовщине начала битвы на Волге, В. Мюллер отмечал, что поражение немцев в этой битве не только привело к стратегическому и политическому перелому в ходе войны, но и решающим образом сказалось на моральном состоянии всего немецкого народа. Он писал:

«Вермахт и весь немецкий народ находятся сейчас в таком же "котле", в каком находилась в свое время 6-я армия. Со всех сторон надвигается решающий последний штурм, и нет надежды на помощь извне или на успешную попытку прорыва. Расходуются последние запасы, которых хватит всего на несколько месяцев. Бессмысленное продолжение войны, уже проигранной Гитлером, неминуемо приведет к полной разрухе, голоду, нищете и уничтожению самих основ существования народа после неизбежного окончательного поражения.

И, несмотря на это, преступные нацистские правители, продолжая войну, приносят в жертву вермахт и весь народ ради продолжения войны. Более того, нацисты сейчас лицемерно именуют проигранную ими захватническую войну войной оборонительной. Они обманывают народ, обещая новое "чудодейственное оружие", скрывают от него истинное военное и политическое положение, сеют несбыточные надежды на мнимые противоречия среди союзников и запугивают население, которому, по их словам, "грозят месть и насилие со стороны союзников". Конечно, у них самих есть основания опасаться этого, ибо союзники неизбежно привлекут к ответу виновников войны и преступных нацистских заправил. Обманывая народ, нацистские главари хотят, чтобы он истек кровью в безнадежной борьбе подобно 6-й армии в битве на Волге. Разница заключается лишь в том, что этот подлый обман затмил даже беспардонную ложь тех дней, точно так же как нынешнее последнее гигантское сражение этой роковой войны затмевает даже сталинградскую катастрофу. Война завершается полным разгромом Гитлера на немецкой земле.

Вермахт, его ответственные руководители, его генералы, офицеры и солдаты пока еще могут покончить с этой бессмысленной, уже проигранной войной. Вермахт и народ еще могут сбросить национал-социалистское иго. Пример Сталинграда убедительно свидетельствует о том, что в этом единственный путь к спасению.

Однако этого еще недостаточно. Мы, немцы, должны окончательно порвать с Гитлером и его национал-социализмом не только потому, что в 1943 году мы потерпели поражение на Волге, а теперь проигрываем всю войну. Никто не звал нас на берега Волги, и мы не должны были идти за Гитлером, развязавшим эту захватническую войну.

И в этом смысле Сталинград указывает нам путь в будущее. Чтобы вновь получить доступ в сообщество свободных народов, мы должны безоговорочно порвать с национал-социализмом, создать государство, основанное на праве, свободе и гуманности, решительно встать на путь мирного труда и подлинного социального и культурного прогресса и свято уважать суверенные права других государств».

В начале декабря 1944 года пятьдесят пленных немецких генералов во главе с бывшим командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом фон Паулюсом обратились в своем воззвании, озаглавленном «К народу и вермахту», с призывом к германскому народу положить конец уже проигранной войне и предотвратить тем самым гибель немецкой нации: «Германский народ, поднимайся на спасительную борьбу против Гитлера и Гиммлера, против их гибельной системы! В единении и сплоченности залог твоей победы». В газете «Фрейес Дейчланд» от 17 декабря В. Мюллер разъяснил смысл и цели этого обращения пятидесяти генералов, которое Национальный комитет «Свободная Германия» опубликовал в своей газете и распространял в листовках и радиопередачах:

«Гитлер и его сообщники, которым не суждено пережить эту войну, хотят увлечь за собой в смертную бездну и весь наш народ.

Чтобы сорвать эти преступные планы Гитлера, обрекающего германский народ на дальнейшее бессмысленное кровопролитие, пятьдесят германских генералов обращаются из русского плена с призывом к германскому народу и вермахту. Они выступают не только от своего имени, но и от имени сотен тысяч солдат и офицеров, которые вместе с ними полны тревоги за судьбу много страдального германского народа и осознают, что продолжение войны грозит ему смертельной опасностью.

В канун решающего наступления объединенных сил союзников эти генералы возвышают свой голос, чтобы открыть

глаза всем немцам на преступления против собственного народа, которые национал-социализм совершил и намерен совершать и впредь, пока неизбежная гибель созданного им режима не положит этому конец. Авторы воззвания хотят разъяснить своим соотечественникам, что их судьба будет зависеть главным образом от того, как скоро наш народ свергает Гитлера и национал-социализм, чтобы предотвратить дальнейшие бессмысленные разрушения и кровопролитие, и не будет усугублять еще более свою вину за продолжение войны и связанные с этим последствия.

Вместе с сотнями тысяч солдат и офицеров, находящихся в русском плену, мы являемся живым опровержением ложных утверждений геббельсовской пропаганды и национал-социалистского руководства вермахта, что Советский Союз намерен уничтожить немцев. Мы убедились, что великий русский народ не имеет других намерений, как жить в мире со всеми свободными народами, в том числе и с германским народом, повышать свое благосостояние и содействовать прогрессу всего человечества.

Будучи на фронте, при всех наших сомнениях мы все же верили лживой пропаганде национал-социалистского руководства, не допуская мысли, что нацистские руководители государства способны без колебаний обречь свой народ на гибель. В то время мы в силу ограниченности нашего кругозора еще не понимали всей безнадежности сложившегося положения. Именно поэтому мы не могли и не решались установить соответствующие контакты друг с другом и с нашими подчиненными и перейти к совместным действиям.

Предательство Гитлера обрекло германские войска, мужественно и неуклонно исполнявшие свой долг, на многочисленные поражения, которые не только убедили нас в том, что развязанная Гитлером война уже проиграна, но и показали, сколь тяжким преступлением против нашего народа и народов всего мира она является сама по себе.

Пятьдесят генералов, обращающихся из русского плена к германскому народу, сами являются свидетельством катастрофических масштабов наших поражений, тщательно скрываемых до сих пор от немецкого народа. Никто не понуждал их выступать с этим обращением, в котором они единодушно и с полной ответственностью заявляют о безнадежности нашего положения. Это, в свою очередь, доказывает, что только свержение

Гитлера и преступного террористического режима национал-социалистов откроет нам путь к миру, спасению германского

народа и созданию новой, демократической Германии».

В связи с призывом пятидесяти генералов В. Мюллер обратился по радио «Свободная Германия» непосредственно к старшим офицерам и генералам вермахта:

«С гордостью и удовлетворением я заявляю, что принадлежу к числу пятидесяти генералов, подписавших обращение. Я также твердо убежден в том, что, говоря словами этого документа, "нет никакой надежды на то, что положение изменится к лучшему, — война уже проиграна".

Я счел необходимым обратиться непосредственно к старшим офицерам и генералам вермахта. Лживая пропаганда или безосновательные посулы не помешают вам, господа, с исчерпывающей полнотой оценить создавшуюся безнадежную обстановку. Вы знаете, что вермахт и народ обескровлены, а наши материальные ресурсы на исходе. Знаете вы и о том, что для успешной оборонительной войны на границах Германии нет никаких предпосылок. Противник полностью завладел инициативой. В окруженной Германии Гитлеру не удается временно прекратить бои на одном из фронтов и сосредоточить на другом свои ограниченные резервы. Завершив подготовительные операции, союзники вскоре перейдут в решающие наступления на всех фронтах.

Последняя стадия войны будет для гитлеровской Германии борьбой на истощение. Ее фронт и тыл станут единым полем гигантской битвы, которая в результате превосходства сил противника неизбежно закончится разгромом обескровленного вермахта и его полным уничтожением.

Какой же смысл продолжать борьбу? Выиграть время? Зачем? Как видно из сказанного выше, Гитлеру не приходится рассчитывать на изменение обстановки в свою пользу. Ни один настоящий военачальник, ни один опытный боевой офицер не поверит в возможность благоприятного изменения общей ситуации в результате применения мифического "чудодейственного оружия".

Поэтому борьба за выигрыш времени бессмысленна как в военном, так и в политическом отношении. Это преступление перед народом, которое обрекает его на новые бессмысленные жертвы, увеличивает его ответственность за продолжение войны.

Генералы вермахта должны также сознавать, что геббельсовская пропаганда об угрозе большевизации Европы — сплошная ложь, подстрекательство к продолжению самоубийственной борьбы. Во всей Европе поднимаются силы, которые не хотят допустить повторения гитлеровского преступления против мира и человечества. И это именуется

"большевизацией"! В одном лагере с этими силами находится широкое движение "Свободная Германия", исполненное великой любви к своему народу. В наших рядах — генерал-фельдмаршал Паулюс, генерал артиллерии фон Зейдлиц, многие генералы и сотни тысяч солдат и офицеров, которые попали в русский плен и вопреки утверждениям Геббельса остались живы. Генералы вермахта, вы не можете упрекать нас в том, что в рядах движения "Свободная Германия" мы объединились с коммунистами. Я спрашиваю вас: кто истинные друзья германского народа? Гитлер и его приспешники, которые обрекли нашу родину на безмерное горе и неизгладимый позор, или преследуемые ими коммунисты, которые вместе с подлинными патриотами своевременно предостерегали народ от авантюризма национал-социалистов?

Вам, генералам вермахта, рано или поздно придется держать ответ. Рядовые и офицеры — фронтовики не в состоянии правильно оценить общую обстановку. Они верят своим генералам. И придет час, когда германский народ спросит вас, генералов: "Вы знали все, так почему же вы ничего не предприняли?" Обращение пятидесяти ставит вас перед ответственным выбором: намерены ли вы и впредь, зная истинное положение дел, слепо повиноваться Гитлеру и Гиммлеру и вместе с ними толкать наш народ в бездну или вы готовы последовать нашему призыву и во имя спасения германского народа проявить хотя бы в последний момент мужество и решимость покончить с бессмысленной войной и, свергнув Гитлера, Гиммлера и всю гибельную национал-социалистскую систему, сделать первый шаг к восстановлению доброго имени немцев и к лучшему будущему?»

В феврале 1945 года на Крымской конференции глав правительств Советского Союза, США и Англии был обсужден вопрос о дальнейших совместных действиях против Германии.

В Ялтинской декларации говорилось не об уничтожении германского народа, а о полном искоренении германского милитаризма и фашизма. Главы правительств заявили о своей решимости не допустить такого положения, при котором Германия вновь смогла бы угрожать миру. В частности, было решено раз и навсегда ликвидировать германский Генеральный штаб. В. Мюллер в своей статье, опубликованной в газете «Фрейес Дейчланд» 18 февраля 1945 года, выступая от имени многих военнопленных генералов и офицеров, готовых к честному сотрудничеству в деле обновления Германии, выразил свою точку зрения по этому вопросу.

«На протяжении жизни одного поколения Германия развязала и проиграла две мировые войны. В обоих случаях она пыталась

поработить и обездолить другие народы. При кайзере это называлось борьбой за "место под солнцем", при Гитлере — "борьбой за жизненное пространство".

Германский Генеральный штаб послушно разрабатывал стратегические планы агрессивных войн вне зависимости от того, знали ли его отдельные звенья политическую подоплеку этих планов. Более того, именно показная аполитичность, которой кичился германский Генштаб, и "чисто военный образ мыслей" превращали его в инструмент тех правящих кругов, которые вопреки подлинным интересам народа вели дело к войне. Его стратегические планы в Первой мировой войне оказались "попыткой с негодными средствами". Как и следовало ожидать, в ходе войны возникла могущественная союзническая коалиция. Германия оказалась не в силах решить борьбу в свою пользу "чисто военными средствами". Людендорф потерпел полное поражение в своих попытках найти "военное решение" вопреки всем трезвым расчетам. Легенда о "германской армии, не побежденной на поле боя", возникшая после Первой мировой войны, привела при Гитлере к новой попытке Генерального штаба "избежать ошибок прошлого" и выиграть мировую войну. Попытка эта завершилась катастрофой неизмеримо больших, небывалых масштабов.

Потрясенные, мы осознали, что прежние пути и методы не только были порочны в своей основе, но и навлекли на Германию вражду и ненависть всего мира. Мы поняли теперь, в каком выигрыше оказался бы наш народ, как высоко поднялся бы его авторитет в сообществе других наций, как возросло бы его благосостояние и ускорилось бы его прогрессивное развитие, если бы вся его энергия, самоотверженность, все средства, бесцельно растраченные в двух мировых войнах, были направлены на мирные цели. Поэтому мы исполнены непоколебимой решимости вновь обрести доверие народов мира, честно признав свои ошибки, встав на путь неустанного труда и построения подлинного и прочного демократического строя в нашем отечестве».

Поражение германского империализма и милитаризма неизбежно надвигалось. Однако многие генералы все еще были верны гитлеровской клике и, спасая себя, не щадили жизней германских солдат. В статье, опубликованной в газете «Фрейес Дейчланд» 4 апреля 1945 года, В. Мюллер обратился с призывом ко всем военнослужащим вермахта силой положить конец бессмысленному кровопролитию и не подчиняться более обезумевшим фанатикам, требующим «держаться до конца»:

«Нельзя терять ни одного дня!

До сих пор каждый день льются бессмысленно потоки крови. Апатия, оцепенение и чувство обреченности овладели германским народом и вермахтом. Немцы на фронте и в тылу ждут конца этой страшной гитлеровской войны. Каждому германскому солдату грозит неминуемая гибель со дня на день в последних, безнадежных боях. И все же война продолжается. Во имя чего народ продолжает эту самоубийственную борьбу?

Рухнули последние надежды. Неопровержимо доказано, что Гитлер подло предал свой народ, и все же многие еще сохраняют верность проклятой нацистской системе, полагая, что их собственная участь неразрывно связана с ее судьбой. Иные являются соучастниками гитлеровских преступлений и позорных методов ведения войны. Другие боятся наказания, зная, какие бедствия мы принесли другим народам, следуя за Гитлером. И, наконец, все без исключения слепо повинуются приказам.

Вдобавок все запутаны нацистским террором и, ссылаясь на него, малодушно уклоняются от решительных действий, необходимых для спасения народа, их подчиненных и товарищей. Таким образом, подавляющая часть армии охвачена чувством бессилия и обреченности. На фронте немецких солдат ждет неминуемая и скорая гибель в последних боях. Но еще больше они боятся террора кучки нацистских главарей и карателей, укрывающихся за их спиной. И они ждут чуда, но дождутся лишь верной смерти.

Было уже немало случаев, когда германские солдаты отказывались под различными предлогами идти на фронт, то есть на верную смерть. Но затем они без сопротивления давали себя разоружить, и сотни из них поплатились за это головой.

Судя по приказам и документам, захваченным Красной Армией, увеличивается число случаев, когда солдаты в отчаянии бегут с фронта. Но в тылу они без боя сдаются эсэсовцам и другим карателям, которые тут же ставят их к стенке.

Все немцы, кроме нацистских преступников, жаждут мира. Однако они не в состоянии сделать соответствующие выводы и осуществить свою волю. Они не решаются действовать и тем самым обрекают себя на верную смерть. Неужели всех злодеяний Гитлера, подло обманувшего и опозорившего армию и народ, всех жертв, понесенных ими по его вине, недостаточно, чтобы разжечь пламя гнева против него и его приспешников? Только жгучая ненависть к этим врагам народа, их подручным — палачам и холопам — даст возможность германскому народу хотя бы в последнюю минуту внести вклад в дело собственного освобождения. Этого ждет от него весь мир. Пока еще не поздно — положим конец войне! В этом наш последний шанс.

Поэтому все солдаты должны без страха и колебаний заручиться взаимной поддержкой и приступить к решительным действиям.

Все средства хороши для прекращения этой преступной массовой бойни. Все действия, направленные на достижение этой цели, соответствуют интересам народа, вермахта и каждого немца.

Но необходимы мужество и воля к борьбе, чтобы спасти жизнь свою и товарищей, чтобы устранить эсэсовских палачей, до конца разоблачить и обезвредить шпиков и нацистских агентов. К последним следует отнести и верных Гитлеру начальников, которые приказывают "сражаться до конца", рассчитывая спастись бегством или прошагать в плен по трупам своих солдат.

Обстановка на фронте сейчас такова, что даже горсточка храбрых и целеустремленных людей сможет взять командование в свои руки и покончить с позорным положением, при котором гитлеровские выкормыши безраздельно хозяйничают в частях и соединениях. К этим людям примкнут колеблющиеся. Нельзя отдавать без сопротивления своих товарищей на расправу.

Главное — сделать первый шаг решительно и повсеместно. Стоит лишь устранить для начала хотя бы некоторых, первых попавшихся пособников Гитлера, фанатиков, шпиков и карателей, и восстание распространится вширь и вглубь. Гитлеровский террористический аппарат сразу же начнет разваливаться, и успех будет обеспечен. После этого появится возможность вступить в контакт с противником, прекратить боевые действия и положить конец бессмысленному истреблению людей.

Действовать надо без промедления и повсеместно, даже там, где не удастся установить связь с другими частями. Иначе погибнут новые сотни тысяч людей. Нельзя терять ни одного дня!»

После разгрома германского фашизма и его японских союзников В. Мюллер опубликовал в газете «Фрейес Дейчланд» 30 августа 1945 года статью, в которой подвел итоги преступной гитлеровской войны за «жизненное пространство»:

«Япония подписала безоговорочную капитуляцию. Разгромлен последний участник "оси" Берлин — Рим — Токио, которая принесла всему миру столько страданий. Борьба Объединенных Наций за свободу и прогресс, за права и достоинства человека увенчалась теперь окончательной победой. Мир вздохнул свободно. Народы преисполнены теперь решимости создать лучшее будущее, за которое они заплатили неисчислимыми жертвами и безмерными страданиями. Поражение Японии побуждает нас, немцев, вновь повторить

выводы, столь важные для оценки нашего собственного прошлого и для создания лучшего будущего.

Гитлер, как и многие германские поджигатели войны до него, говорил о "зависти и ненависти других", о том, что в этом мире немцы окружены врагами.

Именно в Японии, Германии и Италии тезис о "жизненном пространстве" лег в основу разбойничьей, захватнической политики. Все эти три государства в результате внутренней отсталости вышли на мировую политическую арену лишь во второй половине прошлого столетия. Эти страны, в особенности Япония и Германия, вступили в эпоху демократии, не освободившись от бремени феодально-милитаристских пережитков.

Бурный, скачкообразный экономический подъем привел к возникновению в этих государствах агрессивного и шовинистического империализма, который сочетал в себе напористую наглость разбогатевшего выскочки со спесью и притязаниями грабителя-феодала. Опасаясь к тому же демократического внутреннего развития, этот империализм искал выхода в захватнических войнах. Таким образом, причины, которые привели к союзу японских захватчиков, мечтавших о "Великой Азии", с национал-социалистами, стремившимися создать "Великую Европу" с ее придатком — "Средиземноморской империей" Муссолини, совершенно ясны. Не менее очевидно, что это единство целей должно было привести к аналогичной разбойничьей политике всех трех держав "оси" и, в конце концов, к неизбежной катастрофе.

Агрессивные устремления и планы гегемонии побудили эти государства проводить вероломную политику в нарушение подписанных договоров (достаточно в этой связи сопоставить подписание "антикоминтерновского пакта" и договора о ненападении с Советским Союзом) и вступить на авантюристический путь безудержной гонки вооружений. Чем больше державы "оси" убеждались в миролюбии других государств, тем более опрометчиво они вели дело к войне.

Развязывая мировую войну, эти завоеватели "жизненного пространства" прибегали к сходным провокационным методам. Сходными были и начальные непрочные успехи Германии и Японии, достигнутые благодаря временному преимуществу в вооружениях. И под конец они попали в аналогичную ситуацию, при которой им не осталось ничего другого, как попытаться удержать захваченное путем непрерывных актов агрессии. На этом пути они и обескровили свои народы.

Захватчики награбили колоссальные ценности во многих

государствах. Но, несмотря на это, как в Японии, так и в Германии обнищание широких народных масс прогрессировало. Грабеж не мог покрыть расходов на военные авантюры и удержание захваченных районов. Ложная теория «жизненного пространства» обернулась против ее создателей. Их политика и стратегия потерпели неизбежный крах, ибо они хотели обрести для себя "жизненное пространство", отняв его силой у других народов.

Ход войны показал, что весь мир не хочет мириться с подобной политикой "жизненного пространства". Борьба за свободу сплотила народы мира воедино и привела их к победе. Это доказала не только позиция великих держав, но и сопротивление малых стран. Примером этому являются героическая армия Тито, борьба китайских партизан, польских, французских, норвежских, датских, словацких и греческих патриотов. Не Япония или Германия оборонялись в этой войне от окружающих их врагов, а весь мир восстал против тех, кто покушался на его свободу.

Так, в ожесточенной борьбе против угнетения и эксплуатации было выковано единство демократических и свободолюбивых сил. Их сплоченность и сила сопротивления режиму насилия и террора, установленному фашистскими захватчиками, непрерывно росли. И всякий раз, когда какое-либо государство попытается захватить и поработить другие страны, народы будут, как один, вставать на борьбу против захватчиков. Таков основной урок, который мы должны извлечь из нашего собственного позорного поражения и из крушения Японии, и мы говорим ныне: "Это не должно повториться!" Надо идти другим путем. Каждый народ должен создать подлинный демократический и свободный строй в своем государстве и навсегда лишить власти кучку людей, которые вновь и вновь стремятся к военным авантюрам. Тогда каждый народ, отстаивая свою свободу, будет защищать мир и свободу всех народов. И все народы нашей планеты обретут тогда достаточное жизненное пространство».

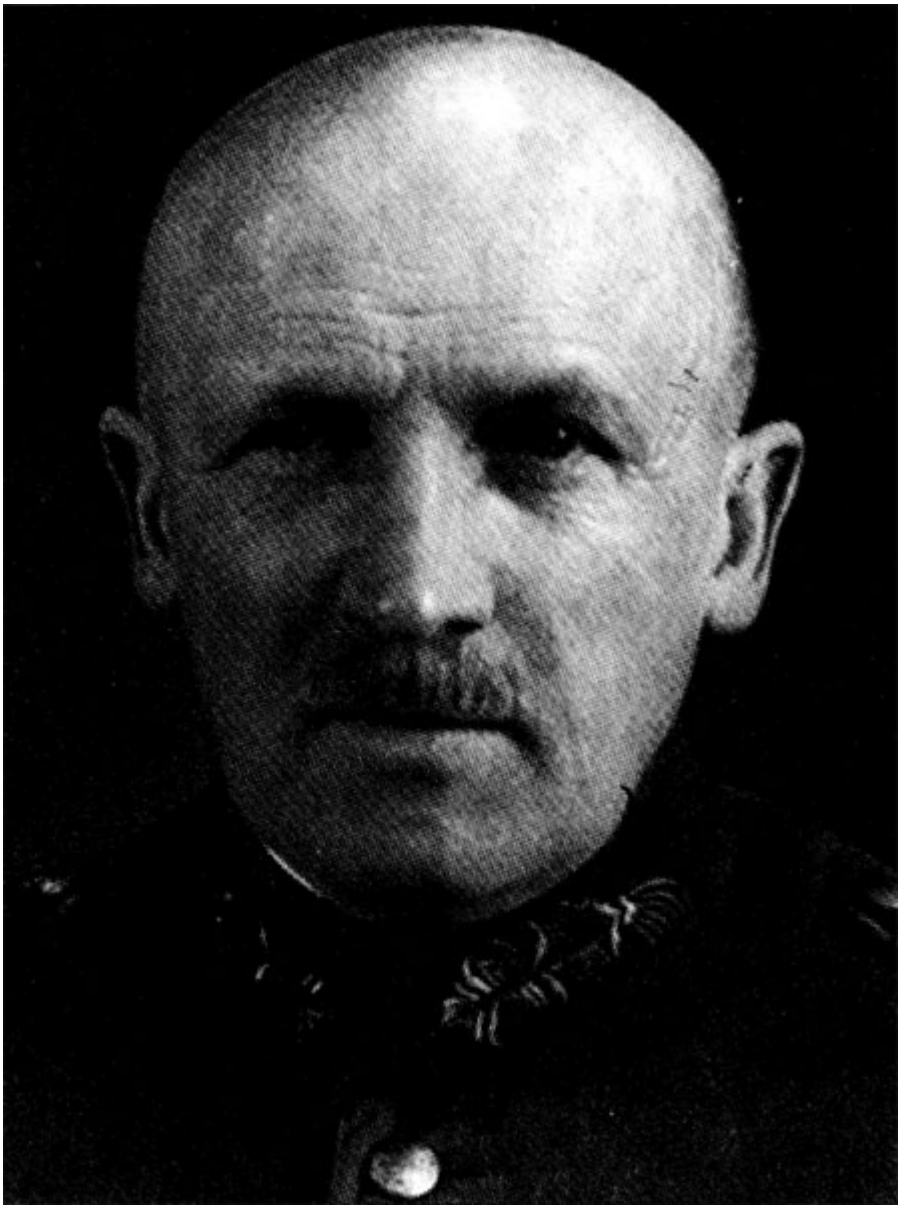
Фотографии

Генерал-лейтенант Национальной Народной Армии ГДР Винценц Мюллер

Шведский путешественник Свен Гедин, с которым Мюллер познакомился в Турции

Турецкие солдаты в Галиполи

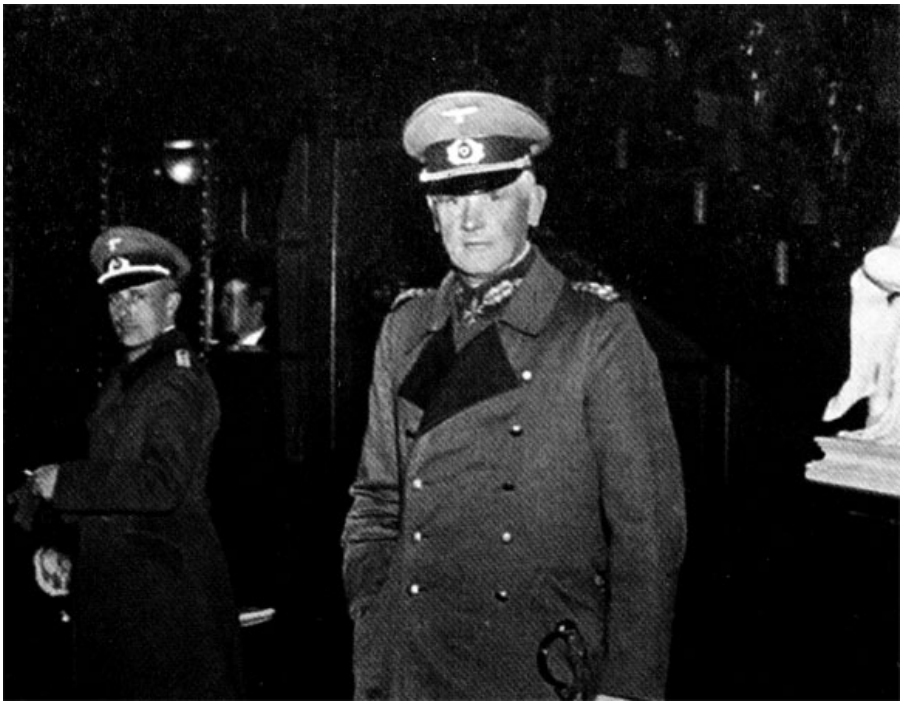
Генерал фон дер Гольц и князь Вермонт-Авалов в Риге. Лето 1919 г.



Генерал Курт фон Шлейхер

Фон Шлейхер выгуливает любимых питомцев

Вернер фон Бломберг



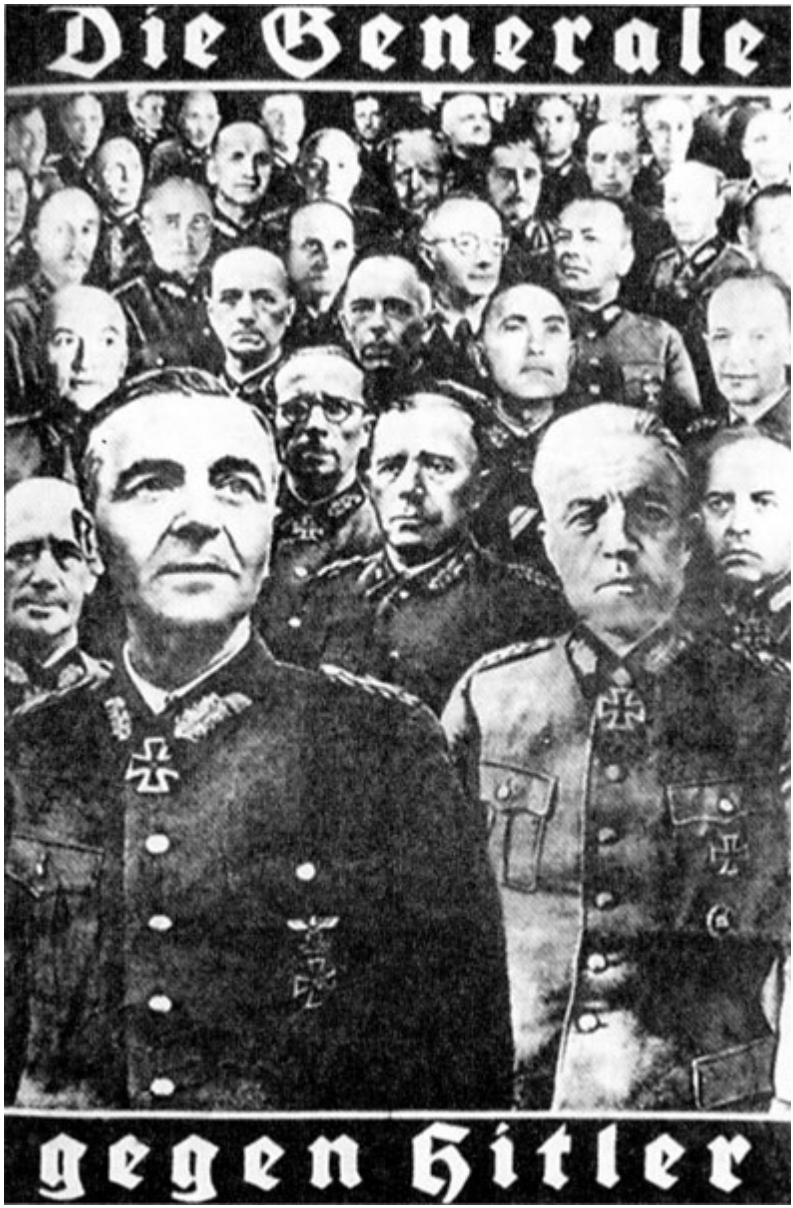
Вернер фон Бломберг

Фон Бломберг, Гитлер, фон Гинденбург и фон Папен

Генералы фон Рундштедт, фон Фрич и фон Бломберг

Эмблема 57-й дивизии, которой Мюллер командовал в 1943

году



Плакат НКСГ «Генералы против Гитлера». Среди прочих на нем виден портрет Винценца Мюллера

17 июля 1944 г. Марш солдат вермахта, взятых в плен в ходе разгрома группы армий «Центр». Среди немецких генералов — командующий 4-й полевой армией генерал-лейтенант Винценц Мюллер

17 июля 1944 г. Марш солдат вермахта, взятых в плен в ходе разгрома группы армий «Центр». Среди немецких генералов — командующий 4-й полевой армией генерал-лейтенант Винценц Мюллер

Германские военнопленные идут по Москве

Германские военнопленные идут по Москве

Германские военнопленные идут по Москве

Марш пленных через Москву

Поливальные машины смывают следы колонны немецких военнопленных

Берлин, создание ГДР, учреждение Народной палаты. В президиуме Винценц Мюллер

Первое заседание народной палаты ГДР

Винценц Мюллер выступает на заседании народной палаты

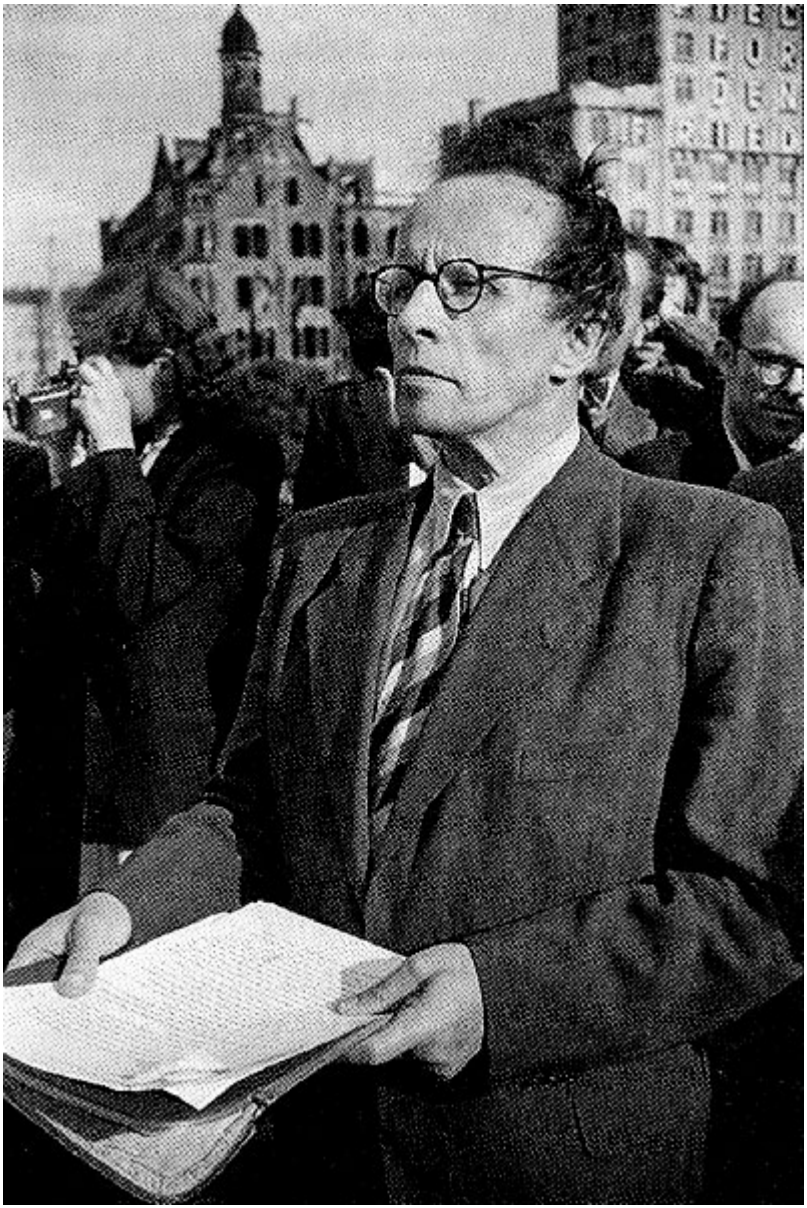
Мюллер в форме генерала ННА ГДР

Генералы ННА поздравляют президента ГДР Вильгельма Пика с 80-летием

Генералы ННА поздравляют президента ГДР Вильгельма Пика с 80-летием

Генералы ННА представляются президенту ГДР

Генералы ННА представляются президенту ГДР



Винценц Мюллер на митинге в поддержку мира. Берлин, 22 шюня 1950 г.